

И. СТАЛИН

НА ПУТЯХ
К ОКТЯБРЮ

СТАТЬИ и РЕЧИ

МАРТ — ОКТЯБРЬ
1917

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	VII—XLVII
Два необходимых замечания	VIII
Внешняя и внутренняя обстановка Октябрьской революции	XI
О двух особенностях Октябрьской революции, или Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого	XIV
О некоторых особенностях тактики большевиков в период подготовки Октября	XXX
Октябрьская революция, как начало и предпосылка мировой революции	XLII

МАРТ.

О Советах Рабочих и Солдатских Депутатов	1
О войне	2
Об условиях победы русской революции	6
Против федерализма	10

АПРЕЛЬ.

Две резолюции	14
Землю — крестьянам	15
О совещании в Марининском дворце	17
Речи на Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 24 — 29 апреля (6 — 11 мая) 1917 г.:	
I. Речь в защиту резолюции тов. Ленина по вопросу о текущем моменте	20
II. Доклад по национальному вопросу	21
Заключительное слово	26

МАЙ.

Отставшие от революции	27
Муниципальная кампания	31

ИЮНЬ.		Стр.
Вчера и сегодня (Кризис революции)		41
Против разрозненных демонстраций		47
Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда		49
На демонстрации		52

ИЮЛЬ.		
Победа кадетов		55
Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда		56
Две конференции		62
Новое правительство		62
Речи на экстренной конференции Петроградской организации Р. С.-Д. Р. П. (б.) 16 — 17 (29 — 30) июля 1917 г.:		
I. Политический отчет Ц.К.		64
II. Доклад о текущем моменте		69
Ответы на поданные записки		75
Заключительное слово		76
Контр-революция штурмует, оборонцы хоронят революцию		78
Чего хотят капиталисты?		80
Против Московского совещания		83
Речи на VI съезде Р. С.-Д. Р. П. (б.) 26 июля (8 авг.) — 3 (16) авг.:		
I. Политический отчет Ц.К.		86
Заключительное слово		94
II. Доклад о политическом положении		96
Ответы на вопросы		102
Заключительное слово		105
III. Возражение тов. Преображенскому по вопросу о 9-м пункте резюми «о политическом положении»		108
Еще о Стокгольме		109

АВГУСТ.		
Куда ведет Московское совещание?		112
Два пути		116
Итоги совещания		119
Правда о поражении на фронте		121
О причинах июльского поражения на фронте		124
Кто же виноват в поражении на фронте?		129
Американские миллиарды		133
Сегодня выборы		136
Полоса провокации		140
Разделение труда в партии «социалистов-революционеров»		141
Союз желтых		143
Мы требуем		146
Заговор продолжается		149
Против соглашений		153

СОДЕРЖАНИЕ

СЕНТЯБРЬ.

Стр.

Кризис и Директория	153
Своим путем	156
О разрыве с кадетами	158
Вторая волна.	161
Две линии	166
Вся власть Советам	168
О революционном фронте	170
Куют цепи	173
Правительство буржуазной диктатуры	175
Ждать вам — не дожидаться	178

ОКТАБРЬ.

Заговор против революции	181
Кто срывает Учредительное Собрание	197
Контр - революция мобилизуется, — готовьтесь к отпору	199
Власть Советов	201
Экзамен наглости	204
Штрейкбрехеры революции	206
Речь на заседании ЦК 16 октября 1917 г.	211
«Окружили мя тельцы мнози тучны»	211
Что нам нужно?	214

Летопись событий	217
----------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка представляет сборник статей и речей автора за март — октябрь 1917 года. В сборник попало все сколько-нибудь важное и сохранившееся. Не попали лишь злободневные заметки и мелкие статейки автора из отделов «Отклики» и «Обзор печати» в «Правде», «Рабочем Пути» и т. д. за август — октябрь 1917 г., так как мне казалось, что они, увеличив объем книжки, не дали бы, между тем, читателю чего-либо нового в сравнении с основными статьями. Должен сказать, что я долго не решался издать даже основные статьи предоктябрьского периода, ибо для меня было ясно, что они не могут представить для читателя и сотовой доли того интереса, какой представляет, например, XIV том сочинений Ленина. И, вообще, стоит ли заниматься изданием статей и речей отдельных авторов после того, как партия получила от Ленина такое наследство, как XIV том его сочинений? И если я все же решился издать теперь этот сборник, то это потому, что за последнее время интерес к Октябрю, особенно в связи с последней дискуссией, возрос среди членов партии неимоверно. Я думаю, что для товарищей, желающих изучить Октябрьскую революцию, настоящий сборник мог бы представить не бесполезный материал.

Весь материал сборника собран товарищем Товстухой. без помощи которого сборник не мог бы вообще выйти в свет. Издается этот материал, конечно, без изменений, если не считать некоторых стилистических поправок, внесенных в «политический отчет» на июльской общегородской конференции Ленинградской организации и на VI съезде партии, ранее автором не просмотренный. Этим, собственно, и объясняется, что дело издания сборника обошлось без особой для этого предмета редакции.

ДВА НЕОБХОДИМЫХ ЗАМЕЧАНИЯ.

Первое замечание касается первых трех статей в сборнике. Эти статьи отражают известные колебания большинства нашей партии по вопросам о мире и власти Советов, имевшие место, как известно, в марте — апреле 1917 года. Это был период крутой ломки старых позиций. Старая платформа прямого свержения правительства теперь уже не отвечала действительности. Теперь уже нельзя было идти на немедленное свержение правительства, связанного с Советами, ибо, кто хотел свергнуть тогда Временное Правительство, тот должен был свергнуть и Советы. Но нельзя было также вести политику поддержки Временного Правительства, ибо это правительство являлось правительством империализма. Нужна была новая ориентировка партии. Немудрено, что большевики, разбросанные царизмом по тюрьмам и ссылкам и теперь только получившие возможность съехаться с разных концов России для выработки новой платформы, — не смогли в один присест разобраться в новом положении. Немудрено, что в поисках новой ориентировки партия остановилась тогда на полдороге в вопросах о мире и о власти Советов. Понадобились знаменитые «апрельские тезисы» Ленина для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу. Я уже говорил раз в своей речи на фракции В. Ц. С. П. С., что эту ошибочную позицию я разделял тогда с большинством партии и отказался от нее полностью в середине апреля, присоединившись к «апрельским тезисам» Ленина...

Второе замечание касается статьи «Против федерализма» (см. стр. 10). Статья эта выражает господствовавшее тогда в партии отрицательное отношение к федеративному устройству государства. Это отрицательное отношение к федерализму наиболее резкое выражение получило в известном письме Ленина к Шаумяну в ноябре 1913 г.

«Мы, — говорит Ленин в этом письме, — за демократический централизм, безусловно. Мы против федерации... Мы в принципе против федерации — она

ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или вернее, если гнет и трения «сожительства» таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделиться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь «право на федерацию» (см. «Ленинский сборник», III).

Характерно, что в резолюции по национальному вопросу, принятой Апрельской конференцией партии в 1917 году, вопрос о федеративном устройстве государства остался совершенно незатронутым. В резолюции говорится о праве наций на отделение, об автономии национальных областей в рамках единого (унитарного) государства, наконец, об издании основного закона против каких бы то ни было национальных привилегий, но ни одного слова не сказано о допустимости федеративного устройства государства.

В книжке Ленина «Государство и революция» (август 1917 года) партия, в лице Ленина, делает первый серьезный шаг к признанию допустимости федерации, как переходной формы «к централистической республике», сопровождая, впрочем, это признание рядом серьезных оговорок.

«Энгельс, как и Маркс, — говорит Ленин, — отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос... Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, «покончила» с национальным вопросом отдельных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику» (см. том XIV, ч. 2-я, стр. 355 — 356).

Только после Октябрьского переворота становится партия твердо и определенно на точку зрения федерации, выдвигая ее, как свой собственный план государственного устройства советских республик на время переходного периода. Впервые эта точка зрения получила свое выражение в известной «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в январе 1918 года, писанной Лениным и одобренной Центральным Комитетом Партии. В этой декларации сказано: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик» (см. том XV, стр. 54).

Официально эта точка зрения была утверждена партией на ее VIII съезде (1919 год). Известно, что на этом съезде была принята программа Р. К. П. В этой программе говорится:

«Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу» (см. «Программу Р. К. П.»).

Таков путь, пройденный партией от отрицания федерации к признанию ее, как «переходной формы к полному единству трудящихся разных наций» (см. «Тезисы по нац. вопросу», принятые II конгрессом Коминтерна).

Чем объяснить эту эволюцию взглядов нашей партии по вопросу о федерации? Ее можно объяснить тремя причинами.

Во-первых, тем, что ко времени Октябрьского переворота целый ряд национальностей оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, в виду чего федерация оказалась шагом вперед от разрозненности трудящихся масс этих национальностей к их сближению, к их объединению.

Во-вторых, тем, что самые формы федерации, наметившиеся в ходе советского строительства, оказались далеко не столь противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей, как это могло казаться раньше, или даже — вовсе не противоречащими этим целям, как показала в дальнейшем практика.

В-третьих, тем, что удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, а путь объединения наций — гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше, в период до войны, или в период до Октябрьской революции.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ОБСТАНОВКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную легкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, власть буржуазии.

Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил.

Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистской войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны. Это обстоятельство имело серьезнейшее значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей в руки мощное оружие мира, облегчило ей возможность соединения советского переворота с окончанием ненавистной войны и создало ей, в виду этого, массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетенных народов.

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции

в России неопределимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом.

Но, кроме обстоятельств внешнего порядка, Октябрьская революция имела еще целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу.

Главными из этих условий нужно считать следующие.

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых, Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими «бунтами» класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

В-пятых, она имела в своем распоряжении огромные пространства молодого государства, где она могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых, Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контр-революцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых ресурсов внутри страны.

Сочетание этих внешних и внутренних обстоятельств создало ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную легкость победы Октябрьской революции.

Это не значит, конечно, что Октябрьская революция не имела своих минусов в смысле внешней и внутренней обстановки. Чего стоит, например, такой минус, как известная

одинокость Октябрьской революции, отсутствие возле нее и по соседству с ней советской страны, на которую она могла бы опереться? Несомненно, что будущая революция, например, в Германии оказалась бы в этом отношении в более выгодном положении, ибо она имеет по соседству такую серьезную по своей силе советскую страну, как наш Советский Союз. Я уже не говорю о таком минусе Октябрьской революции, как отсутствие пролетарского большинства в стране.

Но эти минусы лишь подчеркивают громадное значение того своеобразия внутренних и внешних условий Октябрьской революции, о которых говорилось выше.

Об этом своеобразии нельзя забывать ни на одну минуту. О нем особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 г. О нем прежде всего должен помнить т. Троцкий, огульно проводящий аналогию между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию за ее действительные и мнимые ошибки.

«России, — говорит Ленин, — в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко начать социалистическую революцию, тогда как продолжать ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко вра-

ждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; — таких специфических условий в Западной Европе теперь нет и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, — помимо ряда других причин, — начать социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам» (см. «Детскую болезнь», том XVII, стр. 153).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

О ДВУХ ОСОБЕННОСТЯХ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ ОКТЯБРЬ И ТЕОРИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ТОВ. ТРОЦКОГО.

Существуют две особенности Октябрьской революции, уяснение которых необходимо прежде всего для того, чтобы понять внутренний смысл и историческое значение этой революции.

Что это за особенности?

Это, во-первых, тот факт, что диктатура пролетариата родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства при руководстве последними со стороны пролетариата. Это, во-вторых, тот факт, что диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых. Это не значит, конечно, что у Октябрьской революции нет других особенностей. Но для нас важны теперь именно эти две особенности не только потому, что они отчетливо выражают сущность Октябрьской революции, но и потому, что они великолепно вскрывают оппортунистическую природу теории «перманентной революции».

Рассмотрим вкратце эти особенности.

Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции. Кого поддержит в борьбе за власть трудовой

люди города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом буржуазии или резервом пролетариата, — от этого зависит судьба революции и прочность диктатуры пролетариата. Революции 48 и 71 года во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы, что она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата, что пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионных масс трудового народа города и деревни.

Кто не понял этого, тот никогда не поймет ни характера Октябрьской революции, ни природы диктатуры пролетариата, ни своеобразия внутренней политики нашей пролетарской власти.

Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат.

Речь идет здесь, таким образом, не о том, чтобы «немножечко» недооценить, или «немножечко» переоценить, революционные возможности крестьянского движения, как любят теперь выражаться некоторые дипломатические защитники «перманентной революции». Речь идет о природе нового пролетарского государства, возникшего в результате Октябрьской революции. Речь идет о характере пролетарской власти, об основах самой диктатуры пролетариата.

«Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.),

или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» (см. том XVI, стр. 241).

И далее:

«Диктатура» пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: «только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» (см. том XVI, стр. 248).

Такова теория диктатуры пролетариата, данная Лениным.

Одна из особенностей Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата.

Некоторые товарищи полагают, что эта теория является чисто «русской» теорией, имеющей отношение лишь к российской действительности. Это неверно. Это совершенно неверно. Говоря о трудящихся массах непролетарских классов, руководимых пролетариатом, Ленин имеет в виду не только русских крестьян, но и трудящиеся элементы окраин Советского Союза, недавно еще представлявших колонии России. Ленин неустанно твердил, что без союза с этими инациональными массами пролетариат России не сможет победить. В своих статьях по национальному вопросу и в речах на конгрессах Коминтерна Ленин неоднократно говорил, что победа мировой революции невозможна без революционного союза, без революционного блока пролетариата передовых стран с угнетенными народами поработенных колоний. Но что такое колонии, как не те же угнетенные трудовые массы, и прежде всего трудовые массы крестьянства? Кому не известно, что вопрос об освобождении колоний является по сути дела

вопросом об освобождении трудовых масс непролетарских классов от гнета и эксплуатации финансового капитала?

Но из этого следует, что ленинская теория диктатуры пролетариата есть не чисто «русская» теория, а теория, обязательная для всех стран. Большевизм не есть только русское явление. «Большевизм», говорит Ленин, есть «образец тактики для всех» (см. «Пролетарская революция», стр. 89).

Таковы характерные черты первой особенности Октябрьской революции.

Как обстоит дело с теорией «перманентной революции» т. Троцкого с точки зрения этой особенности Октябрьской революции?

Не будем распространяться о позиции т. Троцкого в 1905 году, когда он «просто» забыл о крестьянстве, как революционной силе, выдвигая лозунг «без царя, а правительство рабочее», т.-е. лозунг о революции без крестьянства. Даже т. Радек, этот дипломатический защитник «перманентной революции», вынужден теперь признать, что «перманентная революция» в 1905 году означала «прыжок в воздух» от действительности (см. «Правда» от 14 декабря 1924 г.). Теперь, видимо, все признают, что с этим «прыжком в воздух» не стоит больше возиться.

Не будем также распространяться о позиции т. Троцкого в период войны, скажем, в 1915 году, когда он в своей статье «Борьба за власть», исходя из того, что «мы живем в эпоху империализма», что империализм «противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации», пришел к выводу о том, что революционная роль крестьянства должна убывать, что лозунг о конфискации земли не имеет уже того значения, какое он имел раньше (см. «1905 год», стр. 289—292). Известно, что Ленин, разбирая эту статью т. Троцкого, обвинял его тогда в «отрицании» «роли крестьянства», говоря, что «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают не желание поднимать крестьян на революцию!» (см. «Против течения», стр. 307—308).

Перейдем лучше к более поздним трудам т. Троцкого по этому вопросу, к трудам того периода, когда пролетарская диктатура успела уже утвердиться, и когда т. Троцкий имел возможность проверить свою теорию «перманентной революции» на деле и исправить свои ошибки. Возьмем «Предисловие» к книге т. Троцкого «1905 год», писанное в 1922 году. Вот что говорит т. Троцкий в этом «Предисловии» о «перманентной революции»:

«Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции». Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (см. упомянутое выше «Предисловие» к книге т. Троцкого «1905 год») ¹⁾.

Так говорит т. Троцкий о своей «перманентной революции».

Стоит только сличить эту цитату с вышеприведенными цитатами из сочинений Ленина о диктатуре пролетариата, чтобы понять всю пропасть, отделяющую ленинскую теорию

¹⁾ Курсив мой. *И. Ст.*

диктатуры пролетариата от теории т. Троцкого о «перманентной революции».

Ленин говорит о союзе пролетариата и трудящихся слоев крестьянства, как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получаются «враждебные столкновения» «пролетарского авангарда» с «широкими массами крестьянства».

Ленин говорит о руководстве трудящимися и эксплуатируемыми массами со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения».

По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь «на арене мировой революции пролетариата».

А как быть, если международной революции суждено притти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей революции? Т. Троцкий не дает никакого просвета, ибо «противоречия в положении рабочего правительства... смогут найти свое разрешение только... на арене мировой революции пролетариата». По этому плану для нашей революции остается лишь одна перспектива: прозябать в своих собственных противоречиях и гнить на корню в ожидании мировой революции.

Что такое диктатура пролетариата по Ленину?

Диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Что такое диктатура пролетариата по Троцкому?

Диктатура пролетариата есть власть, вступающая «во враждебные столкновения» с «широкими массами крестьянства» и ищущая разрешения «противоречий» лишь «на арене мировой революции пролетариата».

Чем отличается эта «теория перманентной революции» от известной теории меньшевизма об отрицании идеи диктатуры пролетариата?

По сути дела ничем.

Сомнения невозможны. «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата.

«Перманентная революция» т. Троцкого есть разновидность, меньшевизма.

Так обстоит дело с первой особенностью Октябрьской революции.

Каковы характерные черты второй особенности Октябрьской революции?

Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. По смыслу этого закона, развитие отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит не равномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шла все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и с скачками вперед в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистских стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну. То же самое нужно сказать об Японии, по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакнули так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а вторая — Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, недавняя империалистическая война.

Закон этот исходит из того, что:

1) «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства земли (см. предисловие к французскому изданию «Империализма» Ленина);

2) «Дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну, из-за дележа своей добычи, всю землю» (см. там же);

3) Рост противоречий внутри мировой системы финансового угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран — вероятным;

4) Этот прорыв вероятнее всего может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистского фронта слабее, то-есть где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться;

5) В виду этого, победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, — вполне возможна и вероятна.

Таковы в двух словах основы ленинской теории пролетарской революции.

В чем состоит вторая особенность Октябрьской революции?

Вторая особенность Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является образцом применения на практике ленинской теории пролетарской революции.

Кто не понял этой особенности Октябрьской революции, тот никогда не поймет ни интернациональной природы этой революции, ни ее колоссальной международной мощи, ни ее своеобразной внешней политики.

«Неравномерность экономического и политического развития, — говорит Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победи-

вший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»... Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. «Против течения», стр. 130).

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться — если вообще она должна где-либо начаться по их теории — лишь в промышленно развитых странах, что чем развитее в промышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, при чем возможность победы социализма в одной стране, да еще капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой.

Известно, что Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции.

Как обстоит дело с «перманентной революцией» т. Троцкого с точки зрения ленинской теории пролетарской революции?

Возьмем брошюру т. Троцкого «Наша революция» (1906 г.). Т. Троцкий пишет:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» (см. «Наша революция», стр. 278).

О чем говорит эта цитата? Да о том, что победа социализма в одной стране, в данном случае в России, не-

возможна «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата», т.-е. до завоевания власти европейским пролетариатом.

Что общего между этой «теорией» и положением Ленина о возможности победы социализма «в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»?

Ясно, что тут нет ничего общего.

Но допустим, что эта брошюра т. Троцкого, изданная в 1906 году, когда трудно было определить характер нашей революции, содержит невольные ошибки и не вполне соответствует взглядам т. Троцкого в более поздний период. Рассмотрим другую брошюру т. Троцкого, его «Программу мира», появившуюся в свет перед Октябрьской революцией 1917 г. и переизданную теперь (в 1924 году) в книге «1917». В этой брошюре т. Троцкий критикует ленинскую теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране и противопоставляет ей лозунг Соединенных Штатов Европы. Он утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, что победа социализма возможна лишь как победа нескольких основных стран Европы (Англии, России, Германии), объединяющихся в Соединенные Штаты Европы, либо она вовсе невозможна. Он прямо говорит, что «победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии, и наоборот» (см. «1917», т. III сочинений т. Троцкого, часть 1, стр. 89).

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение, — говорит т. Троцкий, — против лозунга Соединенных Штатов было сформулировано в швейцарском «Социал-Демократе» (тогдашний центральный орган большевиков. *И. См.*) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма» Отсюда «Социал-Демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма

неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции неодинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собою капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать, — так свидетельствуют и опыт истории, и теоретические соображения, — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» (см. том III соч. тов. Троцкого, часть I, стр. 89 — 90).

Как видите, перед нами та же теория одновременной победы социализма в основных странах Европы, как правило, исключающее ленинскую теорию революции о победе социализма в одной стране.

Слов нет, что для полной победы социализма, для полной гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран. Слов нет, что без поддержки нашей революции со стороны пролетариата Европы пролетариат России не мог бы устоять против общего напора, точно так же, как без поддержки революционного движения на Западе со стороны революции в России не могло бы это движение развиваться тем темпом, каким оно стало развиваться после пролетарской диктатуры в России. Слов нет, что нам нужна поддержка. Но что такое поддержка нашей революции со стороны западно-европейского пролетариата? Сочувствие европейских рабочих к нашей революции, их готовность расстроить планы империалистов насчет интервенции, — есть ли все это поддержка, серьезная помощь? Безусловно, да. Без такой поддержки, без такой помощи не только со стороны европейских рабочих, но и со сто-

роны колониальных и зависимых стран, пролетарской диктатуре в России пришлось бы туго. Хватало ли до сих пор этого сочувствия и этой помощи, соединенной с мощью нашей Красной армии и с готовностью рабочих и крестьян России грудью отстоять социалистическое отечество, — хватало ли всего этого для того, чтобы отбить атаки империалистов и завоевать себе необходимую обстановку для серьезной строительной работы? Да, хватало. Растет ли это сочувствие, или убывает? Безусловно, растет. Есть ли у нас, таким образом, благоприятные условия не только для того, чтобы двинуть вперед дело организации социалистического хозяйства, но и для того, чтобы, в свою очередь, оказать поддержку как западно-европейским рабочим, так и угнетенным народам Востока? Да, есть. Об этом красноречиво говорит семилетняя история пролетарской диктатуры в России. Можно ли отрицать, что могучий трудовой подъем уже начался у нас? Нет, нельзя отрицать.

Какое значение может иметь после всего этого заявление т. Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы?

Оно может иметь лишь одно значение: во-первых, т. Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции; во-вторых, т. Троцкий не понимает неопределенного значения той моральной поддержки, которую оказывают нашей революции рабочие Запада и крестьяне Востока; в-третьих, т. Троцкий не улавливает той внутренней немощи, которая разъедает ныне империализм.

Увлечшись критикой ленинской теории пролетарской революции, т. Троцкий нечаянно разбил себя наголову в своей брошюре «Программа мира», вышедшей в 1917 г. и переизданной в 1924 г.

Но, может быть устарела и эта брошюра т. Троцкого, перестав почему-либо соответствовать нынешним его взглядам? Возьмем позднейшие труды т. Троцкого, написанные после победы пролетарской революции в одной стране, в России. Возьмем, например, «Послесловие» т. Троцкого к новому изданию брошюры «Программа

мира», написанное в 1922 г. Вот что он пишет в этом «Послесловии»:

«Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы ¹⁾ пролетариата в важнейших странах Европы» (см. том III соч. Троцкого, часть 1, стр. 92 — 93).

Так говорит т. Троцкий, явно греша против действительности и упорно стараясь спасти «перманентную революцию» от окончательного крушения.

Выходит, что, как ни вертись, а к созданию социалистического общества не только «не пришли», но даже «не подошли». Была, оказывается, кое у кого надежда на «соглашения с капиталистическим миром», но из этих соглашений тоже, оказывается, ничего не выходит, ибо, как ни вертись, а «подлинного подъема социалистического хозяйства» не получишь, пока не победит пролетариат «в важнейших странах Европы».

¹⁾ Курсив мой. *И. Ст.*

Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России «выбор»: либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство.

Недаром т. Троцкий говорит вот уже два года о «переждении» нашей партии.

Недаром т. Троцкий пророчил в прошлом году «гибель» нашей страны.

Как согласовать эту странную «теорию» с теорией Ленина о «победе социализма в одной стране»?

Как согласовать эту странную «перспективу» с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность «построить фундамент социалистической экономики»?

Как согласовать эту «перманентную» безнадежность, например, со следующими словами Ленина:

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет, — все, мы вместе, и не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая» (см. том XVIII, часть II, стр. 108).

Как согласовать эту «перманентную» беспросветность, например, со следующими словами Ленина:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это

не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (см. «О кооперации» стр. 5).

Ясно, что тут нет, да и не может быть, никакого соглашения. «Перманентная революция» т. Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и наоборот — ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории «перманентной революции».

Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности российского пролетариата — такова подпочва теории «перманентной революции».

До сего времени отмечали обычно одну сторону теории «перманентной революции», — неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить другой стороной, — неверием в силы и способности пролетариата России.

Чем отличается теория т. Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции «в основных странах Западной Европы»?

По сути дела — ничем.

Сомнения невозможны. Теория «перманентной революции» т. Троцкого есть разновидность меньшевизма.

В последнее время в нашей печати развелись гнилые дипломаты, старающиеся протащить теорию «перманентной революции» как нечто совместимое с ленинизмом. Конечно, говорят они, эта теория оказалась непригодной в 1905 г. Но ошибка т. Троцкого состоит в том, что он забежал тогда вперед, попытавшись применить к обстановке 1905 года то, чего нельзя было тогда применить. Но впоследствии, говорят они, например, в октябре 1917 г., когда революция успела назреть полностью, теория т. Троцкого оказалась де вполне на месте. Нетрудно догадаться, что

самым главным из этих дипломатов является т. Радек. Не угодно ли послушать:

«Война вырыла пропасть между крестьянством, стремящимся к завоеванию земли и к миру, и мелкобуржуазными партиями; война отдала крестьянство под руководство рабочего класса и его авангарда — партии большевиков. Стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство. То, что Роза Люксембург и Троцкий в 1905 г. выдвигали против Ленина (т.-е. «перманентную революцию». *И. Ст.*), оказалось на деле вторым этапом исторического развития» (см. «Правду» от 21 февраля 1924 г., № 42).

Тут что ни слово, то передежка.

Неверно, что во время войны «стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство». На самом деле февральская революция 1917 г. была осуществлением диктатуры пролетариата и крестьянства в своеобразном переплете с диктатурой буржуазии.

Неверно, что теорию «перманентной революции», о которой т. Радек стыдливо умалчивает, выдвинули в 1905 г. Роза Люксембург и Троцкий. На самом деле теория эта была выдвинута Парвусом и Троцким. Теперь, спустя десять месяцев, т. Радек поправляется, считая нужным ругнуть Парвуса за «перманентную революцию» (см. его статью о Парвусе в «Правде»). Но справедливость требует от т. Радека, чтобы был обруган и компаньон Парвуса — т. Троцкий.

Неверно, что «перманентная революция», отброшенная революцией 1905 года, оказалась правильной на «втором этапе исторического развития», т.-е. во время Октябрьской революции. Весь ход Октябрьской революции, все ее развитие показали и доказали полную несостоятельность теории «перманентной революции», полную ее несовместимость с основами ленинизма.

Сладенькими речами да гнилой дипломатией не прикрыть зияющей пропасти, лежащей между теорией «перманентной революции» и ленинизмом.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТАКТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЯ.

Для того, чтобы понять тактику большевиков за период подготовки Октября, необходимо уяснить себе, по крайней мере, некоторые особо важные особенности этой тактики. Это тем более необходимо, что в многочисленных брошюрах о тактике большевиков нередко обходятся эти именно особенности.

Что это за особенности?

Первая особенность. Послушать т. Троцкого, можно подумать, что в истории подготовки Октября существует всего два периода, период разведки и период восстания, а что сверх того, то от лукавого. Что такое апрельская манифестация 1917 года? «Апрельская манифестация, взявшая «левой», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством» (см. т. III, ч. I соч. т. Троцкого, стр. XXVII). А что такое июльская демонстрация 1917 г.? По мнению т. Троцкого, «по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на новом более высоком этапе движения» (см. там же, стр. XXXII). Нечего и говорить, что июньская демонстрация 1917 г., устроенная по требованию нашей партии, тем более должна быть названа, по представлению т. Троцкого, «разведкой».

Выходит, таким образом, что у большевиков уже в марте 1917 года имелась готовая политическая армия из рабочих и крестьян, и если они не пускали ее в ход для восстания ни в апреле, ни в июне, ни в июле, а занимались лишь «разведкой», то это потому, и только потому, что «данные разведки» не давали тогда благоприятных «показаний».

Нечего и говорить, что это упрощенное представление о политической тактике нашей партии является ничем иным, как смешением обычной военной тактики с революционной тактикой большевиков.

На самом деле все эти демонстрации являлись, прежде всего, результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны.

На самом деле роль партии состояла тут в оформлении и руководстве стихийно возникавших выступлений масс по линии революционных лозунгов большевиков.

На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 года готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее, наконец, к Октябрю 1917 года) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 года, создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание Советов. Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того, как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики.

Конечно, каждая такая демонстрация давала вместе с тем известное освещение скрытых от глаз соотношений сил, известную разведку, но разведка являлась здесь не мотивом демонстрации, а ее естественным результатом.

Анализируя события перед восстанием в Октябре и сравнивая их с событиями апреля — июля, Ленин говорит:

«Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было стихийное возбуждение, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы еще не наши, что крестьяне еще верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 284).

Ясно, что на одной лишь «разведке» далеко не уедешь. Дело, очевидно, не в «разведке», а в том, что:

1) Партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный подъем массового революционного движения;

2) Опираясь на стихийный подъем, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением;

3) Такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для Октябрьского восстания;

4) Такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством одной партии, партии большевиков;

5) Такая подготовка Октября, в свою очередь, привела к тому, что в результате Октябрьского восстания власть оказалась в руках одной партии, партии большевиков.

Итак, безраздельное руководство одной партии, партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября, — такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна.

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией.

Вторая особенность. Подготовка Октября проходила, таким образом, под руководством одной партии, партии большевиков. Но как велось партией это руководство, по какой линии оно проходило? Руководство это проходило по линии изоляции соглашательских партий, как наиболее опасных группировок в период развязки революции, по линии изоляции эсеров и меньшевиков.

В чем состоит основное стратегическое правило ленинизма?

Оно состоит в признании того, что:

1) Наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии;

2) Свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий;

3) Главные стрелы в период подготовки революции должны быть, в виду этого, направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся.

В период борьбы с царизмом, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905 — 1916) наиболее опасной социальной опорой царизма являлась либерально-монархическая партия, партия кадетов. Почему? Потому, что она была партией соглашательской, партией соглашения между царизмом и большинством народа, т.-е. крестьянством в целом. Естественно, что партия направляла тогда главные удары против кадетов, ибо, не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на разрыв крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, — нельзя было рассчитывать на победу революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской стратегии и обвиняли большевиков в излишнем «кадетоестве», утверждая, что борьба с кадетами «заслоняет» у большевиков борьбу с главным врагом — с царизмом. Но обвинения эти, будучи лишены почвы, изобличали прямое непонимание большевистской стратегии, требующей изоляции соглашательской партии для того, чтобы облегчить, приблизить победу над главным врагом.

Едва ли нужно доказывать, что без такой стратегии гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции была бы невозможна.

В период подготовки Октября центр тяжести борющихся сил переместился на новую плоскость. Не стало царя. Партия кадетов из силы соглашательской превратилась в силу правящую, в господствующую силу империализма. Борьба шла уже не между царизмом и народом, а между буржуазией и пролетариатом. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями соглашения между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было

рассчитывать на разрыв трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва — нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в «излишней ненависти» к эсерам и меньшевикам и в «забвении» ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции.

Характерной чертой этого периода является дальнейшее революционирование трудящихся масс крестьянства, их разочарование в эсерах и меньшевиках, их отход от этих партий, их поворот в сторону прямого сплочения вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть история борьбы эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, корниловское восстание. И решили они эту судьбу исключительно в пользу большевистской стратегии. Ибо без изоляции эсеров и меньшевиков невозможно было свергнуть правительство империалистов, без свержения же этого правительства невозможно было вырваться из войны. Политика изоляции эсеров и меньшевиков оказалась единственно правильной политикой.

Итак, изоляция партий меньшевиков и эсеров, как основная линия руководства делом подготовки Октября, — такова вторая особенность тактики большевиков.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков союз рабочего класса и трудящихся масс крестьянства повис бы в воздухе.

Характерно, что об этой особенности большевистской тактики тов. Троцкий ничего, или почти ничего, не говорит в своих «Уроках Октября».

Третья особенность. Руководство партии делом подготовки Октября проходило, таким образом, по линии изоляции партий эсеров и меньшевиков, по линии отрыва от них широких масс рабочих и крестьян. Но как осуществлялась партией эта изоляция конкретно, в какой форме, под каким лозунгом? Она осуществлялась в форме революционного движения масс за власть Советов, под лозунгом «вся власть Советам», путем борьбы за превращение Советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности.

Почему большевики ухватились именно за Советы, как за основной организационный рычаг, могущий облегчить дело изоляции меньшевиков и эсеров, способный двинуть вперед дело пролетарской революции и призванный подвести миллионные массы трудящихся к победе диктатуры пролетариата?

Что такое Советы?

«Советы,—говорил Ленин еще в сентябре 1917 года,— суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов

может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение... Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя» (см. «Удержат ли власть большевики», т. XIV, ч. 2, стр. 228 — 230).

Вот почему ухватились большевики за Советы, как за основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности.

Лозунг «вся власть Советам» с точки зрения его внутреннего развития прошел две стадии, первую (до июльского поражения большевиков, во время двоевластия) и вторую (после поражения корниловского восстания).

На первой стадии этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо Советы были тогда эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т.-е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри Советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать Советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою анти-революционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс. Июльское поражение

большевиков прервало, однако, это развитие, дав перевес генеральско-кадетской контр-революции и отбросив эсеро-меньшевиков в объятия последней. Это обстоятельство вынудило партию снять временно с очереди лозунг «вся власть Советам» с тем, чтобы вновь выставить его в условиях нового подъема революции.

Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг «вся власть Советам» вновь стал на очереди. Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии. Его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо Советы в своем большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата.

Неоценимое значение тактики превращения Советов в органы государственной власти состояло в том, что она отрывала миллионные массы трудящихся от империализма, развенчивала партии меньшевиков и эсеров, как орудие империализма, и подводила эти массы, так сказать, прямым сообщением к диктатуре пролетариата.

Итак, политика превращения Советов в органы государственной власти, как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата, — такова третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Четвертая особенность. Картина была бы неполная, если бы мы не занялись вопросом о том, как и почему удавалось большевикам превратить свои партийные лозунги в лозунги для миллионных масс,двигающие вперед революцию, как, и почему удавалось им убедить в правильности своей политики не только авангард и не только большинство рабочего класса, но и большинство народа.

Дело в том, что для победы революции, если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы, — недостаточно одной лишь правиль-

ности партийных лозунгов. Для победы революции требуется еще одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией. Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов. Иначе говоря, одна из особенностей тактики большевиков состоит в том, что она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся.

Наглядным примером проявления этой особенности большевистской тактики является опыт с созывом и разгоном Учредительного Собрания.

Известно, что большевики выдвинули лозунг Республики Советов еще в апреле 1917 года. Известно, что Учредительное Собрание является буржуазным парламентом, в корне противоречащим основам Республики Советов. Как могло случиться, что большевики, идя к Республике Советов, требовали вместе с тем от Временного Правительства немедленного созыва Учредительного Собрания? Как могло случиться, что большевики не только приняли участие в выборах, но и созвали сами Учредительное Собрание? Как могло случиться, что большевики допускали за месяц до восстания, при переходе от старого к новому, возможность временной комбинации Республики Советов и Учредительного Собрания?

А «случилось» это потому, что:

1) Идея Учредительного Собрания была одной из самых популярных идей среди широких масс населения;

2) Лозунг немедленного созыва Учредительного Собрания облегчал разоблачение контр-революционной природы Временного Правительства;

3) Чтобы развенчать в глазах народных масс идею Учредительного Собрания, необходимо было подвести эти массы к стенам Учредительного Собрания с их требованиями о земле, о мире, о власти Советов, столкнув их, таким образом, с действительным и живым Учредительным Собранием;

4) Только таким образом можно было облегчить массам убедиться на своем собственном опыте в контр-революционности Учредительного Собрания и в необходимости его разгона;

5) Все это естественно предполагало возможность допущения временной комбинации Республики Советов и Учредительного Собрания, как одного из средств изживания Учредительного Собрания;

6) Такая комбинация, если бы она осуществилась, при условии перехода всей власти к Советам, могла означать лишь подчинение Учредительного Собрания Советам, превращение его в придаток Советов, его безболезненное отмирание.

Едва ли нужно доказывать, что без такой политики большевиков разгон Учредительного Собрания не прошел бы так гладко, а дальнейшие выступления эсеров и меньшевиков под лозунгом «вся власть Учредительному Собранию» не провалились бы с таким треском.

«Мы участвовали, — говорит Ленин, — в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное Собрание, в сентябре — ноябре 1917 года. Верна была наша политика или нет?.. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре — ноябре 1917 года, больше, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели, ибо не в том, ведь, дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько готовы (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать или допустить разгон буржуазно-демократического парламента. Что в России в сен-

тябре — ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, — это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики не бойкотировали Учредительного Собрания, а участвовали в выборах и до и после завоевания пролетариатом политической власти» (см. «Детская болезнь» т. XVII, стр. 148 — 149).

Почему же они не бойкотировали Учредительное Собрание? Потому, говорит Ленин, что:

«Даже за несколько недель до победы Советской Республики, даже после такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность доказать отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчает успех их разгона, облегчает «политическое изживание» буржуазного парламентаризма» (см. там же).

Характерно, что тов. Троцкий не понимает этой особенности большевистской тактики, фыркая на «теорию» сочетания Учредительного Собрания с Советами, как на гильфердинговщину.

Он не понимает, что допущение такого сочетания при лозунге восстания и вероятной победе Советов, связанное с созывом Учредительного Собрания, есть единственно революционная тактика, не имеющая ничего общего с гильфердинговской тактикой превращения Советов в придаток Учредительного Собрания, что ошибка некоторых товарищей в этом вопросе не дает ему основания хулить совершенно правильную позицию Ленина и партии о «комбинированной государственности» при известных условиях (сравни т. XIV, ч. 2, стр. 275).

Он не понимает, что без своеобразной политики большевиков, взятой в связи с Учредительным Собранием, им не удалось бы завоевать на свою сторону миллионные массы народа, не завоевав же этих масс, они не смогли бы превратить Октябрьское восстание в глубокую народную революцию.

Интересно, что тов. Троцкий фыркает даже на слова «народ», «революционная демократия» и т. п., встречающиеся в статьях большевиков, считая их неприличными для марксиста.

Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, даже в сентябре 1917 года, за месяц до победы диктатуры, писал о «необходимости немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 139).

Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, цитируя известное письмо Маркса к Кугельману (апрель 1871 года) о том, что слом бюрократически-военного государственного аппарата является предварительным условием всякой действительной народной революции на континенте, пишет черным по белому следующие строки:

«Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной народной революции». Это понятие народной революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что, кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции, для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими до-нельзя мертвенно... В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. Разбить эту машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа» — большинства его рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших

крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование» (см. «Государство и революция» т. XIV, ч. 2-я, стр. 327 — 328).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Итак, уметь убеждать массы на своем собственном опыте в правильности партийных лозунгов путем подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся, — такова четвертая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Я думаю, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе характерные черты этой тактики.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, КАК НАЧАЛО И ПРЕДПОСЫЛКА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, — оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семи-летняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории. Теория эта неприемлема не только как схема развития мировой революции, ибо она противоречит очевидным фактам. Она еще более неприемлема как лозунг, ибо она связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран, получающих возможность, в силу известных исторических условий, к самостоятельному прорыву фронта капитала, ибо она дает стимул не к активному натиску на капитал со стороны отдельных стран, а к пассивному выжиданию момента «всеобщей развязки», ибо она культивирует среди пролетариев отдельных стран не дух революционной решимости, а дух гамлетовских сомнений насчет того, что «а вдруг другие не поддержат». Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является «типичным случаем», что «одновременная революция в ряде стран» может быть лишь «редким исключением» (см. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г., стр. 38).

Но ленинская теория революции не ограничивается, как известно, одной лишь этой стороной дела. Она есть вместе с тем теория развития мировой революции ¹⁾. Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада империализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что пути развития мировой революции не так просты, как это могло бы показаться раньше, до победы революции в одной стране, до появления развитого империализма, являющегося «кануном социалистической революции». Ибо появился такой новый фактор, как действующий в условиях развитого империализма закон неравномерного развития капиталистических стран, говорящий о неизбежности военных столкновений, об общем ослаблении мирового фронта капитала и возможности победы социализма в отдельных странах. Ибо появился такой новый фактор, как огромная советская страна, лежащая между Западом и Востоком, между центром финансовой эксплуатации мира и ареной колониального гнета, которая одним своим существованием революционизирует весь мир.

Все это такие факторы (я не говорю о других, менее важных факторах), которые не могут быть не учтены при изучении путей мировой революции.

Раньше думали обычно, что революция будет развиваться путем равномерного «вызревания» элементов социализма, прежде всего в более развитых, в «передовых» странах. Теперь это представление нуждается в существенных изменениях.

«Система международных отношений, — говорит Ленин, — сложилась теперь такая, что в Европе одно

¹⁾ См. мою брошюру «О Ленине и ленинизме».

из государств порабощено государствами-поработителями, это — Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

«В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма».

В виду этого и в связи с этим «западно-европейские капиталистические страны завершают свое развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения» (см. «Лучше меньше, да лучше», 1924 г., стр. 33 — 34).

Если к этому добавить тот факт, что не только побежденные страны и колонии эксплуатируются победившими странами, но и часть победивших стран попадает в орбиту финансовой эксплуатации наиболее могущественных стран-победительниц, Америки и Англии; что противоречия между всеми этими странами являются важнейшим фактором разложения мирового империализма; что кроме этих противоречий существуют еще и развиваются глубочайшие противоречия внутри каждой из этих стран; что все эти противоречия углубляются и обостряются фактом существования рядом с этими странами великой Республики Советов, — если все это принять во внимание, то картина

своеобразия международного положения станет более или менее полной.

Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами вообще других стран. Без этой поддержки она не смогла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма.

Если верно положение, что окончательная победа социализма в первой освободившейся стране не возможна без общих усилий пролетариев нескольких стран, то столь же верно и то, что мировая революция будет развертываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран.

В чем должна выражаться эта помощь?

Она должна выражаться, во-первых, в том, чтобы победившая страна «проводила максимум осуществимого в стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах» (см. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г., стр. 88).

Она должна выражаться, во-вторых, в том, чтобы «победивший пролетариат» одной страны, «экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал... против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против

эксплуататорских классов и их государств» (см. «Против течения», стр. 130).

Характерная особенность этой помощи со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускоряет победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает окончательную победу социализма в первой победившей стране.

Вероятнее всего, что в ходе развития мировой революции, наряду с очагами империализма в отдельных капиталистических странах и с системой этих стран во всем мире, создадутся очаги социализма в отдельных советских странах и система этих очагов во всем мире, при чем борьба между этими двумя системами будет наполнять историю развертывания мировой революции:

«Ибо,—говорит Ленин,—невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. «Против течения», стр. 130).

Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания.

Не правы, поэтому, не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, объявляют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным явлением. Не правы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию, как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма.

И. СТАЛИН.

О СОВЕТАХ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

С быстротой молнии двигается вперед колесница русской революции. Растут и ширятся повсюду отряды революционных борцов. В корне расшатываются и падают устои старой власти. Теперь, как и всегда, впереди идет Петроград. За ним тянется, спотыкаясь подчас, необъятная провинция.

Силы старой власти падают, но они еще не добыты. Они только притаились и ждут удобного случая для того, чтобы поднять голову и ринуться на свободную Россию. Оглянитесь кругом и увидите, что темная работа черных сил идет непрерывно...

Удержать завоеванные права для того, чтобы добыть старые силы и вместе с провинцией двинуть дальше русскую революцию, — вот какова должна быть очередная задача столичного пролетариата.

Но как это сделать?

Что необходимо для этого?

Для того, чтобы разбить старую власть, достаточно было временного союза восставших рабочих и солдат. Ибо ясно само собой, что сила русской революции — в союзе рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели.

Но для того, чтобы сохранить добытые права и развернуть дальше революцию — для этого одного лишь временного союза рабочих и солдат отнюдь недостаточно.

Для этого необходимо союз этот сделать сознательным и прочным, длительным и устойчивым, достаточно устойчивым для того, чтобы противостоять провокаторским вылазкам контр-революции. Ибо ясно для всех, что залог

окончательной победы русской революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом.

Органами этого союза и являются Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

И чем теснее сплочены эти Советы, чем крепче они организованы, тем действительнее выраженная в них революционная власть революционного народа; тем реальнее гарантии против контр-революции.

Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, как органом революционной власти народа, — вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы.

Рабочие! Теснее смыкайте свои ряды и сплывайтесь вокруг Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии!

Крестьяне! Организуйтесь в крестьянские союзы и сплывайтесь вокруг революционного пролетариата, вождя русской революции.

Солдаты! Организуйтесь в свои союзы и собирайтесь вокруг русского народа, единственного верного союзника русской революционной армии!

Рабочие, крестьяне, солдаты! Объединяйтесь повсеместно в Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, в органы союза и власти революционных сил России!

В этом залог полной победы над темными силами старой России.

В этом же залог проведения в жизнь основных требований русского народа: землю — крестьянам, охрану труда — рабочим, демократическую республику всем гражданам России.

*„Правда“ № 8,
14 (27) марта 1917 г.,
за подписью К. Сталина.*

О ВОЙНЕ.

На-днях ген. Корнилов докладывал Совету Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде о готовящемся наступлении немцев на Россию.

Родзянко и Гучков призвали по этому случаю армию, и население готовиться к войне до конца.

А буржуазная печать подняла тревогу: «свобода в опасности, да здравствует война!». При чем к тревоге этой приложила руку и одна часть революционной русской демократии...

Слушая поднявших тревогу, можно подумать, что в России создались условия, напоминающие 1792 год во Франции, когда реакционные короли средней и восточной Европы составили союз против республиканской Франции в целях восстановления в ней старых порядков.

И если бы нынешнее международное положение России в самом деле соответствовало положению Франции 1792 года, если бы мы имели против себя специальную коалицию контр-революционных королей со специальной целью восстановления в России старой власти — нет сомнения, что социал-демократия, подобно революционерам тогдашней Франции, поднялась бы как один человек на защиту свободы. Ибо ясно само собой, что кровью добытая свобода должна быть ограждена с оружием в руках от всяких контр-революционных вылазок, откуда бы они ни исходили.

Но так ли в самом деле обстоит дело?

Война 1792 года была династической войной неограниченных королей-крепостников против республиканской Франции, испугавшихся революционного пожара в последней. Целью войны было потушить этот пожар, восстановить во Франции старые порядки и тем гарантировать перепугавшихся королей от революционной заразы в их собственных государствах. Именно поэтому сражались так самоотверженно революционеры Франции с войсками королей.

Не то с нынешней войной. Нынешняя война есть война империалистическая. Ее основная цель — захват (аннексия) чужих, главным образом, аграрных территорий капиталистически развитыми государствами. Последним нужны новые рынки сбыта, удобные пути к этим рынкам, сырье, минеральные богатства, и они стараются брать их везде,

безотносительно к внутренним порядкам захватываемой страны.

Этим и объясняется, что настоящая война, вообще говоря, не ведет и не может вести к неизбежному вмешательству во внутренние дела захватываемой территории в смысле восстановления в ней старых порядков.

И именно поэтому нынешнее положение России не дает оснований к тому, чтобы бить в набат и провозгласить: «свобода в опасности, да здравствует война!»

Нынешнее положение России напоминает скорее Францию 1914 года, Францию начала войны, когда война между Германией и Францией оказалась неминуемой.

Как теперь в буржуазной прессе в России, так и тогда в буржуазном лагере Франции забили тревогу: «Республика в опасности, бей немцев!».

И как тогда тревога эта захватила во Франции и многих из социалистов (Гэд, Самба и др.), так и теперь в России не мало социалистов пошло по стопам буржуазных глашатаев «революционной обороны».

Последующий ход событий во Франции показал, что тревога была ложная, а крики о свободе и республике прикрывали действительные вожеления французских империалистов, стремившихся к захвату Эльзас-Лотарингии и Вестфалии.

Мы глубоко убеждены, что ход событий в России покажет всю фальшь неумеренных криков о «свободе в опасности»: патриотический дым рассеется, и люди воочию увидят подлинные стремления русских империалистов к... проливам, в Персию...

Поведение Гэда, Самба и др. получило должную и авторитетную оценку в определенных резолюциях социалистических конгрессов в Циммервальде и Кинтале (1915—1916 г.г.) против войны.

Последующие события подтвердили всю правильность и плодотворность положений Циммервальда-Кинтала.

Было бы печально, если бы революционная русская демократия, сумевшая свергнуть ненавистный режим, пасо-

вала перед ложной тревогой империалистической буржуазии, повторив ошибки Геда-Самба...

Каково же должно быть наше отношение, как партии, к существующей войне?

Каковы те практические пути, которые могут повести к скорейшему прекращению войны?

Прежде всего, несомненно, что голый лозунг «долой войну!» совершенно непригоден, как практический путь, ибо он, не выходя за пределы пропаганды идеи мира вообще, ничего не дает и не может дать в смысле практического воздействия на воюющие силы в целях прекращения войны.

Далее. Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню. Воззвание это, если оно дойдет до широких масс, без сомнения, вернет сотни и тысячи рабочих к забытому лозунгу — «пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Тем не менее, нельзя не заметить, что оно все-таки не ведет прямо к цели. Ибо, если даже допустить, что оно найдет широкое распространение среди народов воюющих держав, трудно предположить, чтобы они могли последовать такому призыву, раз они не уяснили еще себе хищнического характера нынешней войны и ее захватнических целей. Мы уже не говорим о том, что поскольку воззвание обуславливает «прекращение страшной бойни» предварительным ниспровержением «полусамодержавного порядка» в Германии, она фактически откладывает дело «прекращения страшной бойни» на неопределенный срок, скатываясь тем самым на точку зрения «войны до конца», ибо неизвестно, когда именно удастся германскому народу свергнуть «полусамодержавные порядки», и удастся ли вообще в ближайшем будущем...

Где же выход?

Выход — путь давления на Временное Правительство с требованием изъявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры.

Рабочие, солдаты и крестьяне должны устраивать митинги и демонстрации, они должны потребовать от

Временного Правительства, чтобы оно открыто и во всеуслышание выступило с попыткой склонить все воюющие державы немедленно приступить к мирным переговорам на началах признания права наций на самоопределение.

Только в таком случае лозунг «долой войну!» не рискует превратиться в бессодержательный, в ничего не говорящий пацифизм, только в этом случае может он вылиться в мощную политическую кампанию, срывающую маску с империалистов и выявляющую действительную подоплеку нынешней войны.

Ибо если даже предположить, что одна из сторон откажется от переговоров на известных началах, даже этот отказ, т.-е. нежелание отрешиться от захватнических стремлений, послужит объективно орудием ускорения дела ликвидации «страшной бойни», так как народы воочию увидят в таком случае захватнический характер войны и кровью запятнанное лицо империалистических групп, алчным интересам которых жертвуют они жизнью своих сынов.

Но сорвать маску с империалистов, выявить в глазах массы подлинную подоплеку нынешней войны — это именно и значит объявить действительную войну войне, сделать нынешнюю войну невозможной.

*«Правда» № 10,
16 (29) марта 1917 г.,
за подписью К. Сталина.*

ОБ УСЛОВИЯХ ПОБЕДЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Революция идет. Разразившись в Петрограде, она перекидывается в провинцию, захватывая постепенно всю необъятную Россию. Более того. От вопросов политических она неминуемо переходит к вопросам социальным, к вопросам устройства быта рабочих и крестьян, углубляя и обостряя переживаемый кризис.

Все это не может не вызывать тревоги в определенных кругах владельческой России. Подымает голову царистско-

помещичья реакция. Бьет в набат империалистическая клика. Финансовая буржуазия протягивает руку отживающей феодальной аристократии для совместной организации контр-революции. Сегодня они еще слабы и нерешительны, но завтра они могут окрепнуть и мобилизоваться против революции. Во всяком случае свою черную работу они ведут неустанно, собирая силы во всех слоях населения, не исключая армию...

Как обуздать начинающуюся контр-революцию?

Каковы условия, необходимые для победы русской революции?

Одна из особенностей нашей революции состоит в том, что базой ее до сих пор является Петроград. Схватки и выстрелы, баррикады и жертвы, борьба и победа имели место главным образом в Петрограде и его окрестностях (Кронштадт и пр.). Провинция ограничилась восприятием плодов победы и выражением доверия Временному Правительству.

Отражением этого факта явилось то двоевластие, тот фактический раздел власти между Временным Правительством и Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, который не дает покоя наемникам контр-революции. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, как орган революционной борьбы рабочих и солдат, и Временное Правительство, как орган напуганной «крайностями» революции умеренной буржуазии, нашедшей себе опору в инертности провинции — такова картина.

В этом — слабость революции, ибо подобное положение вещей закрепляет оторванность провинции от столицы, отсутствие контакта между ними.

Но с углублением революции революционизируется и провинция. Организуются на местах Советы Рабочих Депутатов. Вовлекаются в движение крестьяне и организуются в свои союзы. Демократизируется армия, и организуются на местах союзы солдат. Инертность провинции отходит в прошлое.

Тем самым колеблется почва под ногами Временного Правительства.

Вместе с тем и Петроградский Совет Рабочих Депутатов становится недостаточным для нового положения.

Необходим общероссийский орган революционной борьбы всей российской демократии, достаточно авторитетный для того, чтобы спаять воедино столичную и провинциальную демократию и из органа революционной борьбы народа превратиться в нужный момент в орган революционной власти, мобилизующей все живые силы народа против контр-революции.

Таким органом может быть лишь Всероссийский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Таково первое условие победы русской революции.

Далее. Война, как и все в жизни, кроме отрицательных сторон, имеет еще ту положительную сторону, что она, мобилизовав почти все взрослое население России, сделала армию народной по духу и тем облегчила дело объединения солдат с восставшими рабочими. Этим именно и объясняется та сравнительная легкость, с какой разразилась и победила у нас революция.

Но армия подвижна и текуча, особенно в виду ее постоянного передвижения из одного места в другое в связи с потребностями войны. Армия не может стоять вечно на одном месте, ограждая революцию от контр-революции. Поэтому нужна другая вооруженная сила, армия вооруженных рабочих, естественно связанных с центрами революционного движения. И если верно положение, что революция не может победить без вооруженной силы, всегда готовой к ее услугам, то и наша революция не обойдется без своей собственной рабочей гвардии, кровно связанной с интересами революции.

Немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия — таково второе условие победы революции.

Характерной чертой революционных движений, например, во Франции, является тот несомненный факт, что там Временные Правительства обыкновенно возникали на баррикадах и, в виду этого, являлись революционными, во всяком случае, более революционными, чем созываемые ими впоследствии учредительные собрания, созывавшиеся обыкновенно после успокоения страны. Этим собственно

и объясняется, что наиболее опытные революционеры тех времен старались осуществить свою программу еще до созыва учредительного собрания, при помощи революционного правительства, оттягивая этот созыв. Этим они хотели поставить учредительное собрание перед фактом уже осуществленных реформ.

Не то у нас. Временное Правительство возникло у нас не на баррикадах, а возле баррикад. Поэтому оно и не революционно, — оно только плетется за революцией, упираясь и путаясь в ногах.

И если судить по тому, как шаг за шагом углубляется революция, выдвигая социальные вопросы о 8-ми-часовом рабочем дне и конфискации земель, революционизируя провинцию, — то можно с уверенностью сказать, что будущее Всенародное Учредительное Собрание будет много демократичнее нынешнего Временного Правительства, избранного 3-е-июньской Думой.

Вместе с тем можно опасаться, что Временное Правительство, запуганное размахом революции и проникнутое империалистическими тенденциями, может послужить при известной политической конъюнктуре «законным» щитом и прикрытием организующейся контр-революции.

Поэтому ни в коем случае не следует оттягивать созыв Учредительного Собрания.

Поэтому необходим возможно скорый созыв Учредительного Собрания, единственно авторитетного для всех слоев общества учреждения, могущего увенчать дело революции и тем обрезать крылья поднимающейся контр-революции.

Скорый созыв Учредительного Собрания — таково третье условие победы революции.

Все это при общем условии скорейшего открытия мирных переговоров, при условии прекращения бесчеловечной войны, ибо продолжительная война с ее последствиями финансового, хозяйственного и продовольственного кризиса является тем подводным камнем, о который может разбиться корабль революции.

ПРОТИВ ФЕДЕРАЛИЗМА.

В № 5 «Дела Народа» появилась статейка: «Россия — союз областей». Предлагается в ней не больше не меньше, как превращение России в «союз областей», «федеральное государство». Слушайте:

«Пусть федеральное российское государство примет от отдельных областей (Малороссия, Грузия, Сибирь, Туркестан и т. д.) атрибуты суверенитета... Но да даст оно отдельным областям внутренний суверенитет. Да будет создан предстоящим Учредительным Собранием Российский Союз Областей».

Сказанное поясняет автор статейки (Иос. Окулич) следующим образом:

«Пусть будет единая российская армия, единая монета, единая внешняя политика, единый верховный суд. Но да будут свободны в самостоятельном творчестве новой жизни отдельные области единого государства. Если американцы уже в 1776 году... союзным договором создали «Соединенные Штаты», то неужели мы в 1917 году не можем создать прочного союза областей?».

Так говорит «Дело Народа».

Нельзя не признать, что статейка во многом интересна и, во всяком случае, оригинальна. Заинтересовывает также ее тон, высокаторжественный и, так сказать, «манифестичный» («да будет», «пусть будет»!).

При всем том следует заметить, что в целом она представляет какое-то странное недоразумение, в основе же этого недоразумения лежит более, чем легкое обращение с фактами из истории государственного строя Северо-Американских Соединенных Штатов (а также Швейцарии и Канады).

Что говорит нам эта история?

В 1776 году Соединенные Штаты представляли собой не федерацию, а конфедерацию дотоле независимых колоний или штатов. То-есть были независимые колонии, но потом для защиты общих интересов против, главным образом, внешних врагов колонии заключили между собой союз (к о н ф е д е р а ц и я), не переставая быть вполне неза-

висимыми государственными единицами. В шестидесятых годах происходит перелом в политической жизни страны: северные штаты требуют более прочного политического сближения штатов вопреки южным штатам, протестующим против «централизма» и ратующим за старый порядок. Возгорается «гражданская война», в результате которой северные штаты берут верх. В Америке устанавливается федерация, т.-е. союз суверенных штатов, делящих власть с федеральным (центральным) правительством. Но такой порядок продолжается недолго. Федерация оказывается такой же переходной мерой, как и конфедерация. Борьба между штатами и центральным правительством не прекращается, двоевластие становится невыносимым, и в результате дальнейшей эволюции Соединенные Штаты из федерации превращаются в унитарное (слитное) государство с едиными конституционными нормами, с ограниченной автономией (не государственной, а административно-политической) штатов, допускаемой этими нормами. Название «федерация» по отношению к Соединенным Штатам превращается в пустой звук, пережиток прошлого, давно уже не соответствующий действительному положению вещей.

То же самое нужно сказать о Швейцарии и Канаде, на которые также ссылается автор упомянутой статейки. Те же независимые штаты (кантоны) в начале истории, та же борьба за более прочное их объединение (война с Зондербундом в Швейцарии, борьба англичан с французами в Канаде), то же превращение в дальнейшем федерации в унитарное государство.

О чем же говорят эти факты?

Только о том, что в Америке, как и в Канаде и Швейцарии, развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идет не в пользу федерации, а против нее. Федерация есть переходная форма.

И это не случайно. Ибо развитие капитализма в его высших формах и связанное с ним расширение рамок хозяйственной территории с его централизующими тенден-

циями требуют не федеральной, а унитарной формы государственной жизни.

Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не беремся, конечно, повернуть назад колесо истории.

Но из этого следует, что не разумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение.

«Дело Народа» предлагает проделать в России опыт Соединенных Штатов 1776 г. Но есть ли хоть отдаленная аналогия между Соединенными Штатами 1776 года и Россией наших дней?

Тогда Соединенные Штаты представляли собой собрание независимых колоний, не связанных между собой и желавших связаться по крайней мере конфедеративно. И это их желание было вполне понятно. Представляет ли нынешняя Россия что-либо подобное? Конечно, нет! Для всех ясно, что области в России (окраины) связаны с центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее эти узы.

Далее. Для того, чтобы установить в Америке конфедерацию или федерацию, необходимо было объединить не связанные еще между собой колонии. И это было в интересах экономического развития Соединенных Штатов. Но для того, чтобы превратить Россию в федерацию, пришлось бы порвать уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой, что совершенно неразумно и реакционно.

Наконец, Америка (так же, как и Канада и Швейцария) разделяется на штаты (кантоны) не по национальному признаку, а по географическому. Там штаты развились из колоний-общин, независимо от их национального состава. В Соединенных Штатах имеется несколько десятков штатов, между тем как национальных групп всего 7—8. В Швейцарии существует 25 кантонов (областей), тогда как национальных групп всего 3. Не то в России. То, что принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии (Украина, Закавказье, Сибирь, Туркестан и др.), есть не простые географические области вроде Урала или

Поволжья, а определенные уголки России с определенным бытом и (не русским) национальным составом населения. Именно поэтому автономия (или федерация) штатов в Америке или Швейцарии не только не решает национального вопроса (она и не преследует такой цели!), но даже не ставит его. Между тем автономию (или федерацию) областей России для того собственно и предлагают, чтобы поставить и решить национальный вопрос в России, ибо в основе разделения России на области лежит национальный признак.

Не ясно ли, что аналогия между Соединенными Штатами 1776 года и Россией наших дней искусственна и нелепа?

Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?

Нет, предложение проделать в России опыт Америки 1776 года — положительно непригодно. Половинчато-переходная форма — федерация — не удовлетворяет и не может удовлетворить интересов демократии.

Решение национального вопроса должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным:

1) право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;

2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого.

Так и только так должен быть решен вопрос об областях в России.

*«Правда» № 49,
26 марта (8 апр.) 1917 г.,
за подписью К. Сталлина.*

ДВЕ РЕЗОЛЮЦИИ.

Две резолюции. Первая — Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вторая — рабочих (400 человек) механического отделения Русско-Балтийского вагонного завода.

Первая — за поддержку так называемого «займа свободы».

Вторая — против.

Первая без критики принимает «заем свободы», как таковой, как заем в пользу свободы.

Вторая определяет «заем свободы», как заем против свободы, ибо он «заключается с целью продолжения братоубийственной бойни, выгодной лишь империалистической буржуазии».

Первая внушена сомнениями потерявших голову людей: а как быть со снабжением армии, не повредит ли делу снабжения армии отказ от поддержки займа.

Вторая не знает таких сомнений, ибо она видит выход: она «признает, что дело снабжения армии всем необходимым требует денежных средств, и указывает Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, что деньги эти должны быть взяты из кармана буржуазии, затеявшей и продолжающей эту бойню и наживающей в этом кровавом угаре миллионные барыши».

Авторы первой резолюции должно быть довольны, ибо, ведь, они «исполнили свой долг».

Авторы второй резолюции протестуют, считая, что первые таким отношением к делу пролетариата «изменяют Интернационалу».

Не в бровь, а в глаз!

За и против «займа свободы», направленного против свободы.

— Кто прав? решайте, товарищи рабочие.

*«Правда» № 29,
11 (24) апреля 1917 г.,
за подписью К. Сталина.*

ЗЕМЛЮ — КРЕСТЬЯНАМ.

Крестьяне Рязанской губернии обратились к министру Шингареву с заявлением о том, что забрасываемые помещиками земли они будут распахать, если даже не последует на это согласия со стороны помещиков. Крестьяне заявляют, что воздержание помещиков от посевов губительно, что немедленная распашка заброшенных земель является единственным средством обеспечить хлеб не только населению в тылу, но и армии на фронте.

В ответ на это министр Шингарев (см. его телеграмму) решительно запрещает самовольную распашку, называя ее «самоуправством», а крестьянам предлагает ждать до созыва Учредительного Собрания: оно-де все разрешит.

А так как срок созыва Учредительного Собрания не известен, так как созыв Учредительного Собрания оттягивается Временным Правительством, членом которого состоит г. Шингарев, то выходит, что на деле земля должна остаться не распаханной, помещики остаются при земле, крестьяне без земли, а Россия, а рабочие, крестьяне и солдаты — без достаточного количества хлеба.

Все это для того, чтобы помещики не оставались в обиде, если даже попадет Россия в когти голода.

Таков ответ Временного Правительства, членом которого состоит министр Шингарев.

Нас не удивляет такой ответ. Правительство фабрикантов и помещиков иначе и не может относиться к крестьянам: что им крестьяне, здравствовали бы помещики!

Мы обращаемся поэтому к крестьянам, ко всей крестьянской бедноте всей России — взять свое дело в свои собственные руки и двинуть его вперед.

Мы призываем их организовать в революционные крестьянские комитеты (волостные, уездные и проч.) и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их организованным порядком.

Мы призываем сделать это немедленно, не дожидаясь Учредительного Собрания и не обращая внимания на реакционные министерские запрещения, ставящие палки под колеса революции.

Нам говорят, что немедленный захват помещичьих земель подорвал бы «единство» революции, отколов от последней «прогрессивные слои» общества.

Но было бы наивно думать, что революцию можно двинуть вперед, не поссорившись с фабрикантами и помещиками.

Разве рабочие, вводя 8-часовой рабочий день, не «откололи» от революции фабрикантов и иже с ними? Кто решится утверждать, что революция проиграла, облегчив положение рабочих, сократив рабочий день?

Самовольная обработка помещичьих земель и захваты их крестьянами — нет сомнения — «отколют» от революции помещиков и иже с ними. Но кто решится сказать, что, сплачивая вокруг революции многомиллионную крестьянскую бедноту, мы ослабляем силы революции?

Люди, желающие влиять на ход революции, должны раз навсегда уяснить себе:

1) что основными силами нашей революции являются рабочие и крестьянская беднота, переодетая в виду войны в солдатские шинели;

2) что по мере углубления и расширения революции от нее неминуемо будут «откалываться» так называемые «прогрессивные элементы», прогрессивные на словах, реакционные на деле.

Было бы реакционной утопией задерживать этот благодетельный процесс очищения революции от ненужных «элементов».

Политика выжидания и откладывания до Учредительного Собрания, политика «временного» отказа от конфискации, рекомендуемая народниками, трудовиками и меньшевиками, политика лавирования между классами (как бы кого не обидеть!) и постыдного топтания на месте — не есть политика революционного пролетариата.

Победоносное шествие русской революции отметет ее, как излишний хлам, угодный и выгодный лишь врагам революции.

*«Правда» № 32,
14 (27) апреля 1917 г., пере-
двая за подписью К. Сталина.*

О СОВЕЩАНИИ В МАРИИНСКОМ ДВОРЦЕ.

В буржуазной печати появилось уже сообщение о совещании Исполнительного Комитета Сов. Раб. и Солд. Депутатов с Временным Правительством. Сообщение это, в общем не... точное, местами прямо искажает факты, вводя читателя в заблуждение. Мы уже не говорим об особом, свойственном буржуазной печати освещении фактов. Необходимо поэтому восстановить действительную картину совещания.

Цель совещания — выяснить взаимные отношения Временного Правительства и Исполнительного Комитета в связи с нотой министра Милюкова, обострившей конфликт.

Открыл совещание премьер Львов. Его вступительная речь свелась к следующим положениям. До последнего времени в стране было доверие к Врем. Правительству и дела шли удовлетворительно. Но теперь что-то не стало доверия, появилось даже противодействие. Это особенно чувствуется в последние две недели, когда известные всем социалистические круги открыли в печати поход против Врем. Правительства. Так дальше продолжаться не может. Нужна решительная поддержка со стороны Совета Раб. и Солдат. Депутатов. Иначе — уйдем.

Дальше идут «доклады» министров (военного, земледелия, путей сообщения, финансов, иностранных дел), при чем наиболее определенно выступают Гучков, Шингарев и Милюков. Речи остальных министров лишь повторяют выводы первых.

Речь министра Гучкова сводится к обосновке известного империалистического взгляда на нашу революцию, в силу которого революция в России должна быть рассматриваема как средство для «войны до конца». Я был убежден, — говорил он, — что переворот в России нужен был для избежания, поражения. Я хотел, чтобы революция создала новый фактор победы, и я надеялся, что она создаст его. Оборончество в широком смысле слова, оборончество не только для настоящего, но и для будущего — вот наша цель. Но за последние недели произошел целый

ряд ухудшений... «Огечество в опасности»... главная причина — «поток пацифистских идей», проповедуемых известными социалистическими кругами. Министры прозрачно намекают, что проповедь эта должна быть обуздана, а дисциплина — восстановлена, что нужна в этом помощь со стороны Исполнительного Комитета...

Министр Шингарев рисует картину продовольственного кризиса в России... Основной вопрос не нота и внешняя политика, а хлеб: если с вопросом о хлебе не справимся, то не справимся ни с чем. В обострении продовольственного кризиса не малую роль играют распутица и другие преходящие явления. Но главной причиной Шингарев считает то «печальное явление», что крестьяне «стали заниматься вопросом о земле», самовольно распахивают помещичьи земли, снимают с помещичьих экономий военнопленных и вообще предаются аграрным «иллюзиям». Это вредное, по мнению Шингарева, движение крестьян «разжигается» агитацией «ленинцев» за конфискацию, «партийно-фанатическим ослеплением» последних. «Вредной агитации с двorca Кшесинской», этого «гнезда отравы», должен быть положен конец... Одно из двух: либо существующее Временное Правительство, облеченное доверием, — тогда аграрным «экссессам» должен быть положен конец; либо другая какая-нибудь власть.

Милюков. Нота есть не мое личное мнение, а мнение всего Временного Правительства. Вопрос о внешней политике сводится к вопросу о готовности к выполнению наших обязательств к союзникам. Мы связаны с союзниками... Нас вообще расценивают как силу, годную или негодную для определенных целей. Стоит показаться слабыми, — и отношения ухудшатся... Отказ от аннексии чреват поэтому опасностями... Нам нужно ваше доверие, дайте нам его, и тогда в армии будет энтузиазм, тогда у нас пойдет наступление в интересах единства фронта, тогда мы нажмем на немцев и отвлечем их от французов и англичан. Этого требуют наши обязательства к союзникам. Вы видите, — закончил Милюков, — что при таком положении вещей, при желании не нарушать к нам дове-

рия со стороны союзников, нота не могла быть иной, чем она есть.

Таким образом, длинные речи министров свелись к нескольким коротким положениям: страна переживает тяжелый кризис, причины кризиса — революционное движение, выход из кризиса — обуздание революции и продолжение войны. Выходило так, что для спасения страны необходимо: 1) обуздать солдат (Гучков), 2) обуздать крестьян (Шингарев), 3) обуздать революционных рабочих (все министры), срывающих маску с Временного Правительства. Поддержите нас в этом трудном деле, помогайте вести наступательную войну (Милюков), — и тогда все будет хорошо. Иначе — уйдем.

Так говорили министры.

Крайне характерно, что эти архи-империалистские и контр-революционные речи министров не встретили отпора со стороны представителя большинства Исполнительного Комитета, Церетели. Напуганный резкой постановкой вопроса со стороны министров, потеряв голову перед перспективой ухода министров, Церетели в своей речи стал упрашивать их пойти на возможную еще уступку, издав «разъяснение» ноты в желательном духе, хотя бы для «внутреннего употребления». «Демократия, — говорил он, — всей энергией будет поддерживать Временное Правительство», если оно пойдет на такую в сущности словесную уступку.

Желание замазать конфликт между Временным Правительством и Исполнительным Комитетом, готовность итти на уступки, лишь бы отстоять соглашение, — такова красная нить речей Церетели.

В совершенно противоположном духе говорил тов. Каменев. Если страна стоит на краю гибели, если она переживает хозяйственный, продовольственный и пр. кризисы, то выход из положения не в продолжении войны, которое только обостряет кризис и способно пожрать плоды революции, а в скорейшей ее ликвидации. Существующее временное Правительство по всем видимостям не способно взять на себя дело ликвидации войны, ибо оно стремится

к «войне до конца». Поэтому выход — в переходе власти в руки другого класса, способного вывести страну из тупика...

После речи тов. Каменева с мест министров раздались возгласы: «Тогда возьмите власть».

*„Правда“ № 40,
25 апреля (8 мая) 1917 г.,
за подписью К. Сталина.*

РЕЧИ НА ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 24 — 29 апреля (6 — 11 мая) 1917 г.

I.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ РЕЗОЛЮЦИИ ТОВ. ЛЕНИНА ПО ВОПРОСУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ.

Товарищи! То, что предлагает тов. Бубнов, имеет в виду и резолюция тов. Ленина. Тов. Ленин не отбрасывает массовых выступлений, демонстраций. Но не в этом теперь дело. Разногласие — в вопросе о контроле. Контроль предполагает контролирующего и контролируемого, и некоторое соглашение контролирующего с контролируемым. Был контроль, было соглашение. Что дал контроль? Ничего. После выступления Милюкова (19 апреля) особенно ясна его призрачность.

Гучков говорит: «я смотрю на революцию, как на средство лучше воевать, сделаем маленькую революцию для большой победы». Но теперь в армию проникли пацифистские идеи, и воевать нельзя. И правительство говорит нам: «уничтожьте пропаганду против войны, иначе мы уйдем».

По аграрному вопросу правительство также не может идти навстречу интересам крестьян, интересам захвата последними помещичьих земель. Нам говорят: «помогите нам обуздать крестьян, иначе мы уйдем».

Милюков говорит: «необходимо соблюдать единство фронта, нам необходимо наступать на противника, вдохните энтузиазм в солдат, иначе мы уйдем».

И после этого нам предлагают контроль. Это смешно! Вначале Совет намечал программу, а теперь намечает ее Временное Правительство. Союз, заключенный Советом и правительством на другой день после кризиса (выступление Милюкова), означает, что Совет пошел за правительством. Правительство наступает на Совет. Совет отступает. Говорить о контроле после этого — значит говорить впустую. Вот почему я предлагаю поправку о контроле не принимать.

II.

ДОКЛАД ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ.

Следовало бы представить пространный доклад по национальному вопросу, но в виду того, что времени мало, я должен сократить свой доклад.

Прежде чем приступить к проекту резолюции, необходимо установить некоторые предпосылки. Что такое национальный гнет? Национальный гнет — это та система эксплуатации и грабежа угнетенных народов, те меры насильственного ограничения права государственности угнетенных народностей, которые проводятся империалистскими кругами. Все это в целом дает картину той политики, которую принято называть политикой национального гнета.

Первый вопрос — каковы те классы, опираясь на которые, та или иная власть проводит свою политику национального гнета? Для решения этого вопроса необходимо понять, почему в различных государствах существуют различные формы национального гнета, почему в одном государстве национальный гнет более тяжел и груб, чем в другом. Например, в Англии и в Австро-Венгрии национальный гнет никогда не принимал погромных форм, но он существовал в виде ограничений национальных прав угнетенных народностей, между тем как в России он принимает нередко форму погромов и резни. В некоторых же государствах специальных мер против национальных меньшинств вовсе не имеется. Например, нет национального гнета в Швейцарии, где живут свободно французы, итальянцы, немцы.

Чем же объяснить различное отношение к национальностям в различных государствах?

Различием в степени демократичности этих государств. Когда во главе государственной власти в России в прежние годы стояла старая земельная аристократия, национальный гнет мог принимать и действительно принимал безобразные формы резни и погромов. В Англии, где имеется известная степень демократичности и политической свободы, национальный гнет имеет менее грубый характер. Что касается Швейцарии, то она приближается к демократическому обществу, и в ней малые нации имеют более или менее полную свободу. Одним словом, чем демократичнее страна, тем слабее национальный гнет, и наоборот. А так как под демократизацией мы подразумеваем наличие определенных классов, стоящих у власти, то с этой точки зрения можно сказать, что чем ближе к власти старая земельная аристократия, как это было в старой царистской России, тем сильнее гнет и тем безобразнее его формы.

Однако, национальный гнет поддерживается не только земельной аристократией. На-ряду с ней существует другая сила — империалистические группы, которые методы порабощения народностей, усвоенные в колониях, переносят и внутрь своей страны, и таким образом становятся естественными союзниками земельной аристократии. За ними идут мелкая буржуазия, часть интеллигенции, часть рабочей верхушки, которые тоже пользуются плодами грабежа. Таким образом получается целый хор социальных сил, поддерживающих национальный гнет, во главе которых стоит земельная и финансовая аристократия. Для создания действительных демократических порядков необходимо прежде всего расчистить почву и убрать этот хор с политической сцены.

(Читает текст резолюции.)

Первый вопрос: как устроить политическую жизнь угнетенных наций? На этот вопрос следует ответить, что угнетенным народам, входящим в состав России, должно быть предоставлено право самим решить вопрос — хотят ли они оставаться в составе Российского государства, или

выделиться в самостоятельное государство. Сейчас перед нами конкретный конфликт между финляндским народом и Временным Правительством. Представители финляндского народа, представители социал-демократии требуют от Временного Правительства возвращения народу тех прав, которыми он пользовался до присоединения к России. Временное Правительство отказывает в этом, не признавая финляндский народ суверенным. На чью сторону мы должны стать? Очевидно, на сторону финляндского народа, потому что немыслимо признание насильственного удержания какого бы то ни было народа в рамках единого государства. Выставляя принцип права народов на самоопределение, мы поднимаем тем самым борьбу против национального гнета на высоту борьбы против империализма, нашего общего врага. Не сделав этого, мы можем оказаться в положении людей, льющих воду на мельницу империалистов. Если бы мы, социал-демократы, отказали финляндскому народу в праве изъять свою волю об отделении и в праве провести в жизнь эту волю, то мы этим самым оказались бы в положении продолжателей политики царизма.

Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом об обязательности отделения нации в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки. Признавая за угнетенными народностями право на отделение, право решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, должны ли в данный момент отделиться такие-то нации от Российского государства. Я могу признать за нацией право отделиться, но это еще не значит, что я ее обяжал это сделать. Народ имеет право отделиться, но он, в зависимости от условий, может и не воспользоваться этим правом. С нашей стороны остается, таким образом, свобода агитации за или против отделения, в зависимости от интересов пролетариата, от интересов пролетарской революции. Таким образом, вопрос об отделении разрешается в каждом отдельном

случае самостоятельно, в зависимости от обстановки, и именно поэтому вопрос о признании права на отделение не следует смешивать с целесообразностью отделения при тех или иных условиях. Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказьи и в России, известные условия борьбы пролетариата и пр. Но если бы народы Закавказья все же потребовали отделения, то они, конечно, отделились бы, и они не встретили бы с нашей стороны противодействия.

(Читает дальше текст резолюции.)

Далее. Как быть с теми народами, которые захотят остаться в рамках Российского государства? Если было среди народов недоверие к России, то оно питалось прежде всего политикой царизма. Раз царизма не стало, не стало его политики угнетения, должно ослабнуть недоверие, должно расти тяготение к России. Я думаю, что $\frac{9}{10}$ народностей после свержения царизма не захотят отделиться. Поэтому партия предлагает устройство областных автономий для областей, которые не захотят отделиться и которые отличаются особенностями быта, языка, как, например, Закавказье, Туркестан, Украина. Географические границы таких автономных областей определяются самим населением сообразно с условиями хозяйства, быта и проч.

В противовес областной автономии существует другой план, который давным-давно рекомендуется Бундом, и прежде всего Шпрингером и Бауэром, выступающими принцип культурно-национальной автономии. Я считаю, что этот план для социал-демократии неприемлем. Сущность его состоит в следующем: Россия должна превратиться в союз наций, а нация — в союз лиц, стянутых в единое общество, назависимо от места жительства, назависимо от территории. Все русские, все армяне и т. д. организуются в свои особые национальные союзы, назависимо от территории, и уже потом вступают в союз наций всей России. План этот в высшей степени неудобен и нецелесообразен. Дело в том, что развитие капитализма рассеяло, оторвало от наций целые группы лиц, разбросанных

по разным углам России. При национальной разбросанности, создавшейся в силу экономических условий, стягивать отдельных лиц данных наций — значит заниматься делом искусственной организации нации, конструированием нации. Заниматься же искусственным стягиванием людей в нации — значит стать на точку зрения национализма. Этот план, выдвинутый Бундом, не может быть одобрен социал-демократией. Он был отвергнут на конференции нашей партии в 1912 году и вообще, за исключением Бунда, не пользуется в с.-д. кругах популярностью. Этот план называется иначе культурной автономией, потому что он выделяет из многообразных вопросов, интересующих нацию, круг вопросов чисто культурных и передает их в руки национальных союзов. Исходным пунктом такого выделения является положение, что культура объединяет нации в единое целое. Предполагается, что в недрах нации имеются, с одной стороны, интересы, раскалывающие нацию, например, хозяйственные, и, с другой стороны, стягивающие ее в одно целое, и таким именно вопросом является культурный вопрос.

Наконец, остается вопрос о национальных меньшинствах. Их права должны быть ограждены специально. Поэтому партия требует полного равноправия по школьным, религиозным и др. вопросам, отмены всяких ограничений для нацменьшинств.

Есть § 9, устанавливающий равноправие наций. Условия, необходимые для его проведения, могут наступить только при полной демократизации всего общества.

Мы должны еще решить вопрос о том, как организовать пролетариат разных наций в одну общую партию. Один план — рабочие организуются по национальностям, — сколько наций, столько и партий. Этот план был отвергнут с.-д. Практика показала, что организация пролетариата данного государства по национальностям ведет только к гибели идеи классовой солидарности. Все пролетарии всех наций данного государства организуются в один нераздельный пролетарский коллектив.

Итак, наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям: а) признание за народами права на отделение; б) для народов, остающихся в пределах данного государства, — областная автономия; в) для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства — единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Обе резолюции в общем и целом сходятся. Товарищ Пятаков списал с нашей резолюции все пункты, кроме одного пункта — «признание права на отделение». Одно из двух: либо мы отрицаем за нациями право на отделение, и это надо сказать прямо, либо мы не отрицаем этого права. Сейчас имеется движение в Финляндии, направленное в сторону обеспечения национальной свободы, имеется также борьба с ним Временного Правительства. Возникает вопрос, кого поддерживать. Либо мы за политику Временного Правительства, за насильственное удержание Финляндии и доведение ее прав до минимума, и тогда мы аннексионисты, ибо мы льем воду на мельницу Временного Правительства, либо мы за независимость Финляндии. Тут нужно определенно высказаться за одно или другое, ограничиваться только констатированием прав невозможно. Имеется движение за независимость Ирландии. За кого мы, товарищи? Либо мы за Ирландию, либо мы за английскую империю. И я спрашиваю — и жизнь сама спрашивает — за те ли мы народы, которые борются против угнетения, или за те классы, которые их угнетают? Мы говорим: социал-демократия, поскольку она держит курс на социалистическую революцию, должна поддерживать революционное движение народов, направленное против империализма. Либо мы считаем, что нам необходимо создать тыл для авангарда социалистической революции в лице народов, поднимающихся против национального угнетения, — и тогда мы прокладываем мост между Западом и Востоком, — и тогда мы действительно

держим курс на мировую социалистическую революцию; либо мы этого не делаем, и тогда мы оказываемся изолированными, тогда мы отказываемся от тактики использования в целях уничтожения империализма всяких революционных движений в недрах угнетенных национальностей. Мы должны поддерживать всякое движение, направленное против империализма. Что скажут нам в противном случае финляндские рабочие? Товарищ Пятаков и Дзержинский говорят нам, что всякое национальное движение есть движение реакционное. Это неверно, товарищи. Разве движение Ирландии против английского империализма не есть движение демократическое, наносящее удар империализму? И разве это движение мы не должны поддерживать?..

*Протоколы Петроградской
Общегородской и Всероссийской
конференций Р.С.-Д.Р.П. (6.)—
апрель 1917 г. ГИЗ 1927.*

ОТСТАВШИЕ ОТ РЕВОЛЮЦИИ.

Революция идет. Углубляясь и расширяясь, она перебрасывается из одной сферы в другую, революционизируя всю общественно-экономическую жизнь страны снизу доверху.

Вторгаясь в промышленность, революция ставит вопрос о контроле и регулировании производства со стороны рабочих (Донецкий бассейн).

Перебрасываясь в сельское хозяйство, революция толкает к коллективной обработке запущенных земель, к снабжению крестьян орудиями и живым инвентарем (Шлиссельбургский уезд).

Вскрывая язвы войны и выросшую в условиях войны хозяйственную разруху, революция врывается в сферу распределения, ставя вопрос, с одной стороны, о снабжении городов продовольствием (продовольственный кризис) и, с другой стороны, о снабжении деревни фабрикатами (товарный кризис).

Разрешение всех этих и подобных им назревших уже вопросов требует максимальной инициативы революцион-

ных масс, активного вмешательства Советов Рабочих Депутатов в дело строительства новой жизни, наконец, — перехода всей полноты власти в руки нового класса, способного вывести страну на широкую революционную дорогу.

Революционные массы на местах уже вступают на этот путь. Революционные организации местами уже взяли в свои руки власть (Урал, Шлиссельбург), минуя так называемые «комитеты общественного спасения».

Между тем, призванный руководить революцией Петроградский Исполнительный Комитет беспомощно топчется на месте, отставая и отходя от масс, а кардинальный вопрос о взятии всей власти подменяет пустяковым вопросом о «кандидатурах» во Временное Правительство. Отставая же от масс, Исполнительный Комитет отстает тем самым от революции, затрудняя ее поступательное движение.

Перед нами лежат два документа Исполнительного Комитета: «Памятка для делегатов рабочих на фронте», везущих подарки солдатам, и «Воззвание солдатам на фронте». И что же, о чем они говорят? Да о той же отсталости Исполнительного Комитета, ибо по самым важным вопросам современности Исполнительный Комитет дает в них самые отталкивающие, самые антиреволюционные ответы!

Вопрос о войне. Пока Исполнительный Комитет препирался с Временным Правительством об аннексиях и контрибуциях, пока Временное Правительство фабриковало «ноты», а Исполнительный Комитет наслаждался ролью «победителя», между тем как война за захваты продолжалась по-старому, — жизнь в окопах, действительная жизнь солдат выдвинула новое средство борьбы — массовое братание. Нет сомнения, что братание само по себе есть лишь стихийная форма стремления к миру. Тем не менее, проведенное организованно и сознательно, братание может превратиться в могучее средство в руках рабочего класса для революционирования положения в воюющих странах.

Каково же отношение Исполнительного Комитета к братанию?

Слушайте:

«Товарищи-солдаты! Не братанием достигнете вы мира... К гибели вас самих, к гибели русской свободы ведут люди, уверяющие вас, что братание — путь к миру. Не верьте им» (см. «Воззвание»).

Вместо братания Исполнительный Комитет предлагает солдатам не «отказываться от наступательных действий, которых может потребовать боевая обстановка» (см. «Воззвание»). Дело, оказывается, в том, что «защита в политическом смысле отнюдь не исключает стратегических наступлений, занятия новых участков и т. д. В интересах защиты... совершенно необходимо производить наступление, занимать новые позиции» (см. «Памятку»).

Короче: чтобы добиться мира, нужно наступать и захватывать чужие «участки».

Так рассуждает Исполнительный Комитет.

Но чем отличаются эти империалистические суждения Исполнительного Комитета от контр-революционного «приказа» генерала Алексева, где братание на фронте объявляется «изменой», а солдатам приказывают «вести нещадную борьбу с неприятелем»?

Или еще: чем отличаются эти суждения от контр-революционной речи Милокова на совещании и Мариинском дворце, где он требовал от солдат «наступательных действий» и дисциплины в интересах «единства фронта»?...

Вопрос о земле. Всем известен конфликт, возникший между крестьянами и Временным Правительством. Крестьяне требуют немедленной распашки забрасываемых помещиками земель, считая такой шаг единственным средством обеспечить хлеб не только населению в тылу, но и армии на фронте. В ответ на это Временное Правительство объявило крестьянам решительную войну, поставив аграрное движение вне «закона», при чем разослало на места комиссаров для ограждения помещичьих интересов от «покушений» со стороны «самоуправных» крестьян. Временное Правительство предложило крестьянам

воздержаться от конфискации до созыва Учредительного Собрания: оно-де все разрешит.

Каково же отношение Исполнительного Комитета к этому вопросу: кого он поддерживает, крестьян или Временное Правительство?

Слушайте:

«Революционная демократия будет самым решительным образом отстаивать... безвозмездное отчуждение... помещичьих земель... в будущем Учредит. Собрании. В настоящее же время, исходя из того, что немедленная конфискация помещичьих земель могла бы вызвать... в стране серьезное хозяйственное потрясение... революционная демократия предостерегает крестьян от всякого самочинного разрешения земельного вопроса, так как аграрные беспорядки будут полезны не крестьянству, а контр-революции», в виду чего предлагается «не захватывать самовольно помещичьего добра до решения Учред. Собрания» (см. «Памятку»).

Так говорит Исполнительный Комитет.

Очевидно, Исполнительный Комитет поддерживает не крестьян, а Временное Правительство.

Не ясно ли, что Исполнительный Комитет, став на такую позицию, скатился до контр-революционного лозунга Шингарева: «обуздай крестьян!».

И вообще с каких пор аграрные движения стали «аграрными беспорядками», а «самочинные решения» вопросов недопустимыми? Что такое Советы и в числе них Петроградский Совет, как не «самочинно» возникшая организация? Не думает ли Исполнительный Комитет, что пора «самочинных» организаций и решений миновала?

Исполнительный Комитет пугает «продовольственной разрухой» в связи с самовольной запашкой помещичьих земель. Но вот «самочинно» возникший уездный Революционный Комитет в Шлиссельбурге в целях усиления продовольственной мощи населения постановил:

«Для того, чтобы получить большее количество хлебных продуктов, в которых ощущается действительная потребность, — произвести общинами запашки свободных площадей земли, принадлежащей церквам, монастырям, бывшим уделам и частным владельцам».

Что может возразить против этого «самочинного» постановления Исп. Комитет?

Что может он противопоставить этому мудрому решению, кроме пустых фраз о «самоуправстве», «аграрных беспорядках», «самочинных решениях» и пр., заимствованных из указов г. Шингарева?

Не ясно ли, что Исполнительный Комитет отстал от революционного движения в провинции и, отстав, стал в противоречие с ним?..

Таким образом, перед нами разворачивается новая картина. Революция растет вширь и вглубь, захватывая новые сферы, вторгаясь в промышленность, в сельское хозяйство, в сферу распределения, ставя вопрос о взятии всей власти. Во главе движения идет провинция. Если в первые дни революции Петроград шел вперед, то теперь он начинает отставать. При этом создается впечатление, что Исполнительный Комитет старается о с т а н о в и т ь с я на уже достигнутой точке. Но в революционную эпоху невозможно устоять на одной точке, тут можно лишь двигаться — вперед или назад. Поэтому, кто старается остановиться во время революции, тот неминуемо отстанет, а кто отстал, тому нет пощады: революция толкает его в лагерь контрреволюции.

„Правда“ № 48,
4 (17) Мая 1917 г.,
за подписью К. Сталина.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ КАМПАНИЯ.

Приближаются выборы в районные думы. Списки кандидатов приняты и опубликованы. Избирательная кампания идет полным ходом.

Выставляют списки самые разнообразные «партии»: действительные и мнимые, старые и новоиспеченные, серьезные и игрушечные. На-ряду с партией к.-д. — «партия честности, отчетности и справедливости»; на-ряду с «Единством» и Бундом — «партия несколько левее к.-д.»; на-ряду с меньшевиками и эсерами-оборонцами — всякие «нспар-

тийные» и «надпартийные» группы. Пестрота и причудливость флагов невообразима.

Уже первые предвыборные собрания показывают, что гвоздем кампании является не муниципальная «реформа» сама по себе, а общее политическое положение страны. Муниципальная реформа — лишь канва, по которой естественно разворачиваются основные политические платформы.

Оно и понятно. Теперь, когда война поставила страну перед пропастью разрухи, когда интересы большинства населения требуют революционного вмешательства во всю хозяйственную жизнь страны, и Временное Правительство явно неспособно вывести страну из тупика, — всякие местные вопросы, в том числе и муниципальные, могут быть поняты и разрешены лишь в неразрывной связи с общими вопросами о войне и мире, о революции и контр-революции. Без такой связи с общей политикой муниципальная кампания выродилась бы в пустую болтовню о луже-нии умывальников и «устройстве хороших уборных» (см. платформу оборонцев-меньшевиков).

Поэтому сквозь пеструю картину многочисленных партийных флагов неминуемо будут пробиваться в ходе кампании две основные политические линии: линия дальнейшего развития революции и линия контр-революции.

Чем сильнее будет кампания, тем острее станет партийная критика, тем резче будут выделяться эти две линии, тем невыносимее станет положение промежуточных групп, старающихся примирить непримиримое, тем яснее станет для всех, что сидящие между революцией и контр-революцией оборонцы из меньшевиков и народников фактически тормозят революцию, облегчая дело контр-революции.

* * *

Партия «народной свободы». Со дня свержения царизма правые партии разбрелись. Объясняется это тем, что существование их в старом виде стало невыгодным. Куда же они ушли? Они собрались вокруг партии так

называемой «народной свободы», вокруг партии Милюкова и компании. Партия Милюкова теперь самая правая партия. Это факт, против которого не спорят. И именно поэтому эта партия является теперь центром стягивания контр-революционных сил.

Партия Милюкова за обуздание крестьян, ибо она за подавление аграрного движения.

Партия Милюкова за обуздание рабочихъ, ибо она против «чрезмерных» требований рабочих, при чем все их серьезные требования объявляет она «чрезмерными».

Партия Милюкова за обуздание солдат, ибо она за «железную дисциплину», то-есть за восстановление господства командного состава над солдатами.

Партия Милюкова за грабительскую войну, поставившую страну перед разрухой и разорением.

Партия Милюкова за «решительные меры» против революции, она «решительно» против народной свободы, хотя и именуется партией «народной свободы».

Можно ли надеяться, что такая партия обновит хозяйство города в интересах беднейших слоев населения?

Можно ли доверить ей судьбу города?

Никогда! Ни в коем случае!

Наш пароль: никакого доверия партии Милюкова, ни одного голоса партии «народной свободы».

* *
* *

Российская Соц.-Дем. Раб. Партия (большевики). Наша партия — прямая противоположность партии к.-д. Кадеты — партия контр-революционных буржуа и помещиков. Наша партия — партия революционных рабочих города и деревни. Это — две непримиримые партии, победа одной означает поражение другой. Наши требования известны. Наш путь ясен.

Мы против нынешней войны, потому что она есть война грабительская, захватная.

Мы за мир, мир общий и демократический, потому что такой мир — самый верный выход из хозяйственной и продовольственной разрухи.

Жалуются на недостаток хлеба в городах. Но хлеба нет потому, что посевная площадь сократилась из-за недостатка рабочих сил, «угнанных» на войну. Хлеба нет потому, что даже имеющиеся запасы не на чем привезти, так как железные дороги заняты обслуживанием войны. Прекратите войну — и хлеб будет.

Жалуются на недостаток товара в деревне. Но товара не стало, потому что большая часть фабрик и заводов обслуживает войну. Прекратите войну — и товар будет.

Мы против нынешнего правительства, потому что оно, призывая к наступлению, оттягивает войну, обостряя разруху и голод.

Мы против нынешнего правительства, потому что оно, охраняя барыши капиталистов, срывает дело революционного вмешательства рабочих в хозяйственную жизнь страны.

Мы против нынешнего правительства, потому что оно, мешая крестьянским комитетам распоряжаться помещичьей землей, срывает дело освобождения деревни от помещичьей власти.

Мы против правительства, потому что оно, начав «дело» с вывода революционных войск из Петрограда и перейдя теперь к выводу революционных рабочих (разгрузка Петрограда!), — обрекает революцию на бессилие.

Мы против нынешнего правительства, потому что оно вообще не способно вывести страну из кризиса.

Мы за то, чтобы вся власть была передана в руки революционных рабочих, солдат и крестьян.

Только такая власть способна положить конец затянувшейся грабительской войне. Только такая власть способна наложить руку на барыши капиталистов и помещиков для того, чтобы двинуть вперед революцию и уберечь страну от полной разрухи.

Наконец, мы против восстановления полиции, старой ненавистной полиции, оторванной от народа и подчиненной назначенным сверху «чинам».

Мы за всеобщую, выборную и сменяемую милицию, ибо только такая милиция может быть оплотом народных интересов.

Таковы наши ближайшие требования.

Мы утверждаем, что без осуществления этих требований, без борьбы за эти требования немыслима ни одна серьезная муниципальная реформа, никакая демократизация городского хозяйства.

Кто хочет обеспечить население хлебом, кто хочет уничтожить жилищный кризис, кто хочет возложить городские налоги только на богатых, кто добивается того, чтобы все эти реформы осуществились на деле, а не на словах только, — тот должен голосовать за тех, кто против захватной войны, против правительства помещиков и капиталистов, против восстановления полиции — за демократический мир, за переход власти в руки самого народа, за всенародную милицию, за действительную демократизацию городского хозяйства.

Без этих условий «коренная муниципальная реформа» — звук пустой.

* * *

Блок оборонцев. Между к.-д. и нашей партией стоит ряд промежуточных групп, колеблющихся от революции к контр-революции. Таковы: «Единство», Бунд, оборонцы из меньшевиков и эсеров, трудовики, народные «социалисты». Выступая в некоторых районах отдельно, в других блокируются они между собой, выставляя общий список. Против кого блокируются? На словах — против ж.-д. Но так ли на самом деле?

Прежде всего бросается в глаза полная беспринципность их блока. Что общего, например, между радикально-буржуазной группой трудовиков и группой меньшевиков-оборонцев, считающих себя «марксистами» и «социалистами»? С каких пор трудовики, проповедующие войну до победы, стали соратниками меньшевиков и бундовцев, именующих себя «непринемлющими войну» «циммервальдистами»? А «Единство» Плеханова, того самого Плеханова, который еще в эпоху царизма, свернув знамя Интернационала, определенно стал под чужое знамя, под желтое знамя империализма, что общего между этим завзятым

шовинистом и, скажем, «циммервальдистом» Церетели, почетным председателем оборончески-меньшевистской конференции? Давно ли Плеханов призывал к поддержке царского правительства в войне с Германией, а «циммервальдист» Церетели «громил» за это шовиниста Плеханова? Война между «Единством» и «Рабочей Газетой» в разгаре, а эти, делая вид, что ничего не замечают, уже открывают «братание»...

Не правда ли: из таких разношерстных элементов мог составиться лишь случайный и беспринципный блок, — не принцип, а боязнь провала руководила ими при образовании блока.

Далее бросается в глаза тот факт, что в двух районах, в Казанском и Спасском (см. «списки кандидатов») «Единство», Бунд и оборонцы из меньшевиков и эсеров не выставляют своих списков, а районный Совет Раб. и Солд. Депутатов в тех же районах — и только в тех — выставляет свой список, вопреки постановлению Исполнительного Комитета. Очевидно, наши храбрые блокисты, боясь провалиться на выборах, предпочли спрятаться за спиной районного Совета, решив использовать авторитет последнего. Забавно, что у этих благородных джентльменов, кичащихся своей «ответственностью», не хватило мужества выступить с открытым забралом, — они предпочли трусливо уклониться от «ответственности»...

Что же все-таки объединило в блок все эти разношерстные группы?

А то, что они одинаково неуверенно, но неотступно плетутся по стопам кадетов, что они одинаково определенно не долюбливают нашу партию.

Все они, как и кадеты, за войну, но не для захватов (боже упаси!), а для... «мира без аннексий и контрибуций». Война для мира...

Все они, как и кадеты, за «железную дисциплину», но не для обуздания солдат (конечно, нет!), а в интересах... самих же солдат.

Все они, как и кадеты, за наступление, но не в интересах англо-французских банкиров (боже упаси!), а в интересах... «нашей молодой свободы».

Все они, как и кадеты, против «анархических посползновений рабочих захватить фабрики и заводы» (см. «Рабоч. Газету» за 21 мая), но не в интересах капиталистов (какие ужасы!), а для того, чтобы не отпугнуть капиталистов от революции, т.-е. в интересах... революции.

Вообще все они за революцию, но постольку (постольку!), поскольку она не страшна для капиталистов и помещиков, поскольку она не идет вразрез с интересами последних.

Короче: все они за те же практические шаги, что и кадеты, но с оговорочками да прибауточками о «свободе», «революции» и пр.

И так как слова и прибауточки остаются все же словами, то выходит, что на деле они ведут ту же кадетскую линию.

Фразы о свободе и социализме лишь прикрывают их кадетскую сущность.

И именно поэтому их блок направлен не против контрреволюционных кадетов, а против революционных рабочих, против блока нашей партии с «Межрайонкою» и революционными меньшевиками.

Можно ли после всего сказанного рассчитывать, что эти почти кадетские джентльмены способны обновить и перестроить расстроенное городское хозяйство?

Как можно им доверить судьбу беднейших слоев населения, когда они ежечасно попирают интересы этого населения, поддерживая грабительскую войну и правительство капиталистов и помещиков?

Для того, чтобы демократизовать городское хозяйство, обеспечить население продовольствием и жилищем, освободить бедноту от городских налогов и переложить все налоговое бремя на имущих, — для этого необходимо порвать с политикой соглашений, наложив руку на барыши капиталистов и домовладельцев... Разве не ясно, что умеренные джентльмены из оборонческого блока, боящиеся рассердить буржуазию, не способны на такие революционные шаги?...

В нынешней Петроградской думе имеется так называемая «социалистическая муниципальная группа», состоящая, глав-

ным образом, из оборонцев-эсеров и меньшевиков. Она выделила из своей среды «финансовую комиссию» для разработки «немедленных мер» оздоровления городского хозяйства. И что же? Эти «обновители» нашли, что для демократизации городского хозяйства необходимо: 1) «увеличить плату за воду», 2) «увеличить проездную плату по трамваям». «По вопросу же о взимании платы с солдат за пользование трамваем решено снести с Сов. Р. и С. Д.» (см. «Нов. Жизнь» № 26). У членов комиссии, очевидно, была идея возложить плату на солдат, но не решились это сделать без согласия солдат.

Вместо того, чтобы уничтожить налоги на бедноту, почтенные члены комиссии решили увеличить их, не пожалев даже солдат!

Таковы образцы муниципальной практики оборонцев из эсеров и меньшевиков.

Не правда ли: пышные фразы и широковещательные «муниципальные платформы», прикрывающие жалкую муниципальную практику оборонцев.

Так было — так будет...

И чем искуснее они прикрываются фразами о «свободе» и «революции», тем решительнее и беспощаднее должна быть борьба с ними.

Сорвать социалистическую маску с оборонческого блока, выставить на свет его буржуазно-кадетскую сущность — такова одна из очередных задач текущей кампании.

Никакой поддержки оборонческому блоку, никакого доверия господам из блока!

Рабочие должны понять, что кто не за них, тот против них, что оборонческий блок не за них — следовательно, против них.

* * *

Беспартийные. Из всех буржуазных групп, выставивших собственные списки кандидатов, наиболее неопределенное положение занимают беспартийные группы. Их не мало, этих беспартийных групп, их — целая куча, почти 30 штук. Кого только нет среди них! «Объединенные

домовые комитеты» и «группа служащих в воспитательных заведениях», «беспартийная деловая группа» и «группа внепартийных избирателей», «группа домовой администрации» и «общество квартировладельцев», «надпартийная республиканская группа» и «лига равноправия женщин», «группа союза инженеров» и «торгово-промышленный союз», «группа честность, отчетность, справедливость» и «группа демократического строительства», «группа свобода и порядок» и прочие группы, — такова пестрая картина беспартийной неразберихи.

Кто они, откуда они и куда держат путь?

Все они — буржуазные группы. Это большей частью — купцы, промышленники, домовладельцы, люди «свободных профессий», интеллигенты.

У них нет принципиальных программ. Избиратели так и не узнают, чего собственно добиваются эти группы, приглашающие обывателей голосовать за них.

У них нет муниципальных платформ. Избиратели так и не узнают, каких улучшений требуют они в области городского хозяйства, из-за чего собственно голосовать за них.

У них нет своего прошлого, ибо их не было в прошлом.

У них нет и будущего, ибо они исчезнут после выборов, как прошлогодний снег.

Они возникли только в дни выборов и живут только в данную минуту, пока есть выборы: пробраться бы как-нибудь в районную думу, а потом хоть трава не расти.

Это — боящиеся света и правды беспрограммные группы из буржуазии, старающиеся контрабандным путем протаскать своих кандидатов в районные думы.

Темны их цели. Темен их путь.

Чем оправдать существование таких групп?

Можно еще понять существование беспартийных групп в прошлом, при царизме, когда партийность, левая партийность беспощадно каралась «законом», когда многим приходилось выступать в качестве беспартийных для того, чтобы избежать арестов и гонений, когда беспартийность служила щитом против царских законников. Но теперь,

в условиях максимума свобод, когда каждая партия может выступать открыто и свободно, не рискуя быть привлеченной, когда партийная определенность и открытая борьба политических партий превратились в заповедь и условие политического воспитания масс, — чем оправдать теперь существование беспартийных групп? Чего они боятся и от кого, собственно, прячут свое настоящее лицо?

Нет сомнения, что многие избиратели из масс еще не разобрались в программах политических партий, что быстрому прояснению их сознания мешают политическая косность и отсталость, завещанные царизмом. Но разве не ясно, что беспартийность и беспрограммность только закрепляют и узаконяют эту отсталость и косность? Кто решится отрицать, что открытая и честная борьба политических партий является важнейшим средством пробуждения масс и поднятия их политической активности?

Еще раз: чего боятся беспартийные группы, почему они не любят света и от кого, собственно, прячутся они? Где секрет?

Дело в том, что при нынешних условиях в России, при быстро развивающейся революции, при максимуме свобод, когда массы растут политически не днями, а часами, — откровенные выступления буржуазии становятся крайне рискованными для нее. Выступать при таких условиях с неприкрытыми буржуазными платформами. — это значит наверняка провалить себя в глазах масс. Единственное средство «спасти положение» — надеть маску беспартийности и прикинуться безобидной группой вроде группы «честности, отчетности и справедливости». Это так удобно для того, чтобы ловить рыбу в мутной воде. Нет сомнения, что под флагом беспартийных списков скрываются кадетствующие и кадетообразные буржуа, боящиеся выступить с открытым забралом, старающиеся проскочить в районные думы контрабандным путем. Характерно, что среди них нет ни одной пролетарской группы, что все эти беспартийные группы вербуются из рядов буржуазии и только из этих рядов. И они, без сомнения, смогут завлечь с свои сети не малое количество доверчивых простаков из изби-

рателей, если не встретят должного отпора со стороны революционных элементов.

В этом весь секрет!

Поэтому «беспартийная» опасность есть одна из самых действительных опасностей в текущей муниципальной кампании.

Поэтому сорвать с них маску беспартийности, заставить их показать свое настоящее лицо для того, чтобы дать массам возможность должным образом оценить их, — такова одна из важнейших задач нашей кампании.

Прочь маску беспартийности, да здравствует ясность и определенность политической линии! — таков наш пароль.

* * *

Товарищи! Завтра выборы. Стройными рядами направляйтесь к урнам и дружно голосуйте за список большевиков.

Ни одного голоса кадетам, врагам русской революции!

Ни одного голоса оборонцам, сторонникам соглашения с кадетами!

Ни одного голоса беспартийным, скрытым друзьям ваших врагов!

„Правда“ №№ 63, 64 и 66.

21, 22 и 26 мая (3, 6 и 8

июня) 1917 г.

за подписью К. Сталина.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

(КРИЗИС РЕВОЛЮЦИИ.)

Три требования выставили Гучков и Милюков перед уходом из Временного Правительства: 1) восстановление дисциплины, 2) провозглашение наступления, 3) обуздание революционных интернационалистов.

Армия разлагается, порядка в ней не стало, восстановите дисциплину, обуздайте пропаганду мира, иначе уйдем в отставку, — «докладывал» Гучков Исполнительному Комитету на известном совещании в Мариинском дворце (20 марта).

Мы связаны с союзниками, от нас требуют поддержки в интересах единства фронта, призовите армию к наступлению, обуздайте противников войны, иначе мы уйдем, — «докладывал» Милюков на том же совещании.

Это было в дни «кризиса власти».

Меньшевики и эсеры из Исполнительного Комитета делали вид, что не пойдут на уступки.

Потом Милюков опубликовал «разъяснительную» бумагу к своей «ноте», ораторы Исполнительного Комитета провозгласили по этому случаю «победу» «революционной демократии», и — «страсти улеглись».

Но «победа» оказалась мнимой. Спустя несколько дней снова был объявлен «кризис», Гучков и Милюков «должны были» уйти, начались бесконечные совещания Исполнительного Комитета с министрами, и — «кризис разрешился» вступлением представителей Исполнительного Комитета во Временное Правительство.

Доверчивые зрители вздохнули с облегчением. Наконец-то «победили» Гучкова-Милюкова! Наконец-то наступит мир, мир «без аннексий и контрибуций»! Конец братоубийственной бойне!

И что же? Не успели еще подвести итоги «победам» так называемой «демократии», не успели еще «похоронить» ушедших на покой министров, как новые министры, министры-«социалисты» заговорили языком, утешившим Гучкова-Милюкова!

Поистине «мертвые схватили живых»!

Судите сами.

Уже в первой своей речи на Крестьянском Съезде новый военный министр, гражданин Керенский, заявил, что он намерен восстановить в армии «железную дисциплину». Что это за дисциплина, об этом определенно говорит «декларация прав солдата», подписанная Керенским, где в условиях «боевой обстановки» начальникам предоставляется «право применения вооруженной силы... против неисполняющих приказания подчиненных» (см. пункт 14 «Декларации»).

То, о чем так мечтал Гучков, но чего он не решался провести в жизнь, Керенский «провел» одним взмахом

под шумок трескучих фраз о свободе, равенстве, справедливости.

Для чего же она понадобилась, эта самая дисциплина?

Об этом поведал нам раньше других министров министр Церетели. «Мы стремимся к ликвидации войны, — говорил он служащим почтамта, — но не путем сепаратного мира, а общей победой с нашими союзниками над врагами свободы» (см. «Вечерн. Бирж.» 8 мая).

Если откинуть слова о свободе, приплетенные здесь ни к селу, ни к городу, если перевести министерски-туманную речь на простой язык, то получится одно: в интересах мира необходимо в союзе с Англией и Францией разбить Германию, для чего, в свою очередь, необходимо наступление.

Подготовка наступления в интересах единства фронта, для совместной победы над Германией, — вот для чего понадобилась «железная дисциплина».

То, чего так робко, но неустанно добивался Миллюков, министр Церетели объявил своей собственной программой.

Это было еще в первые дни после «разрешения» кризиса. Но потом министры-«социалисты» стали смелее и определеннее.

12 мая последовал «приказ» Керенского офицерам, солдатам и матросам:

«... Вы пойдете вперед туда, куда поведут вас вожди и правительство... вы пойдете... скованные дисциплиной долга... по воле народа вы должны очистить родину и мир от насильников и захватчиков. На этот подвиг я зову вас» (см. «Речь» 14 мая).

Не правда ли: приказ Керенского по сути дела мало чем отличается от известных империалистических приказов царского правительства, вроде того, что «мы должны воевать до победного конца, мы должны изгнать дерзкого врага из пределов нашей родины, мы должны освободить мир от ига германского милитаризма...» и пр.

И так как говорить о наступлении легче, чем провести его в жизнь, так как некоторые полки, например, седьмой армии (четыре полка) не сочли возможным подчиниться

приказу о «выступлении», — то Временное Правительство вместе с Керенским перешло от слов к «делу», приказав немедленно расформировать «провинившиеся» полки, пригрозив виновным «ссылкой в каторгу с лишением всех прав состояния» (см. «Веч. Время» 1 июня).

И так как всего этого, оказывается, все же недостаточно, то Керенский разразился новым «приказом», направленным специально против братания, грозя «виновным» преданием «суду для наказания по всей строгости законов», т.-е. той же каторгой (см. «Нов. Жизнь» 1 июня).

Короче: наступайте немедленно, наступайте во что бы то ни стало, не то — пустим в ход каторгу и расстрелы, — таков смысл «приказов» Керенского.

И это в то время, когда царские договоры с англо-французской буржуазией остаются в силе, когда на основании этих договоров определенно обязывают «нас» активно поддержать захватную политику Англии и Франции в Месопотамии, в Греции, в Эльзас-Лотарингии!

Ну, а мир без аннексий и контрибуций, а обязательство нового Временного Правительства добиться мира всеми «решительными мерами», — куда девались все эти обещания, данные в дни «кризиса власти»?

О, наши министры не забывают о мире, о мире без аннексий и контрибуций, они усиленно го-во-рят, говорят и пишут, пишут и говорят. И не только наши министры. В ответ на предложение Временного Правительства высказаться о целях войны, английское и французское правительства еще на-днях заявили, что они тоже против аннексий, но... постольку, поскольку это не противоречит присоединению Эльзас-Лотарингии, Месопотамии и проч. А Временное Правительство в ответ на такое заявление, в свою очередь, заявило в ноте от 31 мая, что, «оставаясь непоколебимо верным общему союзному делу», оно предлагает для пересмотра соглашения о целях войны созвать «конференцию представителей союзных держав, которая могла бы состояться в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия» (см. «Раб. Газ.» № 72). Ну, а так как никому еще неизвестно, когда именно «созда-

дутся благоприятные для этого условия», так как так называемое «ближайшее время» наступит, во всяком случае, не скоро, то выходит, что на деле «решительная борьба» за мир без аннексий откладывается в долгий ящик, выходящая в пустые и фальшивые словопрения о мире.

Зато нельзя, оказывается, ни на одну минуту откладывать наступление, которое подготавливают всеми «решительными мерами» вплоть до угрозы каторгой и расстрелами...

Сомнения невозможны. Война была и остается империалистической. Разговоры о мире без аннексий при готовящемся на деле наступлении лишь прикрывают грабительский характер войны. Временное Правительство определенно стало на путь активного империализма. То, что вчера еще казалось невозможным, сегодня стало возможным благодаря вступлению «социалистов» во Временное Правительство: прикрывая социалистическими фразами империалистическую сущность Временного Правительства, они укрепили и расширили позиции подымающейся контр-революции.

«Социалистические» министры, с успехом используемые империалистской буржуазией в своих контр-революционных целях — вот каково теперь положение.

Победили не наивные «революционные демократы», а старые дельцы империализма, Гучков и Милюков.

Но равнение направо в делах внешней политики неминуемо должно было повести к такому же повороту в политике внутренней, ибо в условиях всемирной войны внешняя политика есть основа всякой иной политики, центр всей государственной жизни.

И, действительно, Временное Правительство все определеннее становится на путь «решительной борьбы» с революцией.

Еще не так давно открыло оно наступление против кронштадтских матросов, мешая одновременно крестьянам Петроградского уезда, крестьянам Пензенской, Воронежской и проч. губерний осуществить простые принципы демократизма.

Затем несколько дней назад прославили себя (Геростратовски прославили!) Скобелев и Церетели, выслав из России Роберта Гримма, правда, без суда и следствия, просто по-жандармски, но зато на радость русским империалистам.

Но ярче всех отразил новый курс внутренней политики Временного Правительства министр Переверзев («тоже» социалист!). Он требует не более, не менее, как «срочного введения закона о преступлениях против государственного спокойствия». По этому закону (статья 129)... «Винновный в публичном призыве или в призыве в распространенных или публично выставленных произведениях печати, письме или изображениях: 1) к учинению тяжкого преступления, 2) к учинению насильственных действий одной части населения против другой, 3) к неповиновению или противодействию закону или обязательному постановлению или законному распоряжению власти — наказывается заключением в исправительном доме сроком не свыше трех лет», а «во время войны... срочной каторгой» (см. «Речь» 4 июня).

Таково каторжное законодательное творчество этого, с позволения сказать, «социалистического» министра.

Очевидно, что Временное Правительство неуклонно катится в объятия контр-революции.

Это явствует также из того, что старый делец контр-революции, Милюков, уже предвкушает по этому случаю плоды новой победы. «Если Временное Правительство,— говорит он,— после долгой проволочки, поймет, что в руках власти есть и другие средства, кроме убеждения, те самые средства, которые она уже начала применять, если оно станет на эту дорогу, тогда завоевания русской революции (не шутите!) будут укреплены»... «Наше Временное Правительство арестовало Колышко и выгнало Гримма. А Ленин, Троцкий и их товарищи гуляют на свободе... Будем желать, чтобы когда-нибудь и Ленина с его товарищами послали туда же...» (см. «Речь» 4 июня.)

Таковы «желания» старой лисы русской буржуазии, г. Милюкова.

Исполнит ли Временное Правительство это и подобные «желания» Милюкова, вообще чутко прислушивающееся

к голосу последнего, осуществимы ли теперь такие «желания», — это мы увидим в ближайшем будущем.

Но одно все же несомненно: внутренняя политика Временного Правительства целиком подчиняется требованиям его активной империалистской политики.

Вывод один.

Развитие нашей революции вступило в полосу кризиса. Новый этап революции, врывающейся во все сферы хозяйственной жизни и революционирующей их снизу доверху, подымает на ноги все силы старого и нового мира. Война и связанная с ней разруха обостряют классовые противоречия до последних пределов. Политика соглашений с буржуазией, политика лавирования между революцией и контр-революцией становится явно несостоятельной.

Одно из двух:

Либо вперед против буржуазии за переход власти в руки трудящихся, за ликвидацию войны и разрухи, за организацию производства и распределения;

Либо назад за буржуазию, за наступление и оттягивание войны, против решительных мер для устранения разрухи, за анархию в производстве, за открыто контр-революционную политику.

Временное Правительство определенно становится на путь неприкрытой контр-революции.

Долг революционеров — теснее сплотиться и двигать вперед революцию.

*«Солдатская Правда» № 42,
13(26) июля 1917 г.,
за подписью К. Сталина.*

ПРОТИВ РАЗРОЗНЕННЫХ ДЕМОНСТРАЦИЙ.

Несколько дней назад Временное Правительство постановило очистить дачу Дурново от анархистов. Постановление это, в корне неправильное, вызвало бурю негодования со стороны рабочих. Нет сомнения, что рабочие усмотрели в этом постановлении посягательство на право всякой организации на существование. Мы против анархистов принципиально, но, поскольку за анархистами

стоит хотя и небольшая часть рабочих, они имеют такое же право на существование, как, скажем, меньшевики и эсеры. В этом смысле рабочие были правы, протестуя против покушений Временного Правительства. Тем более, что кроме анархистов дачей пользуются еще несколько заводов и профессиональные союзы.

Читатели знают, что в результате своего протеста рабочие добились уступки со стороны Временного Правительства, оставив дачу за собой.

Теперь оказывается, что на даче Дурново «организуется» новое выступление рабочих. Нам сообщают, что в даче Дурново происходят собрания представителей заводских комитетов, во главе с анархистами, с целью устроить сегодня демонстрацию. Если это верно, то мы заявляем, что осуждаем самым решительным образом всякие разрозненные, анархические выступления. Демонстрации отдельных районов и полков во главе с неразбирающимися в условиях момента анархистами, демонстрации, устраиваемые вопреки большинству районов и полков, вопреки бюро союзов и центральному совету заводских комитетов, вопреки, наконец, социалистической партии пролетариата, — такие анархические демонстрации мы считаем пагубными для дела рабочей революции.

Можно и нужно защищать право организаций, в том числе и анархистов, на существование, когда хотят их оставить без крова.

Но сливаться с анархистами и предпринимать вместе с ними безрассудные выступления, заранее обреченные на неудачу, — это недопустимо и преступно со стороны сознательных рабочих.

Пусть товарищи рабочие и солдаты подумают хорошенько кто они, социалисты или анархисты, и если они социалисты — пусть решают, могут ли они идти рука об руку с анархистами на явно необдуманные выступления, вопреки постановлению нашей партии.

Товарищи! Своей попыткой продемонстрировать 10 июня мы добились того, что Исполнительный Комитет и Съезд Советов признали необходимость демонстраций. Вы знаете,

должно быть, что Съезд Советов назначил на 18 июня всеобщую демонстрацию, объявив заранее свободу лозунгов.

Теперь наша задача — добиться того, чтобы демонстрация в Петрограде 18 июня прошла под нашими революционными лозунгами.

И именно поэтому мы должны в корне пресечь всякие анархические выступления для того, чтобы тем энергичнее подготовиться к демонстрации 18 июня.

Против разрозненных выступлений за всеобщую демонстрацию 18 июня — вот к чему мы призываем вас.

Товарищи! Время дорого — не теряйте же ни одной минуты! Пусть каждый завод, пусть каждый район, пусть каждый полк и рота организуют свои знамена с лозунгами революционного пролетариата. Все за работу, товарищи, все за подготовку демонстрации 18 июня.

Против анархических выступлений за общую демонстрацию под знамя партии пролетариата — таков наш клич.

*«Правда» № 81,
14 (27) июля 1917 г.,
за подписью К. Сталина.*

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ, КО ВСЕМ РАБОЧИМ И СОЛДАТАМ ПЕТРОГРАДА.

Товарищи!

Тяжелые испытания переживает Россия:

Война, уносящая неисчислимые жертвы, все еще продолжается. Ее намеренно затягивают наживающиеся разбойники, кровопийцы-банкиры.

Промышленная разруха, вызванная войной, ведет к приостановке заводов, к безработице. Ее намеренно обостряют жадные до сказочных барышей локаутчики-капиталисты.

Недостаток припасов, вызванный войной, становится все более угрожающим. Дороговизна душит городскую бедноту. А цены все растут во имя прихотей мародеров-спекулянтов.

Зловещий призра́к голода и разорения носится над нами...

В то же время надвигаются черные тучи контр-революции.

Третьеиюньская Дума, помогавшая царю угнетать народ, требует теперь немедленного наступления на фронте, — для чего? Для того, чтобы потопить в крови добытую свободу в угоду «союзным» и русским грабителям.

Государственный Совет, поставивший царю министров-вешателей, плетет в тиши предательскую петлю, — для чего? Для того, чтобы в удобную минуту накинуть ее на шею народу в угоду «союзным» и русским угнетателям.

А Временное Правительство, поставленное между царской Думой и Советом Депутатов, с ю буржуа в своем составе, явно подпадает под влияние помещиков и капиталистов.

Вместо обеспечения прав солдат — «декларация» Керенского, нарушающая эти права.

Вместо закрепления вольностей, добытых солдатами в дни революции, — новые «приказы», грозящие каторгой и расформированием.

Вместо обеспечения свободы, добытой гражданами России, — установление политического сыска в казарме, аресты без суда и следствия, новые предположения о 129-й ст., грозящей каторгой.

Вместо вооружения народа, — угрозы разоружения рабочих и солдат.

Вместо освобождения угнетенных народов, — придирки к Финляндии и к Украине, боязнь дать им свободу.

Вместо решительной борьбы с контр-революцией, — попустительство разгулу контр-революционеров, открыто вооружающихся для борьбы с революцией...

А война все идет, и — никаких действительных, серьезных мер для ее прекращения, для предложения всем народам справедливого мира не принимается.

А разруха все растет, и — никаких мер против нее.

А голод все надвигается, и — никаких действительных мер против него.

Можно ли удивляться, что контр-революционеры все наглеют, подбивая правительство на новые репрессии против рабочих и крестьян, солдат и матросов.

Товарищи! Молча терпеть дальше такие порядки нельзя Молчать после всего этого преступно!

Вы — свободные граждане, вы имеете право протестовать, и вы должны воспользоваться этим своим правом, пока не поздно.

Пусть завтрашний день (18 июня), день мирной манифестации, превратится в день грозного протеста революционного Петрограда против возрождающегося гнета и произвола!

Пусть взвоятся завтра победные знамена на страх врагам свободы и социализма!

Пусть ваш клич, клич борцов революции, облетает весь мир на радость всем угнетенным и поработанным!

Там, на Западе, в воюющих странах, уже занимается заря новой жизни, заря великой рабочей революции. Пусть узнают завтра ваши братья на Западе, что вы несете им на ваших знаменах не войну, — а мир, не порабощение, — а освобождение!

Рабочие! Солдаты! Подайте друг другу братскую руку и — вперед под знамя социализма!

Все на улицу, товарищи!

Тесным кольцом смыкайтесь вокруг ваших знамен!

Стройными рядами шествуйте по улицам столицы.

Спокойно и уверенно заявляйте о своих желаниях:

Долой контр-революцию!

Долой царскую Думу!

Долой Государственный Совет!

Долой десять министров-капиталистов!

Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!

Пересмотреть «декларацию прав солдат»!

Отменить «приказы» против солдат и матросов!

Долой разоружение революционных рабочих!

Да здравствует народная милиция!

Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!

Да здравствует контроль и организация
производства и распределения!

Против политики наступления!

Пора кончить войну! Пусть Совет Депу-
татов объявляет справедливые условия мира!

Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни
тайных договоров с французскими и англий-
скими капиталистами!

ХЛЕБА! МИРА! СВОБОДЫ!

*«Правда» № 81,
17 (30) июня 1917 г.,*

за подписями.

*Центральный Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Петербургский Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Военная организация при Центральном
Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Центр. Совет Фабр. - Завод. Ком.
г. Петрограда.
Фракция большевиков в Петроградском
С. Р. и С. Д.
Редакция «Правды».
Редакция «Солдатской Правды».*

НА ДЕМОНСТРАЦИИ.

Ясный, солнечный день. Бесконечная лента демонстран-
тов. Шествие идет к Марсову полю с утра до вечера.
Бесконечный лес знамен. Закрыты все предприятия и заве-
дения. Движение приостановлено. Мимо могил демон-
странты проходят с наклоненными знаменами. «Мар-
сельезу» и «Интернационал» сменяют «Вы жертвою пали».
От возгласов в воздухе стоит гул. То и дело раздаются:
«Долой десять министров-капиталистов», «вся власть Совету
Рабочих и Солдатских депутатов!» В ответ со всех сторон
несется громкое одобрителное ура.

Что бросается в глаза при обзоре демонстрации, — это
отсутствие буржуазии и попутчиков. В отличие от мани-
фестации в день похорон, когда рабочие терялись в море
обывателей и мелких буржуа, демонстрация 18 июня была
демонстрацией чисто пролетарской, ибо главными ее участ-
никами были рабочие и солдаты. Кадеты еще накануне

демонстрации объявили бойкот, заявив через свой ЦК о необходимости «воздержаться» от участия в демонстрации. И действительно, буржуа не только не участвовали, — они буквально спрятались. Невский, обычно многолюдный и шумливый, в этот день был абсолютно чист от буржуазных завсегдатаев.

Короче, это была действительно пролетарская демонстрация революционных рабочих, ведущих за собой революционных солдат.

Союз рабочих и солдат против сбежавших буржуа при нейтралитете обывателя — таков внешний вид шествия 18 июня.

Не манифестация, а демонстрация. Шествие 18-го июня не было простой прогулкой, манифестацией-парадом, чем безусловно являлась манифестация в день похорон. Это была демонстрация протеста, демонстрация живых сил революции, рассчитанная на перемену в соотношении сил. Крайне характерно, что демонстранты не ограничились одним лишь провозглашением своей воли, а потребовали немедленного освобождения т. Хаустова ¹⁾, бывшего сотрудника «Окопной Правды». Мы говорим о Всероссийской конференции военных организаций нашей партии, участнице демонстрации, потребовавшей от Исполнительного Комитета, в лице Чхеидзе, освобождения т. Хаустова, при чем Чхеидзе обещал принять все меры к освобождению «сегодня же».

Весь характер лозунгов, выражающих протест против «приказов» Временного Правительства, против всей его политики, с несомненностью говорит о том, что «мирная демонстрация», из которой хотели сделать невинную прогулку, превратилась в могучую демонстрацию давления на правительство.

Недоверие Временному Правительству. Бьющая в глаза особенность: ни один завод, ни одна фабрика, ни один полк не выставили лозунга «доверие

¹⁾ Прапорщик, с.-д. большевик, однофамилец с.-д. меньшевика рабочего, 6. члена IV Госуд. Думы.

Временному Правительству». Даже меньшевики и эсеры забыли (скорее не решились!) выставить этот лозунг. Было у них все, что угодно: «Долой раскол», «За единство», «Поддержка Совету», «За всеобщее обучение» (не любо не слушай) — не было только главного — не было доверия Временному Правительству, хотя бы с хитрой оговорочкой «постольку — поскольку». Только три группы решились выставить лозунг доверия, но и те должны были раскаяться. Это группа казаков, группа «Бунда» и группа Плехановского «Единства». «Святая троица», — острили рабочие на Марсовом поле. Двух из них рабочие заставили свернуть знамя (Бунд и Единство) при криках «долой». У казаков, не согласившихся свернуть знамя изорвали последнее. А одно безымянное знамя, с «доверием», протянутое «на воздухе» поперек входа на Марсово поле, было уничтожено группой солдат и рабочих при одобрительных замечаниях публики: «Доверие Временному Правительству повисло в воздухе».

Короче — недоверие правительству со стороны громадного большинства демонстрантов, при явной трусости меньшевиков и эсеров выступить «против течения» — таков общий тон демонстрации.

Крах политики соглашения. Из всех лозунгов наиболее популярными были: «Власть Совету», «Долой десять министров-капиталистов», «Ни тепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами», «Да здравствует контроль и организация производства», «Долой Думу и Государственный Совет», «Отменить приказы против солдат», «Объявите справедливые условия мира» и проч. Громадное большинство демонстрантов оказалось солидарным с нашей партией. Даже такие полки, как Волынский, Кексгольмский, вышли под лозунгом: «Вся власть Совету Рабочих и Солдатских Депутатов!» Члены большинства Исполнительного Комитета, имеющие дело не с массой солдат, а с полковыми комитетами, были искренно поражены этой «неожиданностью».

Короче. Громадное большинство демонстрантов (всех участников 400 — 500 тысяч) выразило прямое недоверие

политике соглашения с буржуазией—демонстрация прошла под революционными лозунгами нашей партии.

Сомнения невозможны: сказка о «заговоре» большевиков разоблачена в конец. Партия, пользующаяся доверием огромного большинства рабочих и солдат столицы, не нуждается в заговорах. Только нечистая совесть или политическая безграмотность могли продиктовать «творцам высшей политики» «идею» о большевистском «заговоре».

*«Правда» № 86,
20 июля (5 июля) 1917 г.,
за подписью К. Сталина.*

ПОБЕДА КАДЕТОВ.

Министерская чехарда, повидимому, еще не окончена. Торг кадетов с Керенским все еще продолжается. «Комбинации» идут за «комбинациями».

Кадеты, конечно, войдут в министерство, ибо все делается по их указке. Возможно, что Чернов останется. Церетели, повидимому, «не хотят» больше. Церетели «нужен был» для разоружения рабочих. С разоружением рабочих его роль кончена. «Мавр сделал свое дело, Мавр может уходить». Его заменит Авксентьев.

Но дело тут, конечно, не в лицах. Чернов, Церетели или кто-либо третий в том же роде — не все ли равно? Кому неизвестно, что эти горе-циммервальдисты не хуже Гендерсонов и Тома служили делу империализма?

Повторяю, дело тут не в лицах.

Дело в том, что во всей этой суতোлке, в погоне за портфелями и прочее, в основе которой лежит борьба за власть, — верх взяла линия кадетов, линия контр-революции во внутренней политике, линия «войны до конца» — во внешней.

Вопрос ведь стоял так:

Либо продолжение войны, и тогда полная зависимость от денежного рынка Англии и Америки, господство кадетов, обуздание революции, ибо ни кадеты, ни «союзный» капитал не могут сочувствовать русской революции.

Либо передача власти в руки революционного класса. разрыв финансовых пут союзного капитала, связывающих

Россию по рукам и ногам, объявление условий мира, упорядочение расстроенного народного хозяйства за счет барышей помещиков и капиталистов.

Третьего нет, и меньшевики с эсерами, искавшие третий путь, неизбежно должны были провалиться.

Калеты в этом отношении оказались трезвее.

Необходим «решительный разрыв власти с пагубными тенденциями циммервальдизма и «утопического» социализма», — пишет «Речь».

Иначе говоря: война без оговорок, война до конца.

«Надо сделать окончательный вывод», говорит Некрасов на известном совещании: либо возьмите власть себе (обращается он к Совету), либо дайте другим возможность взять эту власть.

Иначе говоря: либо революция, либо контр-революция.

Меньшевики и эсеры отказались от революционного пути, значит они неизбежно должны были подпасть под власть кадетов, под власть контр-революции.

Ибо кадеты — это обеспеченный внутренний заем.

Ибо кадеты — это дружба с союзным капиталом, то-есть обеспеченный внешний заем.

А деньги так нужны в виду разрухи в тылу и особенно на фронте...

В этом вся суть «кризиса».

В этом весь смысл победы кадетов.

Надолго ли хватит этой победы, это покажет ближайшее будущее.

*«Рабочий и Солдат» № 2,
11 (24) июля 1917 г.,
переводя, без подписи.*

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ, КО ВСЕМ РАБОЧИМ И СОЛДАТАМ ПЕТРОГРАДА.

Т о в а р и щ и !

Тяжелые дни переживает Россия.

Трехлетняя война, поглотившая неисчислимы жертвы, довела страну до истощения.

Расстройство транспорта и продовольственная разруха грозят массовым голодом.

Промышленная разруха и приостановка заводов расшатывают самые основы народного хозяйства.

А война все идет, обостряя общий кризис, доводя страну до полного развала.

Временное Правительство, призванное «спасти» страну, оказалось неспособным выполнить свою задачу. Более того, — оно еще больше запутало дело, начав наступление на фронте и затянув тем самым войну, главную причину общего кризиса в стране.

В результате — состояние полной неустойчивости власти, кризис и развал власти, о котором все кричат, но против которого не предпринимают никаких серьезных мер.

Уход кадетов из правительства лишний раз вскрыл всю искусственность и нежизнеспособность коалиционного министерства.

А отступление наших войск на фронте, после известного их наступления, обнаружив всю пагубность политики наступления, довело кризис до крайних пределов, уронив престиж власти и лишив ее кредита у буржуазии, как «отечественной», так и «союзной».

Создалось критическое положение.

Перед «спасителями» революции открывались два пути.

Либо продолжение войны и дальнейшее «наступление», и тогда — неизбежная передача власти контр-революционной буржуазии для того, чтобы добыть деньги путем внутреннего и внешнего займов, ибо, в противном случае, буржуазия не вошла бы в правительство, внутренний заем не состоялся бы, Англия и Америка отказали бы в кредите, при чем «спасти» страну в таком случае значит покрыть расходы войны за счет рабочих и крестьян в угоду русским и «союзным» акулам империализма.

Либо — переход власти в руки рабочих и неимущих крестьян, объявление демократических условий мира и прекращение войны для того, чтобы, двинув дальше революцию, передать землю крестьянам, поставить рабочий контроль в промышленности и привести в порядок разва-

ливающееся народное хозяйство за счет барышей капиталистов и помещиков.

Первый путь ведет к усилению власти имущих классов над трудящимися и к превращению России в колонию Англии, Америки, Франции.

Второй путь открывает эру рабочей революции в Европе, разрывает опутывающие Россию финансовые нити, расширяет самые основы буржуазного господства и очищает дорогу для действительного освобождения России.

Демонстрация 3—4 июля была призывом рабочих и солдатских масс, обращенным к социалистическим партиям, — стать на второй путь, на путь дальнейшего развития революции.

В этом ее политический смысл и величайшее историческое значение.

Но Временное Правительство и министерские партии эсеров-меньшевиков, черпающие свою силу не в революционных действиях рабочих и крестьян, а в соглашательских комбинациях с кадетской буржуазией, — предпочли первый путь — путь приспособления к контр-революции.

Вместо того, чтобы протянуть руку демонстрантам и, взяв власть, вместе с ними повести борьбу с «союзной» и «отечественной» империалистской буржуазией за действительное спасение революции, — они заключили союз с контр-революционной буржуазией и обратили свое оружие против демонстрантов, против рабочих и солдат, натравив на них юнкеров и казаков.

Тем самым они предали революцию, широко открыв двери контр-революции.

И поднялась со дна жизни черная муть, залившая грязью все честное, благородное.

Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул громил и контр-разведчиков, ложь и грязная клевета, все это с молчаливого согласия эсеров и меньшевиков. — таковы первые шаги контр-революции.

Союзно-русские империалисты с партией кадетов, высший командный состав с юнкерами, казаками и контрразведчиками, — вот они, силы контр-революции.

Под диктовку этих групп составляются списки членов Временного Правительства, при чем министры появляются и исчезают, как марионетки.

По указке этих групп происходит выдача большевиков и Чернова, чистка полков и судовых команд, расстрелы и расформирования на фронте, превращение Временного Правительства в игрушку в руках Керенского, превращение Центрального Исполнительного Комитета в простой придаток этой игрушки, постыдный отказ «революционной демократии» от своих прав и обязанностей, восстановление в своих правах упраздненной недавно царской Думы.

Дело доходит до того, что на «историческом совещании» в Мариинском дворце (21 июля) недвусмысленно сговариваются (заговор!) насчет дальнейшего обуздания революции, при чем, боясь обличений со стороны большевиков, не приглашают их на это совещание.

А впереди проект «московского совещания», где они собираются похоронить в конец кровью добытую свободу...

Все это при участии меньшевиков и эсеров, трусливо сдающих позицию за позицией, униженно бичующих себя и свои же организации, преступно попирающих завоевания революции...

Никогда еще «представители» демократии не вели себя так недостойно, как теперь, в эти исторические дни!

Никогда еще не доходили они до такого позорного падения, как теперь!

Можно ли удивляться после всего этого, что контр-революция обнаглела, обливая грязью все честное и революционное?

Можно ли удивляться после этого, что продажные наемники и трусливые клеветники осмеливаются открыто «обвинять» вождей нашей партии в «измене», разбойники пера из буржуазных газет нагло размазывают это «обвинение», а так называемая прокурорская власть с открытым

челом публикует так называемые материалы «по делу Ленина» и пр.?

Эти господа рассчитывают, очевидно, расстроить наши ряды, посеять между нами сомнения и растерянность, развить недоверие к нашим вождям.

Жалкие! Они не знают, что никогда еще не были так дороги и близки рабочему классу имена наших вождей, как теперь, когда обнаглевшая буржуазная сволочь обливает их грязью!

Продажные! Они и не догадываются, что чем грубее клеветают буржуазные наймиты, тем сильнее любовь рабочих к вождям, тем безграничнее их доверие к ним, ибо они знают по опыту, что когда враги поносят вождей пролетариата, это — верный признак того, что вожди честно несут свою службу пролетариату.

Позорное клеймо бесчестных клеветников — вот вам наш подарок, г.г. Алексинские и Бурцевы, Переверзевы и Добронравовы. Примите это клеймо от имени избравших нас 32.000 организованных рабочих Петрограда и носите его до гроба. Вы его заслужили.

А вы, г.г. капиталисты и помещики, банкиры и спекулянты, попы и контр-разведчики, все вы, кующие цепи народов, — слишком рано торжествуете вы победу, слишком рано принялись вы хоронить Великую Русскую Революцию.

Революция живет, и она еще даст о себе знать, г.г. могильщики.

Война и разруха идет, и не дикими репрессиями излечить наносимые ими раны.

Подземные силы революции живут, ведя свою неустанную работу по революционизированию страны.

Крестьяне не получили еще землю. Они будут бороться, ибо они не могут жить без земли.

Рабочие не добились еще своего контроля на заводах и фабриках. Они будут биться, ибо промышленная разруха угрожает им безработицей.

Солдат и матросов хотят отбросить назад, к старой дисциплине. Они будут бороться за свободу, ибо они заслужили свободу.

Нет, господа контр-революционеры, революция не умерла, она только притаилась для того, чтобы, собрав новых сторонников, с новой силой ринуться на врагов.

«Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил!»

А там, на Западе, в Англии и Германии, во Франции и Австрии, — разве там уже не взвивается знамя рабочей революции, разве там уже не организуются Советы Рабочих и Солдатских Депутатов!

Будут еще битвы!

Будут еще победы!

Все дело в том, чтобы достойно и организованно встретить грядущие битвы.

Рабочие! На вас выпала почетная роль вождей русской революции. Сплачивайте массы вокруг себя и собирайте их под знамя нашей партии. Помните, что в тяжелые минуты июльских дней, когда враги народа стреляли в революцию, партия большевиков была единственная, которая не покинула рабочих кварталов. Помните, что в те тяжелые дни меньшевики и эсеры были в лагере тех, которые громили и разоружали рабочих.

Под наше знамя, товарищи!

Крестьяне! Ваши вожди не оправдали ваших надежд. Они поплелись за контр-революцией, а вы остаетесь без земли, ибо пока господствует контр-революция, вам не получить помещичьих земель. Рабочие — вот ваши единственные верные союзники. Только в союзе с ними добьетесь земли и воли. Сплачивайтесь же вокруг рабочих!

Солдаты! Силы революции в союзе народа и солдат. Министры приходят и уходят, а народ остается. Будьте же всегда с народом и боритесь в его рядах!

Долой контр-революцию!

Да здравствует революция!

Да здравствует социализм и братство народов!

«Рабочий и Солдат» № 2,
11 (24) июля 1917 г.,

за подписью:

Общеродская Петроградская Коммуна
Федерация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии
Большевиков.

ДВЕ КОНФЕРЕНЦИИ.

Две конференции. Обе общегородские, петроградские. Одна меньшевистская. Другая большевистская.

Первая представляет всего 8 тысяч рабочих.

Вторая — 32 тысячи.

На первой царят хаос и разложение, ибо она вот-вот расколется на две части.

На второй — единство и сплоченность.

Первая черпает свои силы в соглашениях с кадетской буржуазией. И именно на этой почве раскололась она, ибо есть еще среди меньшевиков люди, не потерявшие чести, не желающие тащиться в хвосте у буржуазии.

Вторая, наоборот, черпает свои силы не в комбинациях с буржуазией, а в революционной борьбе рабочих против капиталистов и помещиков.

Первая видит «спасение страны» в искоренении большевизма и в предательстве революции.

Вторая — в сметении контр-революции с ее «социалистическими» привесками.

Говорят, что большевизм ликвидирован и похоронен.

Слишком рано хоронят нас гг. могильщики. Мы еще живы, и буржуазия не раз встрепенется и задрожит от звуков нашего голоса.

32 тысячи сплоченных большевиков, стоящих за революцию, и 8 тысяч разрозненных меньшевиков, в большинстве своем изменивших революции, —

Выбирайте, товарищи рабочие!

«Рабочий и Солдат» № 2,

11 (24) июля 1917 г.,

без подписи.

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Министерская чехарда окончилась. Сформировано новое правительство. Кадеты, кадетствующие, эсеры, меньшевики — таков состав правительства.

Партия кадетов удовлетворена. Основные требования кадетов приняты. Эти требования положены в основу деятельности нового правительства.

Кадеты добивались усиления правительства за счет Советов, независимости правительства от Советов. Советы, руководимые «дурными пастырями» из эсеров и меньшевиков, пошли на эту уступку, подписав себе смертный приговор.

Временное Правительство как единственная власть — вот чего добились кадеты.

Кадеты требовали «оздоровления армии», то-есть «железной дисциплины» в армии, подчинения армии только непосредственным начальникам, в свою очередь подчиненным только правительству. Советы, руководимые эсерами и меньшевиками, пошли и на эту уступку, разоружив себя в интересах... «спасения страны».

Советы, остающиеся без армии, армия, подчиненная только правительству, — вот чего добились кадеты.

Кадеты требовали безусловного единства с союзниками. Советы «решительно» стали на этот путь в интересах... «обороны страны», забыв свои «интернационалистские» декларации. При чем так называемая программа 8/VII повисла в воздухе.

Война «без пощады», «война до конца» — вот чего добились кадеты.

Послушайте самих кадетов:

«Требования кадетов несомненно легли в основу деятельности всего правительства... Именно поэтому, раз основные требования к.-д. были приняты, партия уже не сочла возможным продолжать спор из-за специфически-партийных разногласий». Ибо кадеты знают, что при нынешних условиях «для демократических элементов пресловутой программы 8 июля останется очень мало времени и возможности» (см. «Речь»).

Кажется, ясно.

Было время, когда Советы творили новую жизнь, вводя революционные преобразования и вынуждая Временное Правительство закреплять эти преобразования в декретах и указах.

Это было в марте — апреле.

Тогда Временное Правительство шло на поводу у Советов, прикрывая своей революционной формой революционные мероприятия Советов.

Теперь наступило время, когда Временное Правительство повернуло вспять, вводя контр-революционные «преобразования», при чем Советы оказываются «вынужденными» молчаливо подтверждать их в своих водянистых резолюциях.

Теперь Ц.И.К., этот представитель всех Советов, идет на поводу у Временного Правительства, прикрывая контр-революционное лицо последнего революционной фразеологией.

Роли, очевидно, переменялись, и переменялись они не в пользу Советов.

Да, кадеты имеют основание быть «удовлетворенными».

Надолго ли, это покажет нам ближайшее будущее.

«Рабочий и Солдат № 3,

13 (26) июля 1917 г.,

передовая, без подписи.

РЕЧИ НА ЭКСТРЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Р.С.-Д.Р.П. (б.)

16 — 17 (29 — 30) ИЮЛЯ 1917 Г.

I.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦК.

Нашу партию, в особенности Центральный Комитет нашей партии, обвиняют в том, что она не только вызвала, но и организовала выступление 3 — 4 июля с целью вынудить Центральный Исполнительный Комитет взять власть в свои руки, а если не хотят взять власть — захватить ее самим. Обвинение оформлено только в той части, что мы являемся моральными подстрекателями выступления.

Прежде всего я должен опровергнуть эти обвинения. 3 июля два представителя Пулеметного полка ворвались на заседание конференции и заявили о выступлении 1 Пулеметного полка. Вы помните, как мы заявили делегатам, что члены партии не могут идти против постановления своей партии, и как рассердились представители полка

и заявили, что они лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка. Центральный Комитет считал выступление при настоящем положении невыгодным, так как было ясно, что затеянное наступление на фронте есть авантюра, что солдаты, не зная, за какие цели их ведут, в наступление не пойдут. Мы хотели, чтобы ответственность за срыв наступления пала не на нас, а на истинных виновников этой авантюры. Но выступление началось. Пулеметчики разослали по заводам делегатов. Часам к шести мы стояли перед фактом выступления. Часов в пять на заседании Центрального Исполнительного Комитета я официально, от имени Центрального Комитета и конференции, заявил, что мы решили не выступать. Обвинять нас после этого в организации выступления есть ложь, достойная наглых клеветников.

Выступление разыгралось. Имела ли партия право умыть руки в выступлении пролетариата и солдат и уйти в сторону? Мы учитывали возможность еще более серьезных результатов выступления, чем они есть налицо. Умыть руки мы не имели права; как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти. Напомню вам аналогичные случаи из истории нашего рабочего движения. 9-го января, когда Гапон вел массы, партия не отказалась идти с массой, хотя знала, что идут чорт знает куда. Теперь, когда движение шло не под лозунгами Гапона, а под нашими лозунгами, мы тем более не могли уйти от движения. Мы должны были вмешаться, как регулятор, как партия сдерживающая, чтобы охранить движение от возможных ужасов расправы. Меньшевики и эсеры претендуют на руководство рабочим движением, но они ушли от рабочих в этом их выступлении. Их нападки на нас изобличают в них полное непонимание обязанностей партии рабочего класса. По отношению к последнему выступлению рабочих они рассуждают, как люди, порвавшие с рабочим классом.

Ночью Центральный Комитет, Петербургский Комитет, Военная Организация решили вмешаться в это стихийное

движение солдат и рабочих. Большевики и эсеры, видя, что за нами идут 400.000 солдат и рабочих, что почва у них из-под ног ускользает, объявили наше выступление выступлением против Советов. Я утверждаю, что в день 4 июля вечером, когда нас объявили изменниками революции, меньшевики и эсеры предали революцию, заключили союз с контр-революцией. Нанося удары нам, они нанесли удары революции.

5-го июля объявили военное положение, организовали штаб, и все передали военной клике. Мы, борясь за полновластие Советов, попали, таким образом, в положение вооруженного противника Советов. Создалась картина, при которой войска большевиков могли оказаться против войск Совета. Нам принимать бой при таком положении было бы безумием. Мы говорили руководителям Советов: кадеты ушли, блокируйтесь с рабочими, пусть власть будет ответственна перед Советами. Но они сделали вероломный шаг, они выставили против нас казаков, юнкеров и громили и некоторые полки, обманув их, что мы идем против Советов. Само собой разумеется, мы не могли принять при таких условиях боя, на который толкали нас меньшевики и эсеры, и решили отступить.

5-го июля состоялись переговоры с Центральным Исполнительным Комитетом в лице Либера. Либер поставил условие: мы, т.-е. большевики, снимаем, броневые автомобили от дворца Кшесинской, матросы уезжают в Кронштадт. Мы согласились на том условии, что Совет охраняет наши партийные организации от возможного разгрома. Либер от имени Центрального Исполнительного Комитета, уверил, что наши условия будут исполнены, что дворец Кшесинской будет в нашем распоряжении до тех пор, пока нам не будет предоставлено постоянное помещение. Мы выполнили свои обещания. Броневые автомобили были сняты, кронштадтцы согласились уехать обратно, но только с оружием в руках. Центральный же Исполнительный Комитет ни одного своего обязательства не выполнил. 6-го июля Кузьмин по телефону к Кшесинской передал требование, чтобы через $\frac{3}{4}$ часа дворец Кшесинской и Петропавлов-

ская крепость были очищены, в противном случае Кузьмин грозил двинуть вооруженные силы. Центральный Комитет решил всеми силами избегать кровопролития. Центральный Комитет делегировал меня в Петропавловскую крепость, где удалось уговорить присутствующих матросов не принимать боя, так как положение повернулось таким образом, что мы стоим не против контр-революции, а против Советов. В качестве представителя Центрального Исполнительного Комитета я еду с Богдановым к Кузьмину. У него все готово к бою: артиллерия, кавалерия, пехота. Мы уговариваем его не применять вооруженной силы. Кузьмин недоволен, что «штатские своим вмешательством всегда ему мешают», и неохотно соглашается подчиниться настоянию Центрального Исполнительного Комитета. Для меня очевидно, что военные эсеры хотели крови, чтобы дать «урок» рабочим, солдатам и матросам. Мы помешали им выполнить свое желание.

Контр-революция пошла в наступление: разгром «Правды» и «Труда», избиения и убийства наших товарищей, закрытие наших газет и т. п. Во главе контр-революции стоит Центральный Комитет кадетской партии, за ним Штаб и лица командного состава армии, — та буржуазия, которая хочет вести войну, наживаясь на ней. День за днем, час за часом контр-революция укреплялась. Каждый раз после нашего обращения в Центральный Исполнительный Комитет за разъяснениями мы убеждались, что он не в силах предотвратить эксцессы, что власть не в руках Центрального Исполнительного Комитета, а в руках клики, задающей тон контр-революции. Министры летят, как куклы, Центральный Исполнительный Комитет хотят подменить чрезвычайным совещанием в Москве, на котором 280 членов Центрального Исполнительного Комитета потонут, как мухи в молоке. Центральный Исполнительный Комитет, напуганный большевиками и контр-революцией, заключает постыдный союз с контр-революцией, удовлетворяя ее требования: выдача большевиков, арест Балтийской делегации, разоружение революционных солдат и рабочих. Устраивается все это очень просто: посредством

провокационных выстрелов они создают повод и приступают к разоружению. Так было с сестрорецкими рабочими, не принимавшими участия в выступлении.

Первый признак всякой контр-революции — разоружение рабочих и солдат. У нас эту черную контр-революцию проделали руками Церетели и др. «министров-социалистов» из Центрального Исполнительного Комитета. В этом вся опасность для нас. «Правительство Спасения Революции» «укрепляет» революцию посредством удушения революции.

Наша задача — собрать силы, укрепить существующие организации и удерживать массу от преждевременного выступления. Контр-революции выгодно вызвать нас сейчас на бой, но мы не должны поддаваться сейчас на провокацию, мы должны проявить максимум революционной выдержки. Это общая тактическая линия Центрального Комитета.

По вопросу о травле наших вождей, будто бы они работают на немецкие деньги, Центральный Комитет партии держится следующей позиции. Во всех буржуазных странах против революционных вождей пролетариата выдвигались обвинения в измене. У Германии — Либкнехт, у России — Ленин. Центральный Комитет не удивляется тому, что русский буржуа прибегает к испытанному способу борьбы с «неудобными элементами». Необходимо, чтобы рабочие сказали открыто, что считают своих вождей чистыми, солидаризируются с ними и считают себя участниками их дела. Сами рабочие обращались к Петербургскому Комитету за проектом протеста против травли. Петербургский Комитет выработал такой проект, который будет покрыт подписями рабочих. Наши противники, меньшевики и эсеры, забыли, что события вызываются не отдельными лицами, а подземными силами, и этим стали на точку зрения охранки.

Вы знаете, что «Правда» закрыта с 6-го июля, типография «Труд» опечатана, при чем контр-разведка отвечает, что, по всей вероятности, она будет открыта, когда закончится следствие. За время бездействия придется выдать около 30.000 руб. наборщикам и служащим «Правды»

и типографии. Говорить после этого об единстве с социал-тюремщиками преступно. Надо выставить другой лозунг: единство с левым их крылом — с интернационалистами, которые сохранили еще дозу революционной части, которые готовы бороться с контр-революцией.

II.

ДОКЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ.

Характерной чертой текущего момента является кризис власти. Вокруг этого вопроса группируются другие второстепенные вопросы. Кризис власти определяется ее неустойчивостью: наступил момент, когда приказы власти вызывают либо смех, либо равнодушие, и никто не хочет их исполнять. Недоверие к власти проникает в глубь населения. Власть колеблется.

Мы переживаем третий кризис власти: первый — кризис царской власти, которой не стало, второй — кризис первого Временного Правительства, результатом которого был уход Милюкова и Гучкова, третий — кризис коалиционного правительства, когда неустойчивость власти достигла своей наивысшей степени. Министры-социалисты вручают портфели Керенскому, а буржуазия выражает ему недоверие. Составился кабинет, который на другой же день оказался в том же неустойчивом положении.

Как марксисты, мы должны подойти к кризису власти не только с формальной точки зрения, но прежде всего с точки зрения классовой. Кризис власти — это бешеная, открытая борьба классов за власть. В результате первого кризиса власть помещичья уступила место власти крупной буржуазии, поддержанной Советами, «представляющими» интересы пролетариата и мелкой буржуазии. В результате второго кризиса произошло соглашение между крупной и мелкой буржуазией в лице коалиционного министерства. Как во время первого, так и во время второго кризиса власти были революционные выступления рабочих (27 февраля и 20 — 21 апреля). Второй кризис разрешился в «пользу» Советов, путем вступления в буржуазное министерство «социалистов» от Совета. При третьем кризисе солдаты

и рабочие открыто поставили вопрос о взятии власти низами — мелко-буржуазной и пролетарской демократией, с устранением из правительства всех крупно-буржуазных элементов.

Чем вызван этот третий кризис?

Сейчас всю вину сваливают на большевиков. Выступление 3-го и 4-го июля послужило моментом обострения кризиса. Еще К. Маркс говорил, что каждый шаг революции вперед вызывает ответный шаг контр-революции. Считая выступление 3-го и 4-го июля революционным шагом, большевики принимают на себя честь, приписываемую им ренегатами-социалистами. Но этот кризис власти разрешился не в пользу рабочих. Кто в этом виноват? Если бы меньшевики и эсеры поддержали нас, контр-революция была бы побеждена, но они стали нас бить, и кризис протекает в условиях неблагоприятных не только для нас, но и для них. Значит, первым фактором обострения кризиса власти было выступление 3-го и 4-го июля.

Вторым фактором явился уход кадетов из министерства. Кадеты учуяли, что дело клонится не к лучшему, что экономический кризис разрастается, денег мало, и решили улизнуть. Их уход был продолжением бойкота Коновалова. Вскрыв неустойчивость правительства, кадеты первые выстрелили в него, чтобы передать власть в руки крупной буржуазии.

Третий фактор, вскрывший и обостривший кризис власти, было наше поражение на фронте. Вопрос войны является сейчас основным вопросом, вокруг которого вертятся все другие вопросы внутренней и внешней жизни страны. И по этому основному вопросу правительство провалилось. С самого начала было ясно, что наступление является авантюрой. Ходят слухи, что мы сдали сотни тысяч в плен, что солдаты беспорядочно бегут. Приписывать «разруху» на фронте исключительно агитации большевиков, слишком большая для нас честь. Ни одна партия не в силах этого сделать. Чем объяснить, что наша партия, насчитывающая до 200.000 членов, могла «разложить» армию, а Центральный Исполнительный Комитет, объединяющий

20 миллионов, не мог удержать армию под своим влиянием. Дело в том, что солдаты не хотят воевать, не зная, за что они воюют, что они устали, что они обеспокоены вопросом о распределении земли и т. п. Рассчитывать, что при таких условиях можно вести солдат на войну, значит рассчитывать на чудо. Центральный Исполнительный Комитет имел возможность вести среди армии гораздо более сильную агитацию, чем мы, и вел ее, и тем не менее великая стихия борьбы против войны взяла свое. В этом виноваты не мы, виновата революция, давшая право каждому гражданину добиться ответа на вопрос: из-за чего идет война? Этот третий фактор сыграл самую решительную роль в обострении кризиса.

Таким образом, три фактора вызвали кризис власти: 1) недовольство рабочих и солдат правительством, для которых политика правительства была слишком правой; 2) недовольство правительством крупной буржуазии, считающей политику правительства слишком левой, и 3) неудачи на фронте.

Это наружные силы, вызвавшие кризис власти.

А основой всему, подземной силой кризиса явились продовольственный кризис и экономическая разруха страны, связанные с войной. Только на этой почве выросли эти три фактора, поколебавшие власть коалиционного министерства.

Если кризис есть борьба классов за власть, то, как марксисты, мы должны поставить вопрос: какой же класс поднимается сейчас к власти? К власти поднимается рабочий класс. Ясно, что класс буржуазии не допустит его к власти без боя. Мелкая буржуазия, составляющая большинство населения в России, колеблется, объединяясь то с нами, то с кадетами, и этим бросает на чашку весов последнюю гирию. В этом классовое содержание переживаемого нами кризиса власти.

Кто же оказывается побежденным и чья берет в данном кризисе? Очевидно, что в данном случае власть берет крупная буржуазия в лице кадетов. На одно мгновение, когда кадеты ушли из министерства, власть оказалась

в руках Центрального Исполнительного Комитета, но он от власти отказался, поручив членам правительства составить кабинет. Сейчас Центральный Исполнительный Комитет оказался привеском к власти, в министерстве идет чехарда, остался один Керенский. Кто-то диктует свою волю, которую должны исполнять и министры и Центральный Исполнительный Комитет. Очевидно, это воля организованной буржуазии, кадетов прежде всего. Она диктует свои условия: она требует, чтобы у власти были «деловые люди», а не фракционные представители, чтобы аграрная программа Чернова была снята, чтобы декларация правительства 8-го июля была изменена, чтобы из всех органов власти были изъяты большевики. Центральный Исполнительный Комитет отступает перед буржуазией и соглашается на ее условия.

Как могло случиться, что еще вчера бегущая буржуазия отдает сегодня приказы Центральному Исполнительному Комитету? Дело в том, что после поражения на фронте кредит власти пал в глазах заграничных банкиров. По некоторым данным, заслуживающим внимания, тут видна рука Бьюкенена и банкиров, которые отказывают правительству в кредите, если оно не откажется от своих «социалистических» поползновений. Если буржуазия так воспрянула духом, то ее сила в том, что у власти нет денег.

Вторая причина заключается в том, что она лучше, чем мы, организована. Когда меньшевики и эсеры объединились с буржуазией и стали бить нас, тогда контр-революция поняла, что фронт революции разорван. Организованная в военные и финансово-империалистические клики, во главе с Центральным Комитетом кадетской партии, контр-революция предъявила революции целый ряд требований. Большевики и эсеры, дрожавшие за свою власть, исполнили эти требования контр-революции.

Вот тот фон, на котором разыгралась победа контр-революции над наиболее решительными элементами революции.

Для меня ясно, что в данный момент контр-революция победила нас потому, что мы изолированы, преданы меньшевиками и эсрами, оболганы. Но что настанет момент,

благоприятный для нас, когда мы сможем дать буржуазии бой.

Одно ядро контр-революции — партия организованной буржуазии — кадеты, прикрывающиеся Советами. Его исполнительный орган — штаб, во главе с видными генералами, держащими все нити командного состава. Второе ядро — империалистически-финансовая клика, связанная с Англией и Францией и держащая все нити кредита. Не случайно, что Ефремов — член междупарламентской комиссии, держащий в своих руках кредит и судьбы всей страны, — прошел в министерство.

Перечисленные факты создали победу контр-революции над революцией.

Каковы же перспективы? Пока война идет, — а она будет идти, — и дезорганизует народное хозяйство; пока промышленная разруха не разрешена, — а она не будет разрешена, ибо репрессиями против солдат и рабочих ее не разрешишь, а героических мер правящие классы предпринять не могут; пока крестьяне не получают землю, — а они ее не получают, потому что даже Чернов с своей умеренной программой оказался неподходящим членом правительства, пока все это есть, — неизбежны будут кризисы, массы не раз будут выходить на улицу, будут происходить решительные бои.

Мирный период развития революции кончился. Настал новый период, период острых конфликтов, стычек, столкновений. Жизнь будет бурлить, кризис будет чередоваться кризисом. Солдаты и рабочие молчать не будут: даже против закрытия «Окопной Правды» 20 полков заявили свой протест. Тем, что втолкнули в правительство новых министров, еще не разрешили кризиса. Рабочий класс не обескровлен. Рабочий класс оказался благоразумнее, чем о нем думали противники: когда он понял, что Советы изменили, он не дал боя 4-го и 5-го июля. Аграрная же революция еще только развивается. Предстоящие битвы мы должны встретить достойно и организованно.

Основными нашими задачами должны быть следующие:

1) призыв рабочих, солдат и крестьян к выдержке, стойкости и организованности;

2) возобновление, укрепление и расширение наших организаций;

3) не игнорировать никакими легальными возможностями, ибо никакая контр-революция не может нас загнать в подполье.

Полоса необузданных разгромов прошла, наступает полоса «законных» преследований, и мы должны захватывать и использовать всякую легальную возможность.

В связи с тем, что мы остались изолированными в борьбе потому, что большинство Совета нам изменило, заключив союз с контр-революцией против нас, встает вопрос, как мы должны относиться к Советам и их большинству, меньшевикам и эсерам. На заседании Центрального Исполнительного Комитета Мартов бросил обвинение Гоцу и Дану, что они несут решения, уже принятые на собрании черносотенцев и кадетов. Процесс преследования большевиков показал, что они остались без союзников. Весть об аресте наших вождей и закрытии наших газет была встречена громом аплодисментов. Говорить после этого об единстве с меньшевиками и эсерами, значит протягивать руку контр-революции.

Я говорю это потому, что кое-где на заводах пытаются наладить союз меньшевиков и эсеров с большевиками. Это замаскированная форма разгрома большевиков, потому что союзом с оборонцами вы погубите революцию. Есть среди меньшевиков и эсеров элементы, которые готовы бороться с контр-революцией (у эсеров — камковцы, у меньшевиков — мартовцы) и с ними мы всегда готовы объединиться.

5-го июля, когда Центральный Комитет нашей партии призывал ликвидировать демонстрацию, я на заседании Центрального Исполнительного Комитета сказал: контр-революция идет, она душит нас, но следующая очередь за вами, за эсерами и меньшевиками, дайте нам руку для борьбы с контр-революцией. Когда это предложение мы внесли на пленум, нас осмеяли: какое может быть единство с людьми, «запятнавшими себя кровью и шпионажем». 6-го и 7-го июля окончательно выяснилось, что меньшевики и эсеры против нас, в союзе с контр-революцией.

Теперь мы должны самым решительным образом отвергнуть план единения с союзниками контр-революции, у которых руки в крови рабочих и солдат. Тем меньшевикам и эсерам, которые хотят бороться с контр-революцией, мы должны помогать оторваться от оборонцев, изменников революции. Я предлагаю объединение левого фланга революции.

ОТВЕТЫ НА ПОДАННЫЕ ЗАПИСКИ.

1) Записка т. Масловского — «При будущих конфликтах, а возможно и вооруженных выступлениях, в какой мере будет содействовать наша партия этому и выступит ли она во главе вооруженного протеста?»

Ответ Сталина: «Надо предполагать, что выступления будут вооруженные и надо быть готовыми ко всему. Будущие конфликты будут более острые и партия умыть руки в них не должна. Т. Салн от имени латышского района обвинял партию, что она не взяла на себя руководство движением, но это не так, потому что партия как раз поставила себе целью перевести движение на мирные рельсы. Нас можно упрекать, что мы не стремились взять власть. Взять власть 3 и 4 июля мы могли, мы могли обязать Центральный Исполнительный Комитет санкционировать нашу власть. Но вопрос в том, могли ли мы удержать эту власть? На нас поднялись бы фронт, провинция, Советы. Власть, не опирающаяся на провинцию, оказалась бы без рук и без ног. Взятием власти при таких условиях мы бы оскандалились».

2) Записка тов. Иванова — «Каково наше отношение к лозунгу: «власть Советам»? Не пора ли сказать: «диктатура пролетариата?»

Ответ Сталина: «Когда кризис власти разрешается, то это значит, что известный класс стал у власти, в данном случае буржуазия. Можем ли мы остаться при старом лозунге: «вся власть Советам»? Само собой нет. Передавать власть Совету, который на деле молчаливо идет рука об руку с буржуазией, значит работать на своего врага. Если мы будем победителями, мы можем передать власть только

рабочему классу, поддержанному беднейшими слоями деревни. Мы должны выдвинуть другую, наиболее целесообразную форму организации Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. Форма власти остается старой, но классовое содержание этого лозунга мы изменяем, мы говорим языком классовой борьбы: вся власть в руки рабочих и беднейших крестьян, которые проведут революционную политику».

3) Записка от неизвестного — «Как нам нужно будет держаться, если Ц. И. К. С. Р. и С. Д. заявит о подчинении меньшинства большинству? Уйдем ли мы тогда, или нет?»

Ответ Сталина: «Такое постановление уже имеется. У фракции было совещание, на котором выработан ответ в том духе, что мы, как члены Совета, подчиняемся всем решениям Центрального Исполнительного Комитета и против них не выступаем, но, как члены партии, мы можем выступать самостоятельно, полагая, что существование Совета не отменяет самостоятельного существования партий. Завтра нам ответ будет объявлен на заседании Центрального Исполнительного Комитета.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Для составления резолюции по вопросу об отношении к постановлению Центрального Исполнительного Комитета о большевиках была избрана комиссия, в которой был и я, и которая выработала резолюцию, буквально гласившую: мы, как члены Совета, подчиняемся большинству, но как члены партии можем выступать самостоятельно и против постановлений Совета.

Т. Прохоров под диктатурой пролетариата понял диктатуру нашей партии, мы же говорим о диктатуре класса, ведущего за собой беднейшие слои крестьянства, т.е. не кристаллизованных еще пролетариев.

Неточность в речах ораторов: что мы переживаем, реакцию или контр-революцию. Во время революций реакций не бывает. Когда у власти сменяются классы, это не реакция, а революция или контр-революция.

Что касается четвертого фактора, вызвавшего кризис власти, о котором упоминал тов. Харитонов, фактора международного, то только война и связанные с войной вопросы внешней политики имели отношение к кризису нашей власти. В своем докладе я отводил войне, как фактору, вызвавшему кризис власти, главное значение.

Что касается мелкой буржуазии, то она не представляет уже из себя нечто целое, в ней идет быстрое расслоение (Совет Крестьянск. Петроградск. гарнизона, идущий вразрез с Исполнительным Комитетом Крестьянского Съезда). В деревне происходит борьба, и параллельно существующим организациям крестьянства создаются новые, самочинные. На поддержку этих, поднимающихся кверху беднейших слоев крестьянства, мы и рассчитываем. По своему экономическому положению только они могут идти за нами. Те слои, которые посадили в Исполнительный Комитет Крестьянского Съезда таких людей, жаждущих крови пролетариата, как Авксентьев, за нами не пойдут и к нам не колебнутся. Я наблюдал, как эти люди аплодировали, когда Церетели объявил об аресте тов. Ленина.

Товарищи, говорящие о том, что диктатура пролетариата невозможна потому, что пролетариат составляет меньшинство населения, понимают силу большинства механически. Ведь и Советы представляют собой только 20 миллионов организованных ими элементов, но благодаря своей организованности ведут за собой все население. За организованной силой, могущей порвать пути экономической разрухи, пойдет все население.

Т. Володарский толкует резолюцию, принятую совещанием, иначе, чем я, но какова его точка зрения, я уяснить не могу.

Товарищи спрашивают, можем ли мы изменить наш лозунг? Наш лозунг о власти Советов был рассчитан на мирный период развития революции, который мы изжили. Не надо забывать того факта, что теперь одним из условий перехода власти является победа над контр-революцией. Когда мы выдвигали наш лозунг о Советах, власть фактически была в руках Совета. Путем давления на Советы мы

могли влиять на перемену в правительстве. Теперь власть в руках Временного Правительства. Рассчитывать на мирное давление на Советы мы не можем. Как марксисты, мы должны сказать: дело не в учреждениях, а в том, политику какого класса проводит это учреждение. Мы, безусловно, за те Советы, где наше большинство. И такие Советы мы постараемся создать. Передавать же власть Советам, заключающим союз с контр-революцией, мы не можем.

Обобщая все мною вышесказанное, повторяю: мирный путь революции кончился, так как движение вступило на путь социалистической революции. Мелкая буржуазия, кроме беднейших слоев крестьянства, контр-революционна. Поэтому лозунг: «вся власть Советам» для данного момента устарел.

*«Красная Летопись»
№ 7 — 1923 г.,
сообщение Б. Елова.
«После июльских событий».*

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ ШТУРМУЕТ, ОБОРОНЦЫ ХОРОНЯТ РЕВОЛЮЦИЮ.

Диктатура шествует. Безответственные «раздумье» и «со-
весть» коалиционных «социалистов» молчат.

Ц. И. К. и оборонцы жалобно, бессильно и бессвязно лепечут «патриотические» фразы и трусливые советы.

Вчера оборонцы отказались и от жалкого «контроля» над правительством, который у них был, — и свели «Советы» к роли никчемных штемпелей контр-революции.

Вчера они согласились на безответственную диктатуру, вызвав громкое ликование всей контр-революционной своры с «Речью» во главе.

Вчера Ц. И. К., эсеры и меньшевики отказались от контроля над армией, отдав ее во власть бесконтрольных главнокомандующих, во власть смертной казни и тюремной безгласности, на услужение буржуазно-помещичьей контр-революции.

Вчера Ц. И. К. и оборонцы отказались всенародно и на весь мир от какой бы то ни было борьбы за мир и объа-

вили войну священным делом революции, предав революцию на услужение союзно-русскому империализму.

И это прикрыли программой 8 июля, над которой посмеялся Керенский, ни словом не упомянув о ее требованиях, над которой надругались кадеты, назвав ее «ни к чему не обязывающей фразеологией».

Это было вчера.

Но этого мало.

Диктатура шествует.

Контр-революция требует, и оборонцы, позорно и трусливо предавая революцию, бегут... в Москву.

Учредительное Собрание отложено. Срок не указан, но намечен не ранее декабря.

Московское совещание «принципиально» решено на 25 августа.

Министр Чернов заявляет о том, что переход земли к народу безвозмездно не «исключает и государственного» возмездия за отчуждаемые помещичьи земли.

На последнем заседании Временного Правительства постановлено: «на время войны предоставить министру военному и внутренних дел право не допускать и закрывать всякие собрания и съезды, которые могут представлять опасность для государственной безопасности!»

Итак, сегодня по требованию контр-революции Учредительное Собрание отложено, Московское совещание назначено, отменена свобода собраний.

Вот так осуществляется программа 8 июля!

Так нещадно свистит и бьет коалиционная диктатура.

И оборонцы, как стадо, с жалобным блеянием бегут на заклятие в свой позорный Версаль, в Москву.

И это называется у них «спасением революции!»

Несчастливая революция!

Жалкие «спасители!»

ЧЕГО ХОТЯТ КАПИТАЛИСТЫ?

На-днях открылся в Москве второй всероссийский съезд торговцев и промышленников. Съезд открылся программной речью лидера националистов, миллионера Рябушинского.

О чем говорил Рябушинский?

Какова программа капиталистов?

Это необходимо знать рабочим, особенно теперь, когда капиталисты командуют властью, а меньшевики и эсеры заигрывают с ними, как с «живыми силами».

Ибо капиталисты — заклятые враги рабочих, а чтобы победить врагов, надо их знать прежде всего.

И так, чего хотят капиталисты?

* * *

В чьих руках власть? Капиталисты не пустые болтуны. Они люди дела. Они знают, что коренной вопрос революции и контр-революции — это вопрос о власти. Немудрено поэтому, что свою речь Рябушинский начинает с этого основного вопроса.

«Наше Временное Правительство, — говорит он — которое представляло собой какую-то видимость власти, было под давлением посторонних людей. У нас фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. Советские лже-вожди народа направили его на путь гибели, и вот все русское царство стало перед зияющей бездной» («Речь»).

Что «у нас фактически воцарилась шайка политических шарлатанов», это, конечно, верно. Но не менее верно и то, что «шарлатанов» этих надо искать не среди «советских вождей», а среди самих же Рябушинских, среди тех друзей Рябушинского, которые вышли 2 июля из Временного Правительства, неделями торговались из-за министерских портфелей, шантажировали эсеро-меньшевистских простаков угрозой оставить правительство без кредита и, наконец, добились своей цели, заставив их плясать под свою дудку.

Ибо они, эти «шарлатаны», а не «советские вожди» продиктовали правительству аресты и разгромы, расстрелы и смертную казнь.

Ибо они, эти «шарлатаны», «дают» на правительство, превращая его в ширму, защищающую их от народного гнева.

Ибо они, эти «шарлатаны», а не «советские» безвластные «вожди», «воцарились теперь фактически» в России.

Но дело тут, конечно, не в этом. Дело лишь в том, что Советы, перед которыми вчера еще пресмыкались капиталисты и которые теперь разбиты, сохранили еще крупицу власти, и теперь капиталисты хотят отобрать у Советов и эти последние крохи, чтобы тем основательнее укрепить свою собственную власть.

Вот о чем говорит, прежде всего, г. Рябушинский.

Вы хотите знать, чего хотят капиталисты?

Вся власть капиталистам — вот чего хотят они.

* * *

Кто губит Россию? Рябушинский говорит не только о настоящем. Он не прочь «бросить взгляд и на предшествующие месяцы». И что же? «Подводя итоги», он видит, между прочим, что «мы пришли в какой-то тупик, из которого не можем выбраться... продовольственный вопрос испортился окончательно, экономическая и финансовая жизнь России пришла в расстройство и пр.».

Виноваты в этом, оказывается, те же «товарищи» из Советов, те «расточители», на которых нужно «наложить опеку».

«Стонет русская земля от их товарищеских объятий, пока народ их не понимает, но как скоро поймет, он скажет: «обманщики народа!»

Что Россия загнана в тупик, что она переживает глубокий кризис, что она на краю гибели, — это, конечно, верно.

Но не странно ли, что:

1) В России до войны был избыток хлеба, при чем мы вывозили его ежегодно на 500 — 600 миллионов рублей,

а теперь, во время войны, у нас не хватает хлеба, мы принуждены голодать.

2) В России до войны государственная задолженность равнялась 9 миллиардам, при чем для оплаты процентов требовалось всего 400 миллионов рублей, между тем как за три года войны задолженность доходит до 60 миллиардов, требуя на одни лишь проценты ежегодно 3 миллиарда.

Не ясно ли, что Россия загнана в тупик войной и только войной?

Но кто толкал Россию на путь войны, кто толкает ее теперь на путь продолжения войны, как не те же Рябушинские и Коноваловы, Милюковы и Винаверы?

«Расточителей» в России много и они губят Россию, — в этом не может быть сомнения. Но их надо искать не среди «товарищей», а среди тех же Рябушинских и Коноваловых, капиталистов и банкиров, наживающих миллионы на военных поставках и государственных займах.

И если русский народ поймет их когда-нибудь, он круто расправится с ними, — в этом они могут быть уверены.

Но дело тут, конечно, не в этом. Дело в том, что капиталисты жаждут прибыльной для них «войны до конца», но боятся отвечать за ее последствия, поэтому они стараются взвалить вину на «товарищей», чтобы тем легче было затопить революцию в волнах войны.

Вот к чему клонит речь г. Рябушинский.

Вы хотите знать, чего хотят капиталисты?

Война до полной победы над революцией — вот чего хотят они.

* *
*

Кто предает Россию? Обрисовав критическое положение России, Рябушинский дает и «выход из положения». Но послушайте, что это за «выход»:

«Государство не дало населению ни хлеба, ни угля, ни мануфактуры... может быть, для выхода из положения потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лже-друзей народа, демократические Советы и комитеты».

Вы слышите: «потребуется костлявая рука голода, народная нищета»...

Господа Рябушинские, оказывается, не прочь наградить Россию «голодом» и нищетой для того, чтобы «схватить за горло» «демократические Советы и комитеты».

Они не прочь, оказывается, закрыть заводы и фабрики, создать безработицу и голод для того, чтобы вызвать преждевременный бой и успешнее расправиться с рабочими и крестьянами.

Вот они, «живые силы» страны по аттестации «Рабочей Газеты» и «Дела Народа».

Вот где настоящие предатели и изменники России.

В России много говорят теперь о предательстве. Бывшие жандармы и настоящие контр-разведчики, бездарные наймиты и развратные сутенеры — теперь все пишут о предательстве, кивая в сторону «демократических Советов и комитетов». Пусть знают рабочие, что лживые речи о предателях лишь прикрывают действительных предателей многострадальной России!

Вы хотите знать, чего хотят капиталисты?

Торжества интересов своего кошелька, хотя бы ценой гибели России — вот чего хотят они.

*«Рабочий и Солдат» № 13,
24 июля (6 августа) 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ПРОТИВ МОСКОВСКОГО СОВЕЩАНИЯ.

Развитие контр-революции вступает в новую полосу. От разгромов и разрушений она переходит к закреплению занятых позиций. От разгула и бесчинств — к «законному руслу» «конституционного строительства».

Можно и нужно победить революцию, говорят контр-революционеры. Но этого мало. Нужно еще получить на это одобрение. При чем нужно устроить так, чтобы одобрение дал сам «народ», «нация», и не в Питере только или на фронте, но во всей России. Тогда победа будет

прочной. Тогда добытые завоевания могут послужить почвой для будущих новых побед контр-революции.

Но как это устроить?

Можно было бы устроить созыв Учредительного Собрания, единственного представителя всего русского народа, и испросить у него одобрения политики войны и разорения, разгромов и арестов, избиений и расстрелов.

Но на это буржуазия не пойдет. Она знает, что от Учредительного Собрания, где большинство составят крестьяне, они не добьются ни признания, ни одобрения политики контр-революции.

Поэтому она добивается (добилась уже!) отсрочки Учредительного Собрания. Она, вероятно, будет и дальше отсрочивать его с тем, чтобы добиться, наконец, его полного срыва.

Но где же «выход»?

«Выход» — в подмене Учредительного Собрания «Московским совещанием».

«Выход» в том, чтобы подменить волю народа волей буржуазно-помещичьих верхов, заменив Учредительное Собрание «Московским совещанием».

Созвать совещание из купцов и промышленников, помещиков и банкиров, членов царской Думы и прирученных уже меньшевиков и эсеров с тем, чтобы, объявив это совещание «общенациональным собором», добиться от него одобрения политики империализма и контр-революции, переложения тягот войны на плечи рабочих и крестьян, — вот где «выход» для контр-революции.

Контр-революции нужен свой парламент, свой центр, и она его создает.

Контр-революции нужно доверие «общественного мнения», и она его создает.

В этом вся суть.

В этом отношении контр-революция идет тем же путем, что и революция. Она учится у революции.

У революции был свой парламент, свой действительный центр, и она чувствовала себя организованной.

Теперь контр-революция старается создать свой парламент, и она создает его в самом сердце России, в Москве, руками — ирония судьбы! — эсеров и меньшевиков.

И это в то время, когда парламент революции низведен до положения простого придатка буржуазно-империалистской контр-революции, когда Советам и комитетам рабочих, крестьян и солдат объявлена смертельная война!

Нетрудно понять, что при таких условиях совещание, созываемое в Москве на 12 августа, неминуемо превратится в орган заговора контр-революции против рабочих, которым угрожают локаутами и безработицей, — против крестьян, которым «не дают» земли, — против солдат, которых лишают свободы, добытой в дни революции, в орган заговора, прикрываемого «социалистическими фразами» эсеров и меньшевиков, поддерживающих это совещание.

Поэтому задача передовых рабочих:

1) Сорвать с совещания маску народного представительства, выставив на свет его контр-революционную, противонародную сущность.

2) Разоблачать меньшевиков и эсеров, прикрывающих это совещание флагом «спасения революции» и вводящих народы России в обман.

3) Организовать массовые митинги протеста против этой контр-революционной махинации «спасателей»... барышей помещиков и капиталистов.

Пусть знают враги революции, что рабочие не поддадутся обману, что они не выпустят из рук боевое знамя революции.

*«Рабочий и Солдат» № 14,
26 июля (8 августа) 1917 г.,
передовая, без подписи.*

РЕЧИ НА VI СЪЕЗДЕ Р.С.-Д.Р.П. (большевиков)

26 ИЮЛЯ (8 АВГУСТА) — 3 (16) АВГУСТА 1917 Г.

I.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦК:

Прежде чем перейти к докладу о политической деятельности ЦК за последние 2¹/₂ месяца, я считаю нужным отметить основной факт, определивший деятельность ЦК. Я имею в виду факт развития нашей революции, ставящей вопрос о вмешательстве в область экономических отношений в форме контроля над производством, о передаче земли в руки крестьянства, о передаче власти из рук буржуазии в руки С.Р. и С.Д. Все это определяет глубокий характер нашей революции. Она стала принимать характер социалистической рабочей революции. Под давлением этого факта буржуазия стала организовываться и поджидать удобного момента для выступления. Таким моментом она считала момент отступления на нашем фронте или, вернее, момент отступления в случае, если Германии удастся на нас наступать.

Деятельность ЦК в мае месяце протекала в трех направлениях.

Во-первых, дан был лозунг перевыборов в С. Р. и С. Деп. ЦК исходил из того, что у нас революция развивается мирным путем. Противники приписывали нам попытку к захвату власти. Это клевета на нас, — у нас не было таких намерений. Мы говорили, что у нас открыта возможность путем перевыборов Советов согласовать характер деятельности Советов с наступлением широких масс. Нам было ясно, что достаточно перевеса в один голос в С. Р. и С. Д., и власть должна будет пойти иным путем. Поэтому вся работа в мае месяце шла под флагом перевыборов. В конце концов мы завоевали около половины мест в рабочей фракции и около ¹/₄ — в солдатской.

Другая сторона — агитация против войны. Мы воспользовались вынесением смертного приговора над тов. Фр. Адлером и организовали ряд митингов протеста против

смертной казни и против войны. Сразу переменялось к нам отношение солдат, понявших, что мы — не «враги» России.

Третья сторона деятельности ЦК — муниципальные выборы в мае месяце. ЦК совместно с ПК приложил все силы, чтобы дать бой как кадетам, основной силе контрреволюции, так и меньшевикам и эсерам, вольно или невольно пошедшим за кадетами. Из 800.000 голосовавших в Петрограде мы получили около 20% всех голосов, при чем выборгскую районную думу завоевали целиком. Особенную услугу партии оказали товарищи солдаты и матросы.

Итак, май месяц прошел под знаком: 1) муниципальных выборов, 2) агитации против войны и 3) перевыборов в С. Р. и С. Д.

Июнь месяц. Слухи о подготовке наступления на фронте нервировали солдат. В связи с этим появился целый ряд приказов, сводивших на-нет права солдат. Все это электризовало массы. Каждый слух моментально облетал весь Питер и вызывал волнение среди рабочих и особенно солдат. Слухи о наступлении; приказы Керенского с знаменитой декларацией прав солдата; разгрузка Петрограда от «ненужных» элементов, как говорили власти, при чем было ясно, что хотят освободить Петроград от «беспкойных» элементов; разруха, принимавшая все более ясные очертания, — все это электризовало и нервировало рабочее население, на заводах устраивались собрания, и нам то и дело различные полки и заводы предлагали организовать выступление. 5 июня предполагалось выступление-демонстрация, но ЦК постановил пока выступления не предпринимать, а созвать 7-го собрание из представителей районов, фабрик, заводов и полков и на нем решить вопрос о выступлении. Такое собрание было созвано, — присутствовало около 2.000 человек. Выяснилось, что особенно волнуются солдаты. Рабочие не рвутся к выступлению. Громадное большинство голосов решило выступить. Ставится вопрос о том, что делать, если Съезд Советов выскажется против выступления, можно ли в таком случае

быть уверенным в успехе, не преувеличиваем ли мы наших сил. Громальное большинство высказывавшихся товарищей полагало, что никакая сила не остановит выступления. После этого ЦК решил взять на себя организацию мирной демонстрации. На вопрос, поставленный солдатами, нельзя ли выйти вооруженными, ЦК постановил: с оружием не выходить. Солдаты однако говорили, что выступать невооруженными невозможно, что оружие — единственная реальная гарантия против эксцессов со стороны публики, что они возьмут оружие только для самообороны.

9-го июня ЦК, ПК и Военная Организация устраивают совместное заседание. ЦК ставит вопрос: в виду того, что Съезд Советов и все «социалистические» партии выступают определенно против нашей демонстрации, поставить вопрос об отложении выступления. Все отвечают отрицательно.

В 12 ч. ночи 9-го июня Съезд Советов выпускает воззвание, в котором все свои моральные силы и весь авторитет Съезда Советов направляет против нас. ЦК постановляет — демонстрацию отложить в виду того, что большинство Съезда против демонстрации, и, кроме того, самим Съездом назначается демонстрация на 18-е июня, где массам удастся вывить свою волю. Рабочие и солдаты встречают с затаенным недовольством такое постановление ЦК, но они выполняют его. Характерно, товарищи, что в этот день, 10-го июня, утром, когда целый ряд ораторов от Съезда выступал на заводах для «ликвидации попытки устроить демонстрацию», громадное большинство соглашалось выслушивать ораторов только нашей фракции. ЦК удалось успокоить солдат и рабочих, и тем были продемонстрированы наши сила и влияние.

Съезд Советов, назначая демонстрацию на 18-е июня, вместе с тем объявил, что демонстрация состоится под флагом свободы лозунгов. Ясно, что Съезд решил дать бой нашей партии. Мы приняли вызов и стали готовить все силы к предстоящей демонстрации. Товарищи знают, как прошла демонстрация 18-го июня. Даже буржуазные газеты говорили, что громадное большинство шло под лозунгами, выдвинутыми большевиками. Основной лозунг—

«Вся власть Советам!» Демонстрировало не менее 400.000. Только три маленькие группы — Бунд, казаки и плехановцы — решились выставить лозунг: «Доверие Временному Правительству», да и те закаялись, потому что их заставили свернуть свои знамена. Съезд Советов воочию убедился, что сила и влияние нашей партии велики. У всех сложилось убеждение, что демонстрация 18-го июня, более внушительная, чем демонстрация 21/IV, не пройдет даром. И действительно, она не должна была пройти даром. «Речь» говорила, что, по всей вероятности, произойдут серьезные перемены в составе правительства, ибо политика Советов не одобряется массами. Но как раз в этот день началось наступление на фронте, удачное наступление, и в связи с этим начались манифестации «черных» на Невском. Моральная победа большевиков была сведена к нулю. Свели к нулю и те возможные практические результаты, о которых говорили и «Речь» и официальные представители правящих партий эсеров и меньшевиков.

Временное Правительство осталось у власти. Факт наступления, частичные успехи Временного Правительства, целый ряд проектов о выводе войск из Петрограда произвели должное действие на солдат. На этих фактах они убедились, что империализм пассивный превращается в империализм активный. Они поняли, что пошла полоса новых жертв. Фронт по-своему реагировал на политику активного империализма. Целый ряд полков, несмотря на запрещения, открыл ряд голосований о том, наступать или нет. Высшее командование не поняло, что при новых условиях России и при том, что цели войны не ясны, невозможно вслепую бросать массы в наступление. Вышло то, что мы предугадывали: наступление было обречено на провал.

Конец июня и начало июля проходят под флагом политики наступления. Идут слухи о восстановлении смертной казни, о расформировании целого ряда полков, о целом ряде избиений на фронте. Делегаты с фронта приезжают с докладами об арестах, избиениях в их рядах. Об этом же сообщают из гренадерского и пулеметного полков. Все это подготовило почву для нового выступления.

Я перехожу к самому интересному для вас, к событиям 3—5 июля. Это было 3-го июля, в 3 часа пополудни. В особняке Кшесинской, на происходившей в это время общегородской конференции, обсуждался муниципальный вопрос. Неожиданно влетают двое делегатов от пулеметного полка с внеочередным заявлением: «Наш полк хотят раскассировать, над нами издеваются, мы дальше ждать не можем и решили выступать, для чего уже разослали своих делегатов по заводам и полкам». Представитель общегородской конференции Володарский заявляет, что партия решила не выступать. Для ЦК было ясно, что и буржуазия и черносотенцы хотели бы вызвать нас на выступление, чтобы иметь возможность свалить на нас ответственность за авантюру наступления. У нас было решено переждать момент наступления на фронте, дать наступлению окончательно провалить себя в глазах масс, не поддаваться на провокацию и, пока идет наступление, ни в коем случае не выступать, выждать и дать Временному Правительству исчерпать себя. Т. Володарский ответил делегатам, что у партии имеется решение не выступать, и члены партии их полка должны подчиниться этому решению. Представители полка с протестом ушли.

В 4 часа созывается собрание ЦК в Таврическом дворце. ЦК решил воздержаться от выступления. На заседании бюро Ц. И. К. я, по поручению ЦК заявил, что наша партия решила не выступать. Я им передал все факты, сообщил о том, что делегаты пулеметного полка послали своих делегатов по заводам и фабрикам. Я предложил бюро принять все меры к тому, чтобы выступление не состоялось. Это было по нашему требованию запротоколировано. Господа эсеры и меньшевики, которые нас теперь обвиняют в подготовке выступления, забывают об этом. В 5 час. общегородская конференция постановляет не выступать. Все члены конференции расходятся по районам и заводам, чтобы удержать массы от выступления. В 7 часов вечера к особняку Кшесинской подходят 2 полка с знаменами с лозунгами: «Вся власть Советам». Выступают два товарища: Лашевич и Кураев. Оба убеждают солдат не

выступать и вернуться в казармы. Их встречают гиком: «долой!», чего еще никогда не бывало. В это время показывается демонстрация рабочих под лозунгом: «Вся власть Советам». Для всех становится ясно, что удержать выступление невозможно. Тогда частное совещание членов ПК высказывается за то, чтобы вмешаться в демонстрацию, предложить солдатам и рабочим действовать организованно, идти мирно к Таврическому дворцу, избрать делегатов и заявить через них о своих требованиях. Это решение встречается солдатами громом аплодисментов и марсельезой. Часам к 10-ти во дворце Кшесинской собираются члены ЦК и общегородской конференции, представители полков и заводов. Признается необходимым перерешить вопрос, вмешаться и овладеть уже начавшимся движением. Было бы преступлением со стороны партии умыть руки в этот момент. С этим решением ЦК переходит в Таврический дворец, потому что туда направляются солдаты и рабочие. В это время происходит заседание рабочей части Совета. Выступает Зиновьев и ставит вопрос об уже начавшемся движении. Под давлением этого обстоятельства рабочая секция решает вмешаться в движение и придать ему организованный характер, так как масса, не имея никаких руководящих указаний, легко может быть спровоцирована. По этому вопросу секция раскалывается: меньшинство— $\frac{1}{3}$ —покидает заседание, большинство— $\frac{2}{3}$ —остаётся, выбирает временный комитет из 15 человек, которому и поручает действовать. Часов в 11 ночи агитаторы и делегаты то и дело возвращаются из районов. Ставится на обсуждение вопрос о назначении демонстрации на 4-е июля. Предложение не устраивать демонстрации громадным большинством отвергается, как явно утопическое. Для всех ясно, что выступление все равно будет, и ЦК с ПК назначают на 4-е июля мирную демонстрацию. Данная днем 3-го июля заметка в «Правду» о решении не выступать вырезывается, поместить другую заметку оказалось невозможным, и 4-го «Правда» выходит с белым листом на первой странице. Выпускается листок, содержание которого, вероятно, всем известно. По всему видно, что предполагался не захват

власти, не разгон Советов. Было бы неразумным, нелогичным обвинять нас в том, что мы, желавшие передать всю власть Советам, стремились с оружием в руках захватить власть в свои руки против Советов. Характерно, что сами представители так называемой революционной демократии признают, что наша партия не думала устроить восстание. Это прямо заявил официальный представитель Исп. Ком. Войтинский. (*Читает выдержку из газеты „Изв. С. Р. и С. Ден.“ от 4-го июля*). Об этом же говорится в воззвании к солдатам и рабочим от Всероссийского Съезда. Между прочим, о Ленине. Он отсутствовал: уехал 29-го июня и приехал в Петроград только 4-го июля утром, после того как решение о вмешательстве в движение было уже принято. Наше решение Ленин одобрил. Выступило не менее 500.000. Слухи о том, что демонстранты хотели арестовать министров, избивали их и проч., неправильны. Ни одной попытки захватить хоть одно учреждение не было, если не считать выходок хулиганских групп и уголовных. 4-го июля, когда демонстрация мирно шла, на углу Невского пр. и Садовой началась стрельба по демонстрантам.

Целый ряд делегаций заявляет в своих речах о том, что единственный выход из создавшегося положения — взять Советам власть в свои руки. Центр. Исп. Комитет на это отвечает отказом. В результате часть солдат уходит, считая свое дело оконченным, другая часть остается.

Поворотным моментом является опубликование документов об «измене Ленина». Выяснилось, что «материал» в ставке имелся давно. После этого стало ясно, что публикацией документов хотели вызвать ярость солдат против большевиков. Конечно, тут был явный расчет на психологию солдат, на которых больше всего должно было повлиять известие о том, что Ленин — германский шпион. Министр Церетели звонил по телефону и просил газеты не печатать непроверенных сообщений, но «Живое Слово» все-таки эти «документы» опубликовало.

Второй факт — слухи с фронта о том, что начался прорыв нашего фронта, о чем знают только лидеры Совета Р. и С. Д. Этот факт произвел на лидеров ошеломляющее

впечатление. В связи с этим круто изменилось к нам отношение меньшевиков и эсеров. Люди, говорившие с нами, как товарищи, вдруг призвали против нас и для охраны Таврического дворца войска, объявив нас изменниками революции. Наступил крутой поворот в событиях, несмотря на наше решение прекратить к завтрашнему дню демонстрацию.

6-го июля. Никаких демонстраций. По улице дефилируют новые войска, вызванные с фронта. Из окрестностей Петрограда вызваны юнкера. На улице кишат агенты контрразведки, проверяют паспорта и арестовывают кого попало. В ночь с 5-го на 6-е меньшевики и эсеры решаются объявить диктатуру и разоружить рабочих и солдат. Вдохновителем, оказывается, явился Церетели. Он еще 10-го июня хотел это сделать, но тогда его предложение было отклонено по предложению Мартова, по заявлению которого оружием может править всякий дурак. 6-го июля наши т.т. Каменев и Зиновьев ведут переговоры с Либером об ограждении членов партии и партийных организаций от хулиганских нападений, о восстановлении редакции «Правды» и т. д. Переговоры кончились договором, по которому броневики от особняка Кшесинской снимаются, мосты сводятся, оставшиеся матросы возвращаются в Кронштадт, те части солдат, которые оставались в Петропавловской крепости, беспрепятственно уходят, а у дворца Кшесинской ставится охрана. Но договор не был выполнен, так как за спиной Центр. Исп. К-та, объявившего диктатуру, начала действовать военная клика. Это стало ясным для всех. От командующего петроградским округом Кузьмина было получено предложение немедленно очистить дворец Кшесинской. Я отправился в Ц.И.К. с предложением уладить дело без кровопролития. На мой вопрос: чего вы хотите? стрелять в нас? мы не восстаем против Советов... Богданов мне ответил, что они хотят предотвратить кровопролитие. Направились в штаб. Военные встретили нас недружелюбно. Говорили, что приказ был уже отдан. У меня получилось впечатление, что эти господа во что бы то ни стало хотят устроить кровопускание.

Вот та роль, которую наша партия сыграла в эти дни.

Партия не хотела выступления, партия хотела переждать, когда политика наступления на фронте будет дискредитирована. Тем не менее выступление стихийное, вызванное разрухой в стране, приказами Керенского, отправлением частей на фронт, — состоялось, и партия, не желая занимать положение прохожего, сочла своим долгом вмешаться в движение.

Что это за массовая партия, которая проходит мимо движения масс! Наша партия всегда шла с массой. Церетели и др., обвиняющие нас в том, что мы вмешались в движение, тем самым подписывают себе смертный приговор. Говорят о кровопролитии, но кровопролитие было бы более ужасным, если бы партия не вмешалась в выступление. Она сыграла роль регулятора.

Вот все, что я хотел сказать о политической деятельности ЦК.

Наша партия была единственной партией, оставшейся с массами в их борьбе с контр-революцией, и мы сделали все, чтобы выйти с честью из создавшегося положения. *(Аплодисменты.)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Никто из товарищей не критиковал политической линии ЦК, никто из ораторов самых лозунгов не опротестовывал. ЦК выставил три основных лозунга: вся власть Советам, контроль над производством и конфискация помещичьей земли. Эти лозунги снискали себе симпатии среди рабочих масс и солдат. Эти лозунги оказались верными, и мы, борясь на этой почве, не потеряли масс. Это я считаю основным фактом, говорящим в пользу ЦК. Если ЦК в самые трудные моменты дает верные лозунги, значит, в основном он прав.

Критика касалась не основного, а второстепенного. Она сводилась к указаниям на то, что ЦК не связался с провинцией, и деятельность его проявлялась главным образом в Петрограде. Упрек в оторванности от провинции не лишен основания. Но не было никакой возможности охва-

тить все выступления. Упрек, что ЦК фактически превратился в ПК, справедлив отчасти. Это так. Но здесь, в Петрограде, куется политика России. Здесь таран революции. Провинция реагирует на то, что делается в Петрограде. Это объясняется тем, что здесь Временное Правительство, которое сосредоточивает в своих руках всю власть. Здесь Ц.И.К., как голос всей организованной революционной демократии. (В Советах организовано около 23 миллионов.)

С другой стороны, события бегут, идет глухая борьба, нет никакой уверенности, что существующая власть завтра же не слетит. При таких условиях ждать, когда наши друзья из провинции присоединятся к нам, было немыслимо. Известно, что Ц.И.К. решает вопросы революции, не спрашивая провинции. У них в руках весь правительственный аппарат. А у нас? Единственный таран — революционный рабочий и солдат. И требовать от ЦК, чтобы он не предпринимал никаких шагов, предварительно не опросив провинции, значит требовать, чтобы ЦК шел не впереди, а позади событий, и только констатировал в своих резолюциях уже совершившиеся факты. Но это был бы не ЦК. Только при том методе, которого мы придерживались, мы могли продержаться на высоте положения.

Были упреки частного характера. Товарищи говорили о неудаче восстания 3 — 5 июля. Да, товарищи, это была неудача, но это было не восстание, а демонстрация. Прорыв на фронте и изменническое поведение напуганных поражением мелко-буржуазных партий, партий эсеров и меньшевиков, повернувшихся спиной к революции, объясняют неудачу революции, а не неудачу нашей партии. Тов. Безработный говорил, что ЦК не постарался наводнить Петроград и провинцию листовками с разъяснениями событий 3 — 5 июля. Но наша типография была разгромлена, и не было никакой физической возможности отпечатать что-либо в других типографиях, так как это грозило типографиям разгромом.

Дело, все же, обстояло здесь не так плохо: если в одних кварталах нас арестовывали, то в других нас встречали

с приветом и с необыкновенным подъемом. И сейчас настроение питерских рабочих превосходное, престиж большевиков велик.

Я хотел бы поставить ряд вопросов. Во-первых, как мы должны отнестись к клевете. В связи с событиями последнего времени необходимо составить манифест ко всему населению с выяснением всех событий, для чего следует избрать комиссию. И этой же комиссии, если вы ее изберете, я предлагаю издать воззвание к революционным рабочим и солдатам Германии, Англии, Франции и т. д. с информацией о событиях 3—5 июля. Мы — самая передовая часть пролетариата, мы несем ответственность за всю революцию. Мы должны сказать правду о событиях. Во-вторых — об уклонении товарищей Ленина и Зиновьева от явки к властям. В данный момент все еще неясно, в чьих руках власть. Нет гарантии, что, если их арестуют, они не будут подвергнуты грубому насилию. Другое дело, если суд будет демократически организован, и будет дана гарантия, что их не растерзают. На вопрос об этом нам отвечали в Ц. И. К.: «Мы не знаем, что может случиться». Пока положение еще не выяснилось, пока еще идет глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться к властям. Если же во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, они явятся.

II.

ДОКЛАД О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ.

Вопрос о современном моменте есть вопрос о судьбах нашей революции, о силах,двигающих революцию, и силах, подкапывающихся под нее.

С чего пошла революция? С коалиции 4-х сил: пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии и союзного капитала. Почему шел на революцию пролетариат? Потому, что он — смертельный враг царизма. Почему шло крестьянство? Оно доверяло пролетариату и оно жаждало земли. Почему шла либеральная буржуазия? Потому что она

в ходе войны разочаровалась в царизме. Она думала, что царизм даст ей возможность завоевать новые земли. Не надеясь на увеличение емкости внутреннего рынка, она избрала путь наименьшего сопротивления: путь расширения внешнего рынка. Но она ошиблась: царизм и его войска не смогли даже оградить границы и отдали противнику 15 губерний. Отсюда — измена либеральной буржуазии царизму. А союзный капитал? Он смотрел на Россию, как на подсобное предприятие для своих империалистических целей. Между тем царизм, первые 2 года подававший надежды на сохранение единства фронта, стал склоняться к сепаратному миру. Отсюда — измена союзного капитала царизму.

Царизм оказался изолированным и тихо и спокойно помер.

Эти 4 силы февральской революции, шедшие вместе, имели разные цели. Либеральная буржуазия и союзный капитал хотели маленькой революции для большой войны. Но масса рабочих и крестьян шла не для этого на революцию. У них были другие цели: 1) покончить с войной и 2) побороть помещиков и буржуазию.

Вот основы противоречия революции.

Кризис 20 — 21 апреля был первым проявлением этих противоречий. Милюков делает попытку империализм пассивный превратить в империализм активный. В результате массового движения получилось коалиционное правительство. Принцип коалиции, как показал опыт, самое лучшее средство в руках буржуазии для того, чтобы одурманить массы и вести их дальше за собою. С момента образования коалиционного правительства началась мобилизация контр-революции сверху и снизу. Между тем, война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер. Революция врывается в сферу производства — ставится вопрос о контроле. Революция врывается в сельскохозяйственную сферу — ставится вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации инвентаря, живого и мертвого. Поскольку большевики являлись глашатаями

пролетарской революции, они верно определили ее характер. Те, которые предлагали ограничиться закреплением революционных завоеваний, были не революционерами. Путь соглашения, избранный меньшевиками и эсерами, был обречен на бессилие. Не было никакой силы, не было никакой возможности остановить революцию на полпути. Таким образом тот факт, что у нас революция развивалась и шла вперед, этот факт толкал нас на путь необходимости перешагнуть через революцию буржуазную к революции социалистической.

Некоторые товарищи говорили, что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства. Но эти вопросы о вмешательстве в хозяйственную сферу ставятся во всех государствах, как необходимые вопросы. В Германии этот вопрос поставлен и обошелся без прямого и активного участия масс. Другое дело у нас в России. У нас разруха приняла более грозные размеры. С другой стороны, такой свободы, как у нас, нигде не бывало в условиях войны. Затем, громадная организованность рабочих: у нас, например, в Питере 66% организованных металлистов. Наконец, нигде у пролетариата не было таких широких организаций, как Советы Р. и С. Д. Все это исключало возможность невмешательства рабочих масс в хозяйственную жизнь. В этом реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас в России. Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ставится практически вопрос о социалистической революции. И поэтому товарищи, возражающие против этого пункта, неправы.

Поскольку революция шагнула так далеко вперед, она не могла не возбудить бдительности контр-революционеров, она должна была родить контр-революцию. Это — первый фактор мобилизации контр-революции.

Второй фактор — авантюра, начатая политикой наступления на фронте, и целый ряд прорывов фронта, лишивших

власть всякого престижа и окрыливших контр-революцию, которая повела атаку на эту власть. Ходят слухи, что у нас началась полоса провокации в широком масштабе. Делегаты с фронта считают, что и наступление и отступление, словом, все, что произошло на фронте, подготовлено для того, чтобы обесчестить революцию и свалить «революционное» министерство. Я не знаю, верны они или нет, но замечательно, что 2 июля из правительства ушли кадеты, 3-го начинаются июльские события, а 4-го получаются известия о прорыве фронта. Говорить, что кадеты вышли из-за решения по вопросу об Украине, нельзя: кадеты заявляли о необходимости разрешить украинский вопрос. Есть и второй факт, говорящий за то, что действительно началась полоса провокации: я говорю о перестрелке на Украине. В связи с этими фактами товарищам должно быть ясно, что прорыв фронта был одним из фактов, долженствовавших провалить идею революции в глазах широких мелко-буржуазных масс.

Есть еще третий фактор, усиливший контр-революционные силы в России: это союзный капитал. Если союзный капитал, видя, что царизм идет на сепаратный мир, изменил правительству Николая, то ему никто не мешает порвать с нынешним правительством, если оно окажется неспособным сохранить «единый» фронт. Милюков сказал в одном из заседаний, что Россия расценивается на международном рынке, как поставщик людей, и получает за это деньги. И если выяснилось, что новая власть, в лице Временного Правительства, неспособна поддержать единого фронта наступления на Германию, то не стоит и субсидировать такое правительство. А без денег, без кредита правительство должно было провалиться. В этом секрет того, что кадеты в эпоху кризиса возымели громадную силу. Керенский же и все министры оказались куклами в руках кадетов: В чем сила кадетов? В том, что их поддерживал союзный капитал.

Перед Россией стояло два пути:

либо прекращается война, разрываются все финансовые связи с империализмом, революция двигается дальше, рас-

шатываются основы буржуазного мира, и начинается эра рабочей революции;

либо другой путь, путь продолжения войны, продолжение наступления, подчинение всем приказаниям союзного капитала и кадетов. — и тогда полная финансовая зависимость от союзного капитала (в Таврическом дворце были определенные слухи, что Америка даст 8 миллиардов, даст средства восстановить хозяйство) и торжество контр-революции.

Третьего пути быть не может, третьего не дано.

Попытка эсеров и меньшевиков выдать выступление 3 — 4 июля, выступление рабочих, которым невтерпеж стало переносить политику капитала, за вооруженный мятеж — просто смешна. Если говорить о виновниках, то надо иметь в виду объективные условия: 1) развитие революции в социалистическую, 2) прорыв фронта, показавший мелкой буржуазии негодность коалиционного правительства, и 3) союзный капитал, не желающий субсидировать революцию. В ряду этих сил выступление рабочих — маленькая точка, которую и не заметишь. Единственным виновником выступления является то, что контр-революция обнаглела. Меньшевики и эсеры стали бить налево, в большевиков, обнажив тем самым революционный фронт и отдав себя и нас в плен контр-революционерам. 3 июля мы предлагали единство революционного фронта против контр-революции. Наш лозунг: «Вся власть Советам» и значит — создать единый революционный фронт. Но они, боясь оторваться от буржуазии, повернулись к нам спиной, что разбило революционный фронт в угоду контр-революционерам. Если говорить о виновниках контр-революции, то виновниками являются эсеры и меньшевики, предатели революции. Если спросить, в чем сила кадетов, которые, сиди в кабинетах, издавали свои директивы для Ц. И. К., где они черпали свою силу, то ответ может быть один: в союзном капитале, в том, что Россия нуждается в деньгах, нуждается во внутреннем займе, которого не дает буржуазия или обеспеченном внешнем займе, которого не дает союзный капитал, потому что ему не нравится политика

коалиционного правительства. Контр-революционная буржуазия, союзный капитал и верхи командного состава — вот три опоры контр-революции. Наше несчастье в том, что Россия — страна мелкобуржуазная, идущая за эсерами и меньшевиками, входящими в соглашение с кадетами, и до того момента, пока крестьянство не разочаруется в идее соглашения верхов с низами, мы будем страдать, а революция будет проваливаться.

Но подземные силы революции не дремлют: поскольку война продолжается, поскольку продолжается разруха, никакие репрессии, никакие казни, никакие московские совещания не спасут правительство от новых взрывов. Крестьянство не получит земли, рабочий не получит контроля над производством, солдат будет возвращен в прежнее рабство. Делегаты с фронта передают, что у солдат зреет мысль кровавой расправы, и поскольку контр-революция будет торжествовать, постольку новые взрывы и новые битвы абсолютно неизбежны. И если контр-революционерам удастся продержаться месяц-другой, то только потому, что принцип коалиции не изжит.

Что такое Временное Правительство? Это — кукла, это — жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал — три опоры контр-революции. Если бы «социалистические» министры не были в правительстве, быть может, контр-революционеры были бы уже свергнуты. Но характерная черта момента в том, что контр-революционные мероприятия проводятся руками «социалистов». Только создав такую ширму, контр-революция может еще просуществовать месяц-другой. Но поскольку развиваются силы революции, взрывы будут, и настанет момент, когда рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции на Западе. *(Читает резолюцию.)*

Я хотел бы разъяснить одно место в резолюции: до 3 июля была возможна мирная победа, мирный переход власти к Советам. Если бы Съезд Советов решил взять власть в свои руки, кадеты, я полагаю не осмелились бы

выступить открыто против Советов, ибо такое выступление было бы обречено заранее на гибель. Но теперь, после того, как контр-революция организовалась и укрепилась, говорить, что Советы могут мирным путем взять власть в свои руки — значит, говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период не-мирный, период схваток и взрывов...

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ¹⁾.

По первому пункту: «Какие формы боевой организации предлагает докладчик вместо Советов Рабочих Депутатов», я отвечаю, что постановка вопроса неправильна. Я не выступал против Советов, как формы организации рабочего класса, но лозунг определяется не формой организации революционного учреждения, а тем содержанием, которое составляет плоть и кровь данного учреждения. Если бы в состав Советов входили кадеты, мы никогда бы не выдвигали лозунга о передаче ему власти.

Теперь мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Следовательно, вопрос не в форме, а в том, какому классу передается власть. вопрос в составе Советов.

¹⁾ Председатель. Я получил внеочередное заявление, подписанное несколькими товарищами, о предоставлении слова тов. Сталину. Оглашаю это заявление: «В виду того, что вчерашние прения по докладу тов. Сталина доказали, что некоторые тезисы доклада в силу их неясной формулировки, возбуждают разноречивые толкования, мы предлагаем перед открытием прений сегодня предоставить слово тов. Сталину и, в целях сокращения прений, просить его выяснить следующие вопросы:

1) Какие формы боевой организации рабочего класса предлагает докладчик вместо Советов Рабочих Депутатов.

2) Как практически сложится наше отношение к существующим Советам Рабочих Депутатов.

3) Наше отношение к тем Советам Рабочих Депутатов, где мы сейчас находимся в большинстве.

4) Конкретнее определить понятие «беднейшее крестьянство» и определить формы его организации в связи с нашим отношением к существующим Советам Крестьянских Депутатов.

Подписались: В. Подбельский и др.»

Совет является наиболее целесообразной формой организации борьбы рабочего класса за власть, но Советы не единственный тип революционной организации. Это форма чисто русская, за границей мы видели в этой роли муниципалитеты во время Великой Французской Революции, Центральный Комитет во время Коммуны, да и у нас бродила мысль о Революционном Комитете. Быть может рабочая секция явится наиболее приспособленной формой для борьбы за власть.

Но надо ясно дать себе отчет, что не вопрос о форме явится решающим.

Действительно, решающим является вопрос, созрел ли рабочий класс для диктатуры, а все остальное приложится, создастся творчеством революции.

По второму и третьему пунктам, — как практически сложится наше отношение к существующим Советам, — ответ совершенно ясен. Поскольку речь идет о передаче всей власти Центральному Исполнительному Комитету, то этот лозунг устарел. И только об этом идет речь. Вопрос о свержении Советов выдуманный. Его никто здесь не ставил. Если мы предлагаем снять лозунг: «Вся власть Советам», откуда еще не вытекает: «Долой Советы!» И мы, снимающие этот лозунг, в то же время не выходим даже из Центрального Исполнительного Комитета, несмотря на всю жалкую роль его за последнее время.

Местные Советы могут еще сыграть роль, так как им необходимо будет обороняться от притязаний Временного Правительства, и в этой борьбе мы их поддержим. Итак, повторяю: отмена лозунга передачи власти в руки Совета не означает «долой Советы». «Наше отношение к тем Советам, где мы находимся в большинстве», — самое сочувственное. Да живут и укрепляются такие Советы. Но сила уже не в Советах. Прежде Временное Правительство издавало декрет, а Исполнительный Комитет — контр-декрет, при чем только последний приобретал силу закона. Вспомните историю с приказом № 1. Теперь же Временное Правительство не считается с Центральным Исполнительным Комитетом. Участие Совета в следственной комис-

сии о событиях 3—5 июля не было отменено Советом, но не состоялось по приказу Керенского. Вопрос теперь не в завоевании большинства в Советах, что само по себе очень важно, но в сметении контр-революции.

По пункту четвертому — о более конкретном определении понятия «беднейшее крестьянство» и указании формы его организации — я отвечаю, что термин «беднейшее крестьянство» — термин не новый. Он введен в марксистскую литературу тов. Лениным с пятого года, а с тех пор употреблялся почти в каждом номере «Правды» и нашел место в резолюциях апрельской конференции.

Беднейшие слои крестьянства — это те, которые расходятся с крестьянскими верхами. Совет Крестьянских Депутатов, «представляющий» 80 милл. крестьян (считая и женщин), является организацией крестьянских верхов. Крестьянские низы ведут ожесточенную борьбу с «советской» политикой. В то время как глава партии социалистов-революционеров Чернов, далее Авксентьев и другие предлагают крестьянам не брать земли немедленно, а ждать общего решения земельного вопроса Учредительным Собранием, крестьяне в ответ на это забирают землю, распахивают ее, забирают инвентарь и т. д. Такие известия мы имеем из Пензенской, Воронежской, Витебской, Казанской и ряда других губерний.

Одно это ясно показывает расслоение деревни на низы и верхи, показывает, что крестьянства, как единого целого, больше не существует. Верхы идут преимущественно за социал-революционерами, низы не в состоянии жить без земли и стоят в оппозиции к Временному Правительству. Это — малоземельные, однолошадные, безлошадные и т. п. К ним же примыкают слои, почти обделенные землей, полупролетарские.

Неразумно было бы не пытаться достигнуть в революционный период известного соглашения с этими слоями крестьянства, но в то же время необходимо организовать отдельно беднейшие слои крестьянства, сплотить их вокруг пролетариев.

Какая будет форма организации этих слоев — трудно предсказать. Сейчас крестьянские низы организуются или

в самочинные Советы, или стараются захватить уже существующие. Так, в Петербурге месяца 1½ назад организовался Совет из беднейших крестьян (из представителей 80 солдатских частей и от заводов), который ведет отчаянную борьбу против политики Совета Крестьянских Депутатов.

Вообще Советы являются наиболее целесообразной формой, но мы должны говорить не языком учреждений, а указывать классовое содержание, должны стремиться к тому, чтобы массы также различали форму от содержания.

Вообще говоря, вопрос о формах не является основным. Будет революционный подъем, создадутся и организационные формы. Пусть вопрос о формах не заслоняет основного вопроса: в руки какого класса должна перейти власть.

Впредь для нас немыслим блок с оборонцами. Оборонческие партии связали свою судьбу с буржуазией, и идея блока от социал-революционеров до большевиков потерпела крушение. Борьба с верхами Советов в союзе с беднейшими слоями крестьянства и сметение контр-революции — вот очередной вопрос. *(Аплодисменты.)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Товарищи, прежде всего я должен внести несколько фактических поправок.

Т. Ярославский, опровергая мое утверждение, что российский пролетариат является наиболее организованным, указывает на австрийский пролетариат; но, товарищи, я говорил о «красной» организованности, и подобной организованности нет ни в одной стране в такой мере, как у русского пролетариата.

Т. Ангарский совершенно неправ, указывая, что будто бы я провожу идею объединения всех сил. Но мы не можем не видеть, что, по различным мотивам, не только крестьянство и пролетариат, но и русская буржуазия и иностранный капитал повернулись спиной к царизму. Это факт. Нехорошо, если марксисты пасуют перед фактом.

Но потом первые две силы встали в лагерь революции, вторые — контр-революции.

Перехожу к существу. Серьезнее всех поставлен вопрос т. Бухариным, но и он не довел его до конца. Т. Бухарин утверждает, что у буржуа-империалиста заключен блок с мужиком. Но с каким мужиком? У нас есть разные мужики. С правыми блок заключен, но у нас есть мужики низовые, представляющие беднейшие слои крестьянства. Вот с ними-то этого блока не могло быть. Они блока с крупной буржуазией не заключали, но идут за ней по бессознательности, их просто обманывают, ведут за собой.

Против кого же блок?

Этого т. Бухарин не сказал. Это блок союзного и русского капитала, командного состава и верхов крестьянства в лице социалистов-революционеров типа Чернова. Этот блок сложился за счет низов крестьянства, за счет рабочих.

В чем перспектива т. Бухарина? Его анализ неверен в самой основе. По его мнению, в первом этапе мы идем к крестьянской революции. Но ведь она не может не встретиться, не совпасть с рабочей революцией. Не может быть, чтобы рабочий класс, составляющий авангард революции, не боролся вместе с тем за свои собственные требования. Поэтому я считаю схему т. Бухарина непродуманной.

2-ой этап по т. Бухарину — революция пролетарская при поддержке Западной Европы, без крестьян, которые получили землю и удовлетворились. Но против кого направлена эта революция? Т. Бухарин в своей игрушечной схеме не дает на это ответа. Других подходов к анализу совершающегося не было предложено.

Между тем, положение ясно. Теперь о двоевластии никто не говорит. Если ранее Советы представляли реальную силу, то теперь это лишь органы сплочения масс, не имеющие никакой власти. Именно поэтому невозможно «просто» передать им власть. Т. Ленин в своей брошюре идет дальше, определенно указывая, что двоевластия нет, так как вся власть перешла в руки капитала, и выставить теперь лозунг: «Вся власть Советам» — значит заниматься донкихотством.

Если ранее без санкции Исполнительного Комитета никакие законы не имели силы, то теперь нет даже разговоров о двоевластии.

Захватывайте теперь все Советы, власти у вас не будет!

Мы издевались над кадетами при выборах в районные думы, так как они представляли самую жалкую группу, получившую 20% голосов. Теперь они издеваются над нами.

В чем дело? В том, что власть перешла при попустительстве Центрального Исполнительного Комитета в руки буржуазии.

Товарищи торопятся с вопросом об организации власти. Но ведь власти у вас еще нет!

Главная задача — пропаганда идеи необходимости свержения существующей власти. Мы еще недостаточно подготовлены к этой мысли. Но надо подготовиться.

Надо, чтобы рабочие, крестьяне и солдаты поняли, что без свержения нынешней власти им не получить ни воли, ни земли!

Итак, вопрос стоит не об организации власти, а об ее свержении, а когда мы получим власть в свои руки, организовать ее мы сумеем.

Теперь несколько слов т.т. Ангарскому и Ногину по поводу социализма. Еще на апрельской конференции мы говорили, что настал момент, чтобы начать делать шаги в сторону социализма (*читает конец резолюции апрельской конференции „О текущем моменте“*). Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелко-крестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистических преобразований.

Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками, приемлемыми для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму.

Товарищи отстали на три месяца. Что же совершилось за эти три месяца? Мелкая буржуазия расслоилась, низы уходят от верхов, пролетариат организуется, разруха растет, ставя еще настоятельнее на очередь вопрос об осуществлении рабочего контроля (например, в Питере, Донецкой области и т. п.). Все это идет на пользу положений, принятых еще в апреле. А товарищи тянут назад.

Теперь о Советах. Тем фактом, что мы снимаем прежний лозунг о власти Советов, мы не выступаем против Советов. Наоборот, можно и должно работать в Советах, даже в Центральном Исполнительном Комитете, органе контр-революционного прикрытия. Хотя Советы теперь лишь органы сплочения масс, но мы всегда с массами и не уйдем из Советов, пока нас оттуда не выгонят. Ведь мы остаемся и в фабрично-заводских комитетах и в муниципалитетах, хотя они не имеют в своих руках власти. Но, оставаясь в Советах, мы продолжаем разоблачать тактику социалистов-революционеров и меньшевиков.

После того, как контр-революция с полной очевидностью вскрыла связь нашей буржуазии с союзным капиталом, стало еще очевиднее, что в нашей революционной борьбе мы должны опираться на три фактора: российский пролетариат, крестьянство и международный пролетариат, так как судьбы нашей революции тесно связаны с западно-европейским движением. *(Аплодисменты.)*

III.

ВОЗРАЖЕНИЕ г. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ ПО ВОПРОСУ О 9-ом ПУНКТЕ РЕЗОЛЮЦИИ «О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ».

Г. Сталин читает 9-й пункт резолюции:

9. «Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества».

Г. Преображенский. Предлагаю иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму».

Если мы примем редакцию комиссии, то получится разногласие с уже принятой резолюцией т. Бухарина.

Т. Сталин. Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Э. Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией, в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего.

Председатель. Ставлю на голосование поправку т. Преображенского. Отклоняется.

«Протоколы VI съезда Р.-С.-Д.Р.П. (большев.) 26 июля — 3 августа 1917 г.» Изд. «Коммунист» 1919 г.

ЕЩЕ О СТОКГОЛЬМЕ.

Война идет. Грозно и неуклонно шествует ее кровавая колесница. Из европейской она шаг за шагом превращается во всемирную, втягивая в свое черное дело все новые и новые государства.

Вместе с тем падает и теряет свое значение Стокгольмская конференция.

«Борьба за мир» и тактика «давления» на империалистские правительства, провозглашенные примиренцами, превратились в «звук пустой».

Попытки примиренцев ускорить окончание войны и восстановить Интернационал путем соглашения между «оборонческими» большинствами» разных стран потерпели полный крах.

Стокгольмская затея меньшевиков и эсеров, вокруг которой плетется густая сеть империалистских интриг, неизбежно должна превратиться либо в бессильный парад, либо в игрушку в руках империалистских правительств.

Теперь ясно для всех, что поездка делегатов Всероссийского Съезда Советов по Европе и «социалистическая» дипломатия оборонцев с устройством торжественных завтраков с представителями англо-французского социал-империализма — не есть путь к восстановлению международного братства рабочих.

Партия наша была права, отмежевавшись от Стокгольма еще на апрельской конференции.

Развитие войны и вся мировая обстановка неизбежно обостряют классовые противоречия, ведя к эпохе грандиозных социальных битв.

В этом и только в этом надо искать демократических путей к ликвидации войны.

Говорят об «эволюции» во взглядах англо-французских социал-патриотов, об их решении поехать в Стокгольм и пр. Но разве это меняет дело? Разве русские и германо-австрийские социал-патриоты не решили также (еще раньше англо-французских!) участвовать в Стокгольмской конференции? Кто может утверждать, что это их решение ускорило дело окончания войны?

Разве партия Шейдемана, участвующая в Стокгольмской конференции, перестала поддерживать свое правительство, ведущее наступление и захватывающее Галицию, Румынию?

Разве партии Ренделя и Гендерсона, говорящие о «борьбе за мир» и о Стокгольме, не поддерживают в то же время свои правительства, захватывающие Месопотамию, Грецию?

Какое значение могут иметь для дела ликвидации войны их разговоры в Стокгольме перед лицом этих фактов?

Добренькие слова о мире, прикрывающие решительную поддержку политики войны и захватов, — кому неизвестны эти старые-престарые приемы империалистского обмана масс?

Говорят, что обстоятельства теперь изменились в сравнении с прошлым, что следовало бы в виду этого изменить и свое отношение к Стокгольму.

Да, обстоятельства изменились, но изменились они не в пользу Стокгольма, а исключительно против него.

Изменилось, прежде всего, то, что война из европейской стала всемирной, расширив и углубив общий кризис до крайних пределов.

Поэтому шансы империалистского мира и политики «давления» на правительства спустились до крайнего минимума.

Изменилось, во-вторых, то, что Россия стала на путь наступления на фронте, приспособив к требованиям политики наступления внутреннюю жизнь страны в смысле обуздания свобод. Ибо надо же, наконец, понять, что политика наступления несовместима с «максимальными свободами», что поворотный пункт в развитии нашей революции начался еще в июне. При чем большевики «оказались сидящими» в тюрьмах, а оборонцы, превратившись в наступленцев, играют роль тюремщиков.

Поэтому положение сторонников «борьбы за мир» стало невыносимым, ибо если раньше можно было говорить о мире, не боясь быть уличенным во лжи, то теперь, после политики наступления, поддержанной «оборонцами», слова о мире из уст «оборонцев» звучат насмешкой.

О чем же все это говорит?

О том, что «товарищеские» разговоры о мире в Стокгольме и кровопролитные дела на фронтах оказались абсолютно несовместимыми, что противоречие между ними стало кричащим, самоочевидным.

В этом неизбежность краха Стокгольмской конференции.

В виду этого несколько изменилось и наше отношение к Стокгольму.

Прежде мы разоблачали стокгольмскую затею. Теперь вряд ли стоит ее разоблачать, ибо она сама себя разоблачает.

Раньше ее надо было клеймить, как игру в мир, вводящую массы в обман. Теперь вряд ли стоит ее клеймить, ибо лежачего не бьют.

Но из этого следует, что путь к Стокгольму не есть путь к миру.

Путь к миру идет мимо Стокгольма через революционную борьбу рабочих против империализма.

*«Рабочий и Солдат» № 15,
27 июля (9 августа) 1917 г.,
передовая, без подписи*

КУДА ВЕДЕТ МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ?

Бегство из Петрограда. Московское совещание открылось. Открылось оно не в Петрограде, не в центре революции, а подальше от него, в «московской тиши». В дни революции важные совещания созывались, обычно, в Петрограде, в цитадели революции, свергнувшей царизм. Тогда Петрограда не боялись, тогда льнули к нему. Но теперь дни революции сменились сумерками контр-революции. Теперь Петроград опасен, теперь его боятся, как чумы и... бегут от него, как черти от ладана, подальше, в Москву, «где не так беспокойно», где, по мнению контр-революционеров, всего легче обделать свои черные дела.

«Совещание пойдет под флагом Москвы, московские идеи, московские настроения далеки от гнилого Петрограда, — язвы, заражающей Россию» («Веч. Время» 11 авг.).

Так говорят контр-революционеры.

С ними совершенно согласны «оборонцы».

— В Москву, в Москву! — шепчутся «спасатели страны», удирая из Петрограда.

— Скатертью дорога, — отвечает им революционный Петроград.

— Бойкот вашему совещанию, бросают им вдогонку петроградские рабочие.

А Москва? Оправдает ли она надежды контр-революционеров?

Что-то не похоже на это. Газеты полны сообщений об общей забастовке в Москве. Забастовка объявлена московскими рабочими. Рабочие Москвы, как и питерские, бойкотируют совещание. Москва не отстаёт от Петрограда.

Да здравствуют московские рабочие!

Что же, опять бежать?

Из Петрограда в Москву, а из Москвы — куда?

Может быть, в Царевококшайск?

Плохи, плохи дела господ версальцев...

* * *

От совещания до «долгого парламента». Подготавливая Московское совещание, г.г. «спасатели» делали вид, что созывают «простое совещание», ничего не решающее, ни к чему не обязывающее. Но «простое совещание» мало-по-малу стало превращаться в «государственное», потом — в «великий собор», а теперь определенно говорят о превращении совещания в «долгий парламент», решающий важнейшие вопросы нашей жизни.

«Если на Московском совещании, — говорит атаман Терского казачьего войска Караулов, — не выкристаллизуется центр объединения страны, то будущее России рисуется в печальных тонах. Думаю, однако, что такой центр будет создан... а если... такой опорный пункт выявится, то Московское совещание окажется не только жизненным органом, но имеет шансы на весьма долгое и яркое существование вроде «долгого парламента» в эпоху Кромвеля. Со своей стороны, я, как представитель казачества, постараюсь всеми мерами способствовать образованию такого объединяющего центра». («Русск. Вед.» веч. 11 авг.)

Так говорит «представитель казачества».

Московское совещание, как «центр объединения» контрреволюции — таков короткий смысл длинной речи Караулова.

То же самое говорит донское казачество в наказе своим представителям:

«Правительство должно быть организовано Московским совещанием или временным комитетом Гос. Думы, а не какою-либо партией, как это было до сих пор. Такому правительству должна быть предоставлена вся полнота власти и независимости».

Так говорит войсковой круг донского казачества.

А кому теперь неизвестно, что «казаки — это сила»?

Сомнения невозможны: либо совещание не состоится, либо оно неминуемо превратится в «долгий парламент» контр-революции.

Меньшевики и эсеры, созвавшие совещание, облегчили дело организации контр-революции, все равно — хотели они этого, или нет.

Таков факт.

* * *

Кто они? Кто они, эти воротилы контр-революции?

Это, прежде всего, военщина, верхи командного состава, ведущие за собой известные круги казачества и георгиевских кавалеров.

Это, во-вторых, наша промышленная буржуазия с Рябушинским во главе, с тем самым Рябушинским, который угрожает народу «голодом» и «нищетой», если он не откажется от своих требований.

Это, наконец, партия Милюкова, объединяющая генералов и промышленников против русского народа, против революции.

Все это достаточно выяснилось на «предварительном совещании» генералов, промышленников и кадетов 9 — 10 августа.

* * *

«У всех на устах имя ген. Корнилова, — пишет «Биржевка». — Доминирующее влияние на совещание имеют представители так называемой войсковой партии во главе с ген. Алексеевым и делегаты казачьего союза. Речь ген. Алексева, произнесенная на первом совещании и встреченная совещанием бурными выражениями одобрения, будет повторена на Московском государственном совещании». («Веч. Бирж.» 11 августа.)

Это та самая речь, которую Милюков предложил издать в виде отдельного листка.

Далее:

«Большое внимание вызывает к себе ген. Каледин. К нему особенно приглядываются и прислушиваются. Вокруг него группируется вся военная часть». («Веч. Время» 11 августа.)

Наконец, всем известны ультиматумы георгиевских кавалеров и казачьих союзов, возглавляемых теми же свергнутыми и еще не свергнутыми генералами.

При чем ультиматумы исполняются немедленно. Ибо военные не любят «зря болтать».

Сомнения невозможны.

Дело идет к утверждению и оформлению военных слоев буржуазии.

Отечественная и союзная буржуазия будет ее «лишь» фиксировать.

Недаром так «интересуется совещанием сэр Бьюкенен» (см. «Биржевку»), который, кажется, тоже собирается выехать в Москву.

Недаром торжествуют молодцы г. Милюкова.

Недаром чувствует себя Рябушинский Мининим, спасающим и пр.

• * •

Чего они хотят? Они хотят полного торжества контр-революции. Выслушайте резолюцию предварительного совещания.

«Пусть в войсках будет восстановлена дисциплина и власть перейдет к командному составу».

Иначе говоря: обуздай солдат!

«Пусть центральная власть, единая и сильная, покончит с системой безответственного хозяйничания коллегиальных учреждений».

Иначе говоря: долой Советы рабочих и крестьян!

Пусть правительство «решительно порвет со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов, Советов и других подобных организаций».

Иначе говоря: пусть правительство зависит только от «советов» казаков и «конференентов» георгиевских кавалеров.

Резолюция уверяет, что только таким путем может быть «спасена Россия».

Кажется, ясно.

Ну, что же, господа соглашатели, согласны вы устроить соглашение с представителями «живых сил»?

Или, может быть, раздумали?

Несчастные соглашатели...

* * *

Голос Москвы. А Москва делает свое революционное дело. Газеты сообщают, что по призыву большевиков в Москве уже началась общая забастовка вопреки решению Всероссийского Исполнительного Комитета, до сих пор еще тащущегося в хвосте за врагами народа.

Позор Исполнительному Комитету!

Да здравствует революционный пролетариат Москвы!

Пусть сильнее раздастся голос наших товарищей в Москве на радость всем угнетенным и поработанным!

Пусть узнает вся Россия, что есть еще на свете люди, готовые грудью отстаивать дело революции.

Москва бастует. Да здравствует Москва!

*«Пролетарий» № 1,
13 (26) августа 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ДВА ПУТИ.

Основной вопрос нашей жизни — это вопрос о войне. Экономическая разруха и продовольственное дело, вопрос о земле и политическая свобода — все это частные вопросы одного общего вопроса о войне.

Чем вызвана продовольственная разруха?

— Затяжной войной, расстроившей транспорт и оставившей город без хлеба.

Чем вызвана финансово-экономическая разруха?

— Нескончаемой войной, высосавшей из России все силы и средства.

Чем вызваны репрессии на фронте и в тылу?

— Войной и политикой наступления, требующей «железной дисциплины».

Чем вызвано торжество буржуазной контр-революции?

— Всем ходом войны, требующим новых миллиардов, при чем отечественная буржуазия, поддержанная союзной,

отказывает в кредите без предварительной ликвидации основных завоеваний революции.

И так далее, и тому подобное.

В виду этого разрешить вопрос о войне — это именно и значит разрешить все и всякие «кризисы», душащие теперь страну.

Но как это сделать?

Перед Россией лежат два пути.

Либо продолжение войны и дальнейшее «наступление», и тогда — неизбежная передача власти в руки контр-революционной буржуазии для того, чтобы добыть деньги путем внутреннего и внешнего займов.

«Спасти» страну в таком случае значит покрыть расходы войны за счет рабочих и крестьян (косвенные налоги!) в угоду русским и союзным акулам империализма.

Либо переход власти в руки рабочих и крестьян, объявление демократических условий мира и прекращение войны для того, чтобы, двинув дальше революцию, передать землю крестьянам, поставить рабочий контроль в промышленности и привести в порядок разваливающееся народное хозяйство за счет барышей капиталистов и помещиков.

Спасти страну в таком случае значит освободить рабочих и крестьян от финансовых тягот войны в ущерб акулам империализма.

Первый путь ведет к диктатуре помещиков и капиталистов над трудящимися, к обложению страны тягчайшими налогами, к постепенной распродаже России заграничным капиталистам (концессии!) и к превращению России в колонию Англии, Америки, Франции.

Второй путь открывает эру рабочей революции на Западе, разрывает опутывающие Россию финансовые нити, расшатывает самые основы буржуазного господства и очищает дорогу для действительного освобождения России.

Таковы два пути, выражающие интересы двух противоположных классов, империалистской буржуазии и социалистического пролетариата.

Третьего нет. И примирить эти два пути так же невозможно, как невозможно примирить империализм и социализм.

Путь соглашений (коалиции) с буржуазией обречен на неминуемый крах.

«Коалиция на основе демократической платформы— вот выход», пишут по поводу московского совещания гг. оборонцы («Известия»).

— Неправда, господа соглашатели!

Три раза устраивали вы коалицию с буржуазией и каждый раз натыкались на новый «кризис власти».

Почему?

Потому, что путь коалиции есть путь ложный, прикрывающий язвы современного положения.

Потому, что коалиция либо пустой звук, либо средство в руках империалистской буржуазии укрепить свою власть руками «социалистов».

Разве нынешнее коалиционное правительство, пытавшееся усесться между двумя лагерями, не перешло потом на сторону империализма?

Для чего создано «Московское совещание», как не для того, чтобы, утвердив позиции контр-революции, получить санкцию (и кредит!) на этот шаг со стороны «людей земли»?

К чему сводится речь Керенского на «совещании» с призывом к «жертвам» и к «классовому самоограничению» в интересах, конечно, «родины» и «войны», как не к утверждению империализма?

А заявление Прокоповича о том, что правительство «не допустит вмешательства рабочих (контроль!) в управление предприятиями»?

А заявление того же министра о том, что «никаких коренных реформ в области земельного вопроса правительство не предпримет»?

А заявление Некрасова о том, что «на конфискацию частной собственности правительство не пойдет»?

Что это, как не прямое служение делу империалистской буржуазии?

Не ясно ли, что коалиция является лишь маской, удобной и выгодной Милюковым и Рябушинским?

Не ясно ли, что путь соглашения и лавирования между классами есть путь обмана и одурачения масс?

Нет, господа соглашатели! Настал момент, когда колебаниям и соглашениям не должно быть больше места. В Москве уже определенно говорят о «заговоре» контр-революционеров. Буржуазная печать пробует испытанный способ шантажа, распространяя слухи о «сдаче Риги». В такой момент надо выбирать.

Либо за пролетариат, либо против него.

Петроградский и московский пролетариат, бойкотируя «совещание», зовут на путь действительного спасения революции.

Внимайте их голосу, либо уходите с дороги.

*«Пролетарий» № 2.
14 (27) августа 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ИТОГИ СОВЕЩАНИЯ.

Закрылось Московское совещание.

После «резкого столкновения двух противоположных лагерей», после «кровавого сражения» Милюковых с Церетели, после того, как «бой» кончен, а раненые подобраны,— позволительно спросить: чем кончилось московское «сражение», кто выиграл, кто проиграл?

Кадеты довольны и потирают руки. «Партия народной свободы может быть горда, говорят они, тем, что ее лозунги... признаны... всенародными» («Речь»).

Довольны и оборонцы, ибо они говорят о «торжестве демократии» (читай: оборонцев!), уверяя, что «демократия выходит из Московского совещания укрепленной» («Известия»).

«Надо уничтожить большевизм» — говорит Милюков на совещании, при громе аплодисментов представителей «живых сил».

Это мы делаем, отвечает Церетели, ибо «проведен уже исключительный закон» против большевизма. К тому же «революция (читай: контр-революция!) еще неопытна в борьбе с левой опасностью», — дайте же нам набраться опыту.

И кадеты соглашались, что лучше уничтожить большевизм постепенно, чем сразу, и притом не прямо, не собственными руками, а чужими руками, руками тех же «социалистов» оборонцев.

Нужно «упразднить комитеты и Советы», говорит ген. Каледин при аплодисментах представителей «живых сил».

Верно, отвечает ему Церетели, но рано еще, ибо «нельзя еще убрать эти леса, когда здание свободной революции (читай: контр-революции!) еще недостроено». Дайте «достроить», а потом уберутся и Советы и комитеты!

И кадеты соглашались, что лучше низвести комитеты и Советы к роли простых придатков империалистского механизма, чем их уничтожить сразу.

В результате — «общее торжество» и «довольство».

Недаром пишут в газетах, что «между министрами-социалистами и министрами-кадетами установилось большее единение, чем это было до совещания» («Новая Жизнь»).

Кто выиграл, спрашиваете вы?

Выиграли капиталисты, ибо правительство обязалось на совещании «не допустить вмешательства рабочих (контроль) в управление предприятиями».

Выиграли помещики, ибо правительство обязалось на совещании «никаких коренных реформ в области земельного вопроса не предпринимать».

Выиграли контр-революционные генералы, ибо смертная казнь получила одобрение на Московском совещании.

Кто выиграл, спрашиваете вы?

Выиграла контр-революция, ибо она организовалась во всероссийском масштабе, сплотив вокруг себя все «живые силы» страны вроде Рябушинского и Милюкова, Церетели и Дана, Алексеева и Каледина.

Выиграла контр-революция, ибо она получила в свое распоряжение так называемую «революционную демократию», как удобное прикрытие от народного возмущения.

Теперь контр-революционеры не одни. Теперь вся «революционная демократия» работает на них. Теперь у них в распоряжении «общественное мнение» «земли русской», которое «неуклонно» будут обрабатывать г.г. оборонцы.

Коронация контр-революции — вот результат Московского совещания.

Оборонцы, болтающие теперь о «торжестве демократии», и не догадываются, что их взяли просто в лакеи для услужения торжествующим контр-революционерам.

Таков и только таков политический смысл «честной коалиции», о которой «с мольбой» говорил г. Церетели и против которой ничего не имеют г.г. Милюковы.

«Коалиция» оборонцев с «живыми силами» из империалистской буржуазии против революционного пролетариата и крестьянской бедноты.

— Таковы итоги Московского совещания.

На долго ли хватит этой контр-революционной «коалиции» — это покажет ближайшее будущее.

*«Пролетарий» № 4,
17 (30) августа 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ПРАВДА О ПОРАЖЕНИИ НА ФРОНТЕ.

Ниже мы печатаем выдержки из двух статей, имеющих характер документов, о причинах июльского поражения на фронте.

Обе статьи, и статья Арсения Мерича (в «Деле Народа»), и статья В. Борисова (в «Новом Времени») стараются стать на путь беспристрастного изучения июльского поражения, скидывая со счетов дешевые обвинения недостойных людей, пускаемые в ход против большевиков.

Тем ценнее их признания и заявления.

Статья А. Мерича говорит, главным образом, о виновниках поражения. Виновниками оказываются «бывшие городовые и жандармы» и прежде всего чьи-то и какие-то автомобили, которые, разъезжая по армии, защищавшей Тарнополь и Черновицы, приказывали солдатам отступить. Что это за автомобили и как могли допустить командиры эту явную провокацию, — об этом, к сожалению, молчит автор. Но он ясно и определенно говорит о «провоцированном отступлении», об «измене, разыгранной по заранее обдуманному, рассчитанному

плану», и о том, что расследование идет, что скоро «тайное станет явным».

А большевики? А «измены большевизма»?

Об этом в статье А. Мерича — ни строчки, ни слова!

Еще более интересна статья В. Борисова в «Новом Времени». Она говорит не столько о виновниках, сколько о причинах поражения.

Она прямо заявляет, что «снимает с большевизма огульное обвинение в нашем поражении», что дело не в большевизме, а в «более глубоких причинах», которые надо выяснить и устранить. Но что это за причины? Это прежде всего непригодность для нас тактики наступления при наших «сырых генералах», при слабости «материальных частей» наших войск, при неорганизованности солдат. Затем вмешательство «дилетантских» (неопытных) элементов, настаивавших и настоявших в июне на наступлении. Наконец, слишком большая готовность правительства исполнить советы союзников о необходимости наступления, не считаясь с действительным положением на фронте.

Короче: общая «наша» неподготовленность к наступлению, превратившая это наступление в кровавую авантюру.

Т.-е. все то, о чем не раз предупреждали большевики и «Правда» и за что их травили все, кому не лень было.

Так говорят теперь те, кто вчера еще обвиняли нас в поражении на фронте.

Мы далеки от того, чтобы успокоиться на стратегических и иных разоблачениях и соображениях «Нового Времени», считающего теперь нужным «снять с большевиков огульное обвинение в нашем поражении».

Также далеки от того, чтобы сообщения А. Мерича считать исчерпывающими.

Но мы не можем не отметить, что если министерская газета «Дело Народа» не находит больше возможности молчать о действительных виновниках поражения, если даже (даже!) Суворинское «Новое Время», вчера еще обвинявшее большевиков в поражении, сегодня считает нужным «снять с большевиков» это обвинение, — то это гово-

рит о том, что шила в мешке не утаишь, что слишком сильно бьет в глаза правда о поражении, чтобы можно было о ней молчать, что правда о виновниках поражения, вытаскиваемая на свет самими солдатами, вот-вот хлестнет по лицу самих же обвинителей, что молчать дальше значит накликать на себя беду...

Очевидно, состряпанное врагами революции, вроде господ из «Нового Времени», и поддержанное «друзьями» революции, вроде господ из «Дела Народа», обвинение большевиков, как виновников поражения, сорвалось бесповоротно.

Потому, и только потому, решились теперь эти господа заговорить о действительных виновниках поражения.

Не правда ли: эти господа очень напоминают тех благородных крыс, которые первые покидают корабль, обреченный на гибель...

Какие же отсюда выводы?

Нам говорят о расследовании дела поражения на фронте, при чем уверяют, что скоро «тайное станет явным». Но какая гарантия, что результаты расследования не будут положены под сукно, что расследование будет вестись объективно, что виновные понесут должную кару?

Поэтому наше первое предложение: добиться участия представителей самих солдат в комиссии по расследованию.

Только такое участие может обеспечить действительное раскрытие виновников «провоцированного отступления»!

Таков первый вывод.

Нам говорят о причинах поражения, предлагая не повторять старых «ошибок». Но какая гарантия, что «ошибки» являются действительными ошибками, а не «заранее обдуманым планом»? Кто может ручаться, что после того, как «провоцировали» сдачу Тарнополя, не «спровоцируют» еще сдачу Риги и Петрограда для того, чтобы, подорвав престиж революции, утвердить потом на ее развалинах ненавистные старые порядки?

Поэтому наше второе предложение: установить контроль представителей самих же солдат над дей-

ствиями своих начальников, сменив немедленно всех заподозренных.

Только такой контроль может застраховать революцию от преступных провокаций в большом масштабе.

Таков второй вывод.

*«Пролетарий» № 5,
18 (31) августа 1917 г.,
без подписи.*

О ПРИЧИНАХ ИЮЛЬСКОГО ПОРАЖЕНИЯ НА ФРОНТЕ.

Всем памятли злостные наветы на большевизм, огульно обвинявшийся в поражении на фронте. Буржуазная печать и «Дело Народа», провокаторы из «Биржевки» и «Рабочая Газета», бывшие холопы царя из «Нового Времени» и «Известия» — все они единогласно призывали гром и молнии на головы большевиков, объявленных виновниками поражения.

Теперь выясняется, что виновников надо искать не среди большевиков, а среди тех, которые пустили в ход «таинственные автомобили», призывавшие к отступлению и производившие панику среди солдат (см. «Дело Народа» 16 авг.).

Что это за «автомобили», и где были командиры, допустившие шныряние этих таинственных автомобилей, — об этом молчит, к сожалению, корреспондент «Дела Народа».

Теперь выясняется, что причину поражения надо искать не в большевизме, а в «более глубоких причинах», в непригодности для нас тактики наступления, в нашей неподготовленности к наступлению, в «сырости наших генералов» и пр. (см. «Новое Время» 15 авг.).

Пусть читают и перечитывают рабочие и солдаты указанные номера «Дела Народа» и «Нового Времени», пусть читают и понимают:

1) до чего правы были большевики, предостерегая от наступления на фронте еще в конце мая (см. №№ «Правды»);

2) до чего преступно вели себя вожди меньшевиков и эсеров, агитировавших за наступление и проваливших

на Съезде Советов в начале июня предложение большевиков против наступления;

3) что ответственность за июльское поражение падает, прежде всего, на головы Милкоковых и Маклаковых, Шульгиных и Родзянко, «требовавших» от имени Государственной Думы «немедленного наступления» на фронте еще в начале июня.

Вот выдержки из упомянутых статей:

1) Выдержки из сообщения Арсения Мерича («Дело Народа» 16 августа):

«Отчего? Отчего стряслась эта беда, почти одновременно с двух сторон — у Тарнополя и у Черновиц? Отчего внезапно пал дух в стоявших там полках? Что случилось? В чем причина этой внезапной перемены настроения?»

Офицеры, солдаты охотно отвечают. Ответы почти дословно совпадают, и каждый в отдельности резким штрихом дополняет жуткую картину...

Главнейшими застрельщиками паники, отлынивания с передовых постов фронтовики считают бывших городских и жандармов.

Действуют ли они организованно?

— Трудно сказать, — отвечает интеллигентный прапорщик из крестьян, партийный, соц.-рев., член местного и. к. с. и р. д. — Но каждый раз неизменно выяснялось, что сеяли страх, распространяли вздорные сведения о близости, о многочисленности неприятеля, и о том, что через час-два на нас выпустят удушливые газы, — только бывшие «фараоны»... Многие из нас так полагают, что бывшие городовые, жандармы — даже не сознательные предатели, а просто «шкурники», просто труссы. А неуловимые шпионы, провокаторы, особым чутьем находят в них верных людей...

Вот как, по рассказам людей толковых и наблюдательных, происходило позорное отступление наших войск...

Идут ротами, дорога широкая... Между ротами небольшие промежутки...

И вдруг — столбы пыли... Впереди задержка, которой никто объяснить не может... Роты останавливаются, топчутся, переговариваются... Вытягивают головы, чтобы разглядеть, что впереди, и что в этих прибли-

жающихся столбах пыли... Автомобили летят, гудят, и вот они уже совсем близко, и крики: «назад... назад... австрийцы». Кто кричит, кто в автомобилях, — не разглядеть, так несутся. Иной раз еще разглядишь — кто в гимнастерке, или какие погоны, иной раз и ничего не разглядеть было... И готово — еще никто не сообразил, где австрийцы, кто предупреждает, а уж прут обратно... Не успели опомниться — второй автомобиль. Опять крики: Австрийцы!!! австрийцы!!! Позиции... сданы... Газы. Скорей, скорей... назад... назад...

Это была паника, захватившая всех, как молниеносная зараза... Измена, разыгранная как по нотам, с изумительной ловкостью, очевидно, по заранее обдуманному, рассчитанному плану... Около двадцати таких автомобилей мы насчитали без номеров... Семь поймали, и, конечно, оказались в них совершенно чужие нашим полкам, посторонние люди... А около восемнадцати так и ускользнули. Роты, ошалев от крика, от того, что пятились назад передние роты, поворачивались и удирали... Австрийцы вошли в пустой город, вошли в пустое предместье и шли все дальше, глубже к нам, как на воскресную прогулку — им никто не мешал...

К другой группе подходит один, другой прибывший из Тарнополя солдат, двое-трое с университетскими значками. И все добавляют дополняющие картину провоцированного отступления штрихи. Героями отступления были проходимцы, шпионы, предатели... Кто они? На это даст ответ недалекое будущее. Куда делись остальные, которых поймать и выследить до сих пор не удалось? Под каким флагом они работают? Какими логунгами прикрывают теперь свою преступную работу? Люди, видевшие перед собой ужас тарнопольского отступления, люди фронта верят, что все тайное до сих пор скоро станет явным для всех, и с раскрытием позорной тайны падет также и клеймо позора с действовавшей под Тарнополем армии — жертвы гнуснейшего предательства и обмана».

2) Выдержки из статьи Борисова «Большевизм и поражение» («Новое Время» 15 августа):

«Мы хотим снять с большевизма огульное обвинение его в нашем поражении. Мы хотим уяснить действительные причины нашего поражения, так как только

тогда мы будем в состоянии избежать повторения нашего несчастья. Для военного искусства нет ничего гибельнее, как то, когда причину военного несчастья ищут не там, где она заключается. Июльское поражение произошло не от одного большевизма, оно явилось следствием причин более сложных, иначе грандиозность поражения указывала бы на огромное, чрезвычайное значение в среде нашей армии идей большевизма, чего, конечно, нет и не может быть. Наверно сами большевики поразились обширным последствиям своей пропаганды. Но беду русской армии можно было бы теперь считать поконченной, если бы все дело заключалось в большевиках. К сожалению, сущность поражения гораздо сложнее: она специалистами военного искусства предусматривалась уже перед началом наступления 18-го июня; в «восторженных» объявлениях о «революционных» полках 18-го июня, в «красных» знаменах и т. п. сквозила смертельная опасность.

Когда в Ставке были получены оперативные телеграммы о якобы блестящих результатах дня 18-го июня, мы, сознавая, что собственно ничего блестящего нет, ибо заняты нами лишь укрепления, которыми враг, при нынешней борьбе, обязан пожертвовать для обеспечения за собою победы, сказали: «большим для нас будет счастьем, если немцы не ответят контр-ударом». Но контр-удар последовал, и русская армия, как и французская в 1815 году, сразу превратилась в толпу панических людей. Ясно, что катастрофа произошла не от одного большевизма, а от чего-то лежащего глубоко в организме армии, чего высшее командование не сумело угадать и понять. Вот эту-то более важную, чем большевизм, причину нашего поражения мы и хотим наметить, насколько это возможно в газетной статье, ибо время не терпит.

Германский «милитаризм» установил военно-научную формулу: наступление есть сильнейшая форма действий». Немецкая формула с самого начала войны (грандиозные поражения Самсонова и Ренненкампа) оказалась непригодна для нас: для сырых генералов и сырых солдат возможна только оборона с обеспеченными флангами. По мере естественной убыли на войне, состав как генералов, офицеров, так и нижних чинов ухудшался, и оборона

становилась для нас выгоднейшею формой действия. Если сюда присоединить развитие позиционной войны и недостатки вопиющие в материальной части, то не надо быть большевиком, а надо только понимать природу вещей, чтобы остерегаться «наступления»! Газета «Народн. Слово» говорит, что, по словам Б. В. Савинкова, под влиянием большевистской агитации, солдатская масса начала верить, что дезертиры — не изменники родине, а последователи «международного социализма». Всякий старый офицер, знающий наш солдатский материал лучше, чем его знают «комитеты», скажет, что думать так, — это слишком низко ставить наш славный и вполне разумный состав нижних чинов. Этот состав обладает полным здравым смыслом; полным и определенным понятием о государстве; вполне сознает, что генерал и офицер — тот же солдат; смеется новшеству замены (бессмысленной) названия нижний чин общим названием солдата, что умалило это почетное название, ибо теперь самая глубокотыльная швальная команда состоит из «солдат», и вполне понимает, что «дезертир» есть дезертир, т.-е. презренный беглый. И если идея «отказа от наступления», пропагандируемая большевиками, стала выполняться этим разумным составом нашей армии, то единственно потому, что она логически вытекла из природы вещей, из всего нашего опыта на войне. Две вещи разные: говорить англичанину, французу о наступлении, ударе, или говорить о том же русскому. Те сидят в отличных укрытиях с полным комфортом, и ждут, когда их могущественная артиллерия все сметет, и лишь тогда их пехота наступает. Мы же всегда и везде были людскою массою, мы истребляли целые лучшие полки. Где наша гвардия, где наши стрелки? Полк, раза 2 — 3 истребленный и столько же раз пополненный даже лучшими элементами, чем это происходит в действительности, едва ли будет находить «наступление сильнейшею формою действий», особенно, если мы добавим, что эти громадные потери не оправданы результатами. Исходя из этого опыта, преждее верховное командование соглашалось на удары лишь при крайней необходимости, так был разрешен удар в мае 1916 года Брусилову в Галиции. Слабый по результатам, этот удар только подтвердит выводы опыта. Вполне возможно, что при прежнем верховном командовании «наступление» существовало бы в дирек-

тивах лишь как возвышающая воинский дух идея, но оно до сих пор не реализировалось бы. Но вдруг совершилось что-то стоящее вне военного искусства, «диллетантизм» взял руководство, и все и все закричало о «наступлении», о его якобы крайней необходимости, уверовало в то, что здравая военная теория отвергает, — в особые «революционные» батальоны, батальоны «смерти», «ударные» батальоны, не понимая, что все это крайне сырой материал, и кроме того он отнимает, может быть, наиболее одушевленных людей от полков, которые тогда уже совсем обращаются в «сброд и пополнения». Нам скажут, что союзники требовали «наступления», что они называли нас «предателями». Мы слишком высоко ценим даровитый и работающий французский генеральный штаб, чтобы поверить, что его мнение совпадало с так называемым общественным мнением диллетантов в военном искусстве. Конечно, при той обстановке войны, где противник находится в центре, а мы с нашими союзниками на окружности, всякий удар наш по противнику, даже вызывающий у нас огромные и несоразмерные с результатом человеческие потери, всегда выгоден для наших союзников, ибо отвлекает от них силы неприятеля. Это уже природа вещей, а не жестокосердие союзников. Но к этому надо относиться разумно, с чувством меры, и не кидаться в истребление своего народа лишь потому, что требует этого союзник. Военное искусство не допускает никаких фантазий и тотчас же наказывает за применение их. За этим наблюдает противник, обладающий хорошо выкованным генеральным штабом.

*«Пролетарий» № 5,
18 (31) августа 1917 г.,
без подписи.*

КТО ЖЕ ВИНОВАТ В ПОРАЖЕНИИ НА ФРОНТЕ?

Каждый день будет теперь приносить новые материалы для ответа на этот вопрос. И каждый день будет доказывать, сколь низко, сколь подло действовали те, что старались ответственность за июльские поражения на фронте взвалить на большевиков.

В официальном органе Советов — в «Известиях» № 147 — появилась статья «Правда о Млыновском полку». Это — документ первостепенной политической важности.

7 июля под грохот событий в Петербурге неожиданно для всех появляется в печати телеграмма Ставки, оповещающая о том, что 607 Млыновский полк «самовольно оставил окопы», что это дало возможность немцам ворваться на нашу территорию и что все это несчастье «в значительной степени объясняется влиянием агитации и большевиков...». На большевиков, и без того оклеветанных, посыпались обвинения за обвинениями. Ненависть к большевикам не знает пределов. Каждый день вся «патриотическая» печать подливает масла в огонь. Клевета распускается все более пышным цветом.

Так было еще совсем недавно.

И что же узнаем мы теперь?

Оказывается, первое же основное сообщение Ставки, послужившее исходным пунктом для всей кампании клеветы, было лживым насквозь. Полковой комитет 607 Млыновского полка выступает теперь с заявлением, обращаясь к клеветникам, в котором говорит:

— «Вы были в бою 6 июля?»

Знаете ли вы, что полк, имея 789 солдат и 54 офицера, оборонял линию в 2½ версты. Знаете ли, что из боя вышло 12 офицеров и 114 солдат, а остальные погибли за Родину (75% потерь)?

Знаете ли, что 607 полк, под небывалым адски-ураганным огнем сидел 7 часов и, несмотря на приказание отойти в 8½ ч. на опорные пункты, сумел продержаться до 11 час. дня (3½ час. утра)?

Разве вы знаете, в каких окопах мы сидели, какие имели технические средства для обороны?..»

Но мало того. «Известия» приводят документы официального расследования, подписанные генерал-майорами Гоштофтом и Гавриловым, исполняющим должность начальника штаба Колесниковым и другими, и в этих документах мы читаем:

«По результату расследования... 607 пех. Млыновский полк и всю 6-ю Гренадерскую дивизию нельзя обвинить в измне, предательстве и самовольном уходе с позиций. Дивизия 6-го июля дралась и умерала... Дивизия была сметена неприятельским артил-

лерийским огнем, в более 200 орудий, имея при себе только 16».

И — ни слова о зловерной большевистской агитации. Таковы факты.

И даже «Известия» — газета, готовая в ложке воды утопить большевиков, — пишет по этому поводу:

— «Конечно, в поражении виноват не революционный строй армии. Но клевета на него давала возможность всю ответственность за поражение возложить на большевистскую пропаганду, на потворствовавшие ей комитеты».

Вот как, господа из «Известий»! А сами-то вы, позвольте вас спросить, делали не то же самое? А сами вы не печатали, вслед за всей черносотенной сволочью, гнусной клеветы и подлых доносов на большевиков? А сами вы не кричали: распни, распни большевика, это он во всем повинен?..

Но слушайте дальше:

— «И эта клевета (сфабрикованная в Ставке) не случайность, это — система! — продолжают официальные «Известия». Точно также официальные сообщения из Ставки говорили о предательстве гвардейского корпуса... «Мы же были свидетелями того, как бездарные контр-революционные генералы ответственность за свою бездарность, стоившую тысяч жертв человеческих жизней, пытались сложить на головы армейских организаций... Так было в малом масштабе под Стоходом, так повторяется в громадном масштабе теперь... Ведь посылая клеветнические донесения, контр-революционные штабы могли требовать расформирования полков, упразднения комитетов. При помощи клеветы они могли расстрелять сотни людей, наполнить снова опустевшие тюрьмы. Они могли, разрушив революционные организации армии, снова сделать ее орудием в своих руках, могли бы бросить ее против революции».

Вот до чего мы дожили! Даже наши оголтелые противники из «Известий» вынуждены признать, что при помощи клеветы контр-революционные генералы снова наполнили опустевшие тюрьмы. Кем же наполнили, господа? Большевиками, интернационалистами! А вы, гос-

пода из «Известий», что делали вы в то время, когда нашими товарищами наполняли тюрьмы? Вместе с контр-революционными генералами вы кричали нам вслед: ату, ату их! Вместе с худшими врагами революции вы распинали старых революционеров, десятилетиями самоотверженной борьбы запечатлевших свою преданность революции. Вместе с Каледиными, Алексинскими, Керенскими, Переверзевыми, Милуковыми и Бурцевыми вы ввергали в тюрьму большевиков и позволяли распространять клевету о полученных большевиками германских деньгах!..

В порыве откровенности «Известия» продолжают:

— «Конечно, они (т.-е. контр-революционные генералы) знали, что ложные сообщения, будто один полк за другим бросает позиции, родили во всех частях неуверенность, будут ли они поддержаны соседями и тылом, не ушли ли уже их соседи, не попадут ли они просто в руки неприятелю, если будут оставаться на месте?

«Они знали все это,—но ненависть к революции затмила им глаза.

«И тогда естественно, что полки бросали позиции, что полки слушали тех, кто советовал им это, что они обсуждали на митингах, надо выполнить приказ или нет. Росла паника. Армия превращалась в обезумевшее стадо... А потом началась расправа. Солдаты знали, какова была их вина и какова — командного состава. Сотнями писем протестуют они ежедневно: нас продавали при царе, нас продали и теперь и нас же наказывают за это!» («Известия» № 147).

Понимают ли «Известия», что признали они в этих словах? Понимают ли они, что эти слова являются полным оправданием тактики большевиков и полным осуждением всей позиции эсеров и меньшевиков?

Как! Вы сами признаете, что солдат продают, как и при царе, вы сами признаете, что над солдатами чинят полную расправу — и вы же эту расправу одобряете (за смертную казнь голосуете), благословляете ее, ей помогаете? Каким же именем приходится заклеить таких людей?!

Как! Вы сами признаете, что генералы, от которых зависит жизнь сотен тысяч наших солдат, руководятся

в своих действиях ненавистью к революции. И вы же отдаете миллионы солдат в руки этих генералов, и вы же благословляете наступление, и вы же братаетесь с этими генералами на Московском совещании?! Но этим вы сами подписываете себе приговор, господа! Где же предел вашему падению?

Мы слышали свидетельские показания господ из «Известий». И мы спрашиваем: если Ставка, по словам «Известий», оклеветала Млыновский полк, если она допустила нечистую игру со Стоходом, если она руководится не соображениями защиты отечества, а соображениями борьбы против революции — если все это так, то какие у нас гарантии, что и теперешние сведения о событиях на Румынском фронте не извращены? Какие гарантии, что реакция преднамеренно и сознательно не подстраивает на фронте поражение за поражением?

Наша партия (большевики) еще в апреле на своей конференции сказала: оплот контр-революции, это — верхи командного состава. Вы признали это теперь, господа эсеры и меньшевики. И по этому случаю вы... лижете сапог Калединых, а «кровью и железом» преследуете рабочих-большевиков, революционных солдат и крестьян...

*Брошюра: Г. Зиновьев и К. Сталин
«Кто виноват в поражении на
фронте?». Изд. «Пробой», Петер-
бург, 1917 г., без подписи.*

АМЕРИКАНСКИЕ МИЛЛИАРДЫ.

Результаты Московского совещания выясняются.
По сообщению «Русских Ведомостей» (17 августа вечерн.):

«Вчера состоялось заседание ЦК партии народной свободы. С докладом выступил Миллюков, предложивший членам ЦК обменяться взглядами по вопросу о результатах Московского совещания. Ораторы единодушно высказывались в пользу принципа коалиционности. Большинство участников заседания сошлось на том, что Московское совещание дало максимум того, чего можно было ожидать».

Итак, партия г. Милюкова удовлетворена. Она за коалицию.

«Московское совещание, — пишут оборонцы, — было победой демократии (т.-е. оборонцев?), которая сумела в переживаемые трагические минуты выступить как подлинная государственная сила, вокруг которой сплотилось все (!), что есть на Руси живого» («Известия», № 146).

Очевидно, партия оборонцев тоже удовлетворена. По крайней мере делает вид, что удовлетворена, ибо она также за коалицию.

Ну, а правительство? Как оно оценивает Московское совещание?

По сообщению «Известий» (№ 146) «общее впечатление членов Временного Правительства таково, что:

«Совещание было в истинном смысле слова государственным. В общем линия внешней и внутренней политики правительства одобрена. Экономическая программа правительства не встретила возражений. В сущности, не было нападок и на земельную политику правительства».

Словом, правительство также довольно совещанием, ибо и оно, оказывается, за коалицию.

Дело ясное. Налаживается коалиция трех сил: правительства, кадетов и оборонцев.

«Честную коалицию» под фирмой Керенский — Милюков — Церетели можно считать пока что обеспеченной.

Таков первый результат Московского совещания.

В условиях капитализма ни одно предприятие не может обойтись без капитала. Состоявшаяся ныне коалиция, во главе которой стоит правительство, — самое крупное предприятие в России. Ни одного часу, ни одной минуты не может оно существовать без соответствующих капиталов. Особенно теперь, в условиях войны, требующей неисчислимых средств. Спрашивается:

На какие капиталы намерена существовать новая (совсем новая!) коалиция?

Послушайте «Биржевку» (вечерн. 17 августа):

«Ближайшим результатом работ Московского совещания, в особенности симпатии, проявленной к этому совещанию со стороны американцев, как передают, явилась возможность заключить на заграничном рынке 5-миллиардный государственный заем. Заем будет реализован на американском рынке. Благодаря этому займу будет выполнена малая финансовая программа Временного Правительства».

Ответ ясен. Коалиция будет существовать на американские миллиарды, за которые придется потом отдуваться русским рабочим и крестьянам.

Американская империалистская буржуазия, финансирующая коалицию русской империалистской буржуазии (Милюков!), военщины (Керенский!) и мелкобуржуазных верхов, лакейски услуживающих «живым силам» России (Церетели!) — вот она, картина нынешнего положения.

«Симпатии» американского капитала к Московскому совещанию, подкрепленные пяти-миллиардным займом, — не этого ли добивались господа, созвавшие совещание?..

Когда-то говорили в России, что свет социализма идет с Запада. И это было верно. Ибо там, на Западе, учились мы революции и социализму.

С открытием революционного движения в России положение несколько изменилось.

Еще в 1906 г., когда революция еще развивалась в России, Запад помог царской реакции оправиться, ссудив ей 2 миллиарда. И царизм действительно окреп тогда ценой нового финансового закабаления России Западу.

По этому случаю замечали тогда, что Запад ввозит в Россию не только социализм, но и реакцию в виде миллиардов.

Теперь раскрывается перед нами более красноречивая картина. В момент, когда русская революция напрягает силы для отстаивания своих завоеваний, а империализм старается добить ее, — американский капитал снабжает миллиардами коалицию Керенского — Милюкова — Церетели для того чтобы, обуздав вконец русскую революцию,

подорвать разрастающееся на Западе революционное движение.

Таков факт.

Не правда ли: Запад ввозит в Россию не столько социализм и освобождение, сколько кабалу и контр-революцию.

Но коалиция есть союз. Против кого же направлен союз Керенского — Милюкова — Церетели?

Очевидно против тех, кого не было на Московском совещании, кто бойкотировал это совещание, кто боролся с совещанием, т.-е. против революционных рабочих России.

«Честная коалиция» Керенского — Милюкова — Церетели, финансируемая американскими капиталистами, против революционных рабочих России, — так, что ли, господа оборонцы?

Так и запишем.

*«Пролетарий» № 6.
19 августа (1 сент.) 1917 г.,
передовая, без подписи.*

СЕГОДНЯ ВЫБОРЫ.

Сегодня выборы в Петроградскую городскую думу. Исход их зависит от вас, товарищи-рабочие и товарищи-солдаты. Выборы всеобщие и равные. Голос каждого солдата, каждого рабочего, каждой работницы — будет равен голосу капиталиста, домовладельца, профессора, чиновника. На вас, товарищи, и только на вас ляжет вина, если вы не сумеете воспользоваться этим правом.

Вы умели биться на улицах против царских фараонов, — умеете же теперь бороться за свои интересы путем подачи голоса за нашу партию.

Вы умели отстаивать свои права против контр-революции — умеете же теперь отказать ей в доверии на сегодняшних выборах!

Вы умели срывать маску с изменников революции, — умеете же теперь крикнуть им: «Руки прочь!»

Перед вами выступает, прежде всего, партия Милюкова, партия народной свободы. Эта партия защищает интересы помещиков и капиталистов. Эта партия —

против рабочих, крестьян и солдат, ибо она против рабочего контроля в промышленности, против передачи помещичьих земель крестьянам, за смертную казнь для солдат на фронте. Это она, партия кадетов, требовала еще в начале июня немедленного наступления на фронте, стоившего стране сотен тысяч жизней. Это она, партия кадетов, добивалась и добилась, наконец, торжества контр-революции, расправы с рабочими, солдатами и матросами. Голосовать за партию Милюкова — это значит предать себя, своих жен и детей, своих братьев в тылу и на фронте.

Товарищи! Ни одного голоса партии народной свободы!

Перед вами выступают, далее, оборонцы, партии меньшевиков и социалистов-революционеров. Эти партии защищают интересы обеспеченных хозяйчиков города и деревни. Поэтому каждый раз, когда классовая борьба принимает решительный характер, они оказываются в одном лагере с помещиками и капиталистами против рабочих, крестьян и солдат. Так было в июльские дни, когда партии меньшевиков и эсеров в союзе с буржуазией разоружали и громили рабочих и солдат. Так было в дни Московского совещания, когда эти партии в союзе с буржуазией утверждали репрессии и смертную казнь против рабочих и солдат на фронте.

Если контр-революция одержала победу, то потому, между прочим, что партии эсеров и меньшевиков помогли ей обуздать революцию, устраивая соглашение с помещиками и капиталистами.

Если контр-революция укрепляется теперь, то это потому между прочим, что партии эсеров и меньшевиков прикрывают ее от народного гнева, исполняя ее веления под флагом революции.

Голосовать за эти партии, — это значит голосовать за союз с контр-революцией против рабочих и беднейших крестьян.

Голосовать за эти партии, — это значит голосовать за утверждение арестов в тылу и смертной казни на фронте.

Товарищи! Ни одного голоса оборонцам, меньшевикам, социалистам-революционерам!

Перед вами выступает, наконец, группа «Новой Жизни», за № 12. Группа эта выражает настроения беспочвенных интеллигентов, оторванных от жизни и движения. Поэтому она вечно колеблется между революцией и контр-революцией, между войной и миром, между рабочими и капиталистами, между помещиками и крестьянами.

С одной стороны, она за рабочих, с другой стороны, она не хочет рвать и с капиталистами,—поэтому она так постыдно отрекается от июльской демонстрации рабочих и солдат.

С одной стороны, она за крестьян, с другой стороны, она не рвет и с помещиками,—поэтому она против немедленной передачи помещичьей земли крестьянам, предлагая ждать Учредительного Собрания, созыв которого отложен, быть может, навсегда.

На словах группа «Новая Жизнь» за мир, на деле,—против мира, ибо она призывает поддерживать «заем свободы», рассчитанный на продолжение империалистской войны.

Но кто поддерживает «заем свободы», тот способствует затягиванию войны, тот помогает империалистам, тот борется на деле с интернационализмом.

На словах группа «Новой Жизни» против репрессий и тюрем, на деле—за репрессии и тюрьмы, ибо она вошла в союз с оборонцами, поддерживающими и репрессии и тюрьмы.

Но кто вступает в союз с оборонцами, тот помогает контр-революции, тот борется на деле с революцией!

Учитесь, товарищи, распознавать людей по делам, а не по словам!

Учитесь оценивать партии и группы по поступкам, а не по посулам.

Если группа «Новой Жизни», предлагая борьбу за мир, в то же время призывает поддерживать «заем свободы», то так и знайте, что она льет воду на мельницу империалистов.

Если группа «Новой Жизни», заигрывая иногда с большевиками, поддерживает в то же время оборонцев, то так и знайте, что она льет воду на мельницу контр-революции

Голосовать за эту двойственную группу, голосовать за № 12, это значит пойти на службу к оборонцам, в свою очередь служащим контр-революции.

Товарищи! Ни одного голоса группе «Новой Жизни».

Наша партия есть партия городских и сельских рабочих, партия беднейших крестьян, партия угнетенных и эксплуатируемых.

Все буржуазные партии, все буржуазные газеты, все колеблющиеся и половинчатые группы ненавидят и клеветуют на нашу партию, — почему?

Потому, что:

Только наша партия стоит за революционную борьбу с помещиками и капиталистами;

Только наша партия стоит за немедленный переход помещичьих земель в руки крестьянских комитетов;

Только наша партия стоит за рабочий контроль в промышленности против всех капиталистов;

Только наша партия стоит за демократическую организацию обмена между городом и деревней против спекулянтов и мародеров;

Только наша партия стоит за полную ликвидацию контр-революции в тылу и на фронте;

Только наша партия отстаивает без колебаний революционные организации рабочих, крестьян и солдат;

Только наша партия борется решительно и революционно за мир и братство народов;

Только наша партия борется решительно и без колебаний за завоевание власти рабочими и крестьянской беднотой;

Только наша партия и только она не запятнала себя позором поддержки смертной казни на фронте.

Вот почему так ненавидят нашу партию буржуа и помещики.

Вот почему вы должны голосовать сегодня за нашу партию.

Рабочие, солдаты, работницы!

Голосуйте за нашу партию, за список № 6!

*«Пролетарий» № 7,
20 авг. (2 сент.) 1917 г.,
передовая без подписи.*

ПОЛОСА ПРОВОКАЦИИ.

Провокация — испытанное средство контр-революции.

Июньская бойня 48-го года, сдача Парижа в 1871 г., провокация в тылу и на фронте в целях борьбы с революцией, — кому не известны эти вероломные приемы буржуазии?

Но нигде в мире не пользовалась буржуазия этим отравленным средством так нагло и безгранично, как у нас в России.

Разве Рябушинский не угрожал недавно открыто и всенародно, что буржуазия в крайнем случае не преминет прибегнуть к помощи «костлявой руки голода и нищеты», чтобы сократить рабочих и крестьян?

И разве буржуазия уже не перешла от слов к делу, добившись закрытия заводов и фабрик, выбросив десятки тысяч рабочих на улицу?

Кто решится сказать, что это случайность, а не план, рассчитанный на то, чтобы спровоцировать бойню и потопить в крови революцию?

Но главная сфера провокации не тыл, а фронт.

Еще в марте месяце говорили о плане неких генералов сдать Ригу, при чем это не удалось им сделать по «независящим обстоятельствам».

В июле этого года русские войска очистили Тарнополь и Черновицы. Наймиты буржуазной печати в один голос обвиняли при этом солдат и нашу партию. И что же? Выясняется, что «отступление было спровоцировано», что «измена была разыграна, как по нотам, по заранее обдуманному, рассчитанному плану». При чем определенно указывают на некоторых генералов, организовавших автомобили, шнырявшие по армии и приказывавшие солдатам отступить.

Кто решится сказать, что контр-революционеры — краснобай, не ведающие, что творят?

Теперь дошла очередь до Риги. Телеграф принес известия о сдаче Риги. Наймиты буржуазной печати уже принялись травить солдат, якобы бегущих в беспорядке. Контр-

революционная ставка поет в один голос с «Вечерним Временем», стараясь взвалить вину на революционных солдат. Мы не удивимся, если сегодня начнутся на Невском манифестации с лозунгом: «Долой большевиков».

А между тем телеграммы Войтинского, помощника комиссара под Ригою, не оставляют сомнения в том, что на солдат клеветают.

«Перед лицом всей России свидетельствую, — телеграфирует Войтинский, — что войска честно исполняли все приказания командного состава, идя навстречу верной смерти».

Так пишет очевидец.

А Ставка все говорит о бегстве полков, клеветает на солдат.

А буржуазная печать все продолжает петь об «измене» на фронте.

Не ясно ли, что контр-революционные генералы и буржуазная печать, клеветает на солдат, исполняют какой-то план?

Не ясно ли, что этот план, как две капли воды, похож на другой план, разыгранный у Тарнополя и Черновиц?

Не ясно ли, наконец, что открывшаяся в России полоса провокации является орудием диктатуры империалистской буржуазии, полная ликвидация которой является первой задачей пролетариата и революционных солдат?

*«Пролетарий» № 8,
22 авг. (4 сент.) 1917 г.,
без подписи.*

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ПАРТИИ «СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ».

На последнем собрании Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов эсеры голосовали за отмену смертной казни и присоединились к протесту против ареста большевиков.

Это, конечно, очень хорошо и похвально.

Один только маленький вопрос мы позволим себе при этом поставить.

Кто же это ввел смертную казнь на фронте, кто арестовал большевиков?

Да ведь это эсеры (при благосклонном содействии кадетов и меньшевиков!). Насколько мы знаем, гражданин первый министр А. Ф. Керенский является членом партии социалистов-революционеров. Имя его украшает список кандидатов партии социалистов-революционеров на выборах в СПб городскую думу.

Насколько известно, гражданин Б. В. Савинков, товарищ военного министра, тоже является членом партии социалистов-революционеров.

А ведь именно два этих выдающихся «социалиста-революционера» и являются главными авторами восстановления смертной казни. (К ним следует присоединить еще генерала Корнилова, но этот последний в партию социалистов-революционеров пока еще не вступил.)

Далее мы знаем, что и гражданин Чернов, министр земледелия, то же как будто состоит членом партии социалистов-революционеров.

И, наконец, гражданин Н. Д. Авксентьев, министр внутренних дел, т.-е. лицо, занимающее рядом с Керенским самый видный пост в министерстве, тоже является членом партии социалистов-революционеров.

А ведь все эти высокопочтенные «социалисты-революционеры» и вводили смертную казнь и арестовывали большевиков.

Спрашивается: что же это за странное разделение труда в этой партии социалистов-революционеров, что одни ее члены всемерно протестуют против введения смертной казни, а другие собственными руками вводят ее?...

Удивительное дело! Мы так еще недавно скинули самодержавный строй, так еще недавно зажали «по-европейски», а между тем все худые стороны «европеизма» мы усвоили сразу. Возьмите любую буржуазно-радикальную партию, скажем, во Франции. Эта партия непременно называет себя социалистической: партия «радикал-социалистов», партия «независимых социалистов» и т. д. и т. п. Перед избирателями, перед массами, перед «низами» всегда рассыпаются «левые» фразы — особенно накануне выборов и особенно, когда теснит конкурирующая, действительно социалистиче-

ская партия. И в то же время «наверху» министры той же партии «радикал-социалистов» и «независимых социалистов» спокойно делают свое буржуазное дело, ни капельки не считаясь с социалистическими пожеланиями низов.

Так поступают теперь и социалисты-революционеры.

Счастливая партия! Кто ввел смертную казнь?— Социалисты-революционеры! Кто протестовал против смертной казни?— Социалисты-революционеры! Чего хочешь, того просишь... Таким поведением социалисты-революционеры надеются и невинность соблюсти (перед массами не потерять популярности) и капитал приобрести (министерские портфели сохранить).

Но скажут: в каждой партии бывают разногласия: одни ее члены думают так, а другие иначе. Да, но разногласия разногласиям рознь. Если одни за палачей, а другие против палачей, то примирить такие «разногласия» довольно трудно. И если притом за палачей стоят как раз ответственные вожди партии, министры, тут же проводящие свое мнение в жизнь, то о политике партии всякий политически мыслящий человек будет судить именно по деятельности этих министров, а не по той или иной резолюции протеста, к которой присоединились рядовые члены партии.

Позор остается несмытым. Партия социалистов-революционеров остается партией смертной казни, партией тюремщиков, арестующей вождей рабочего класса. Никогда эсерам не смыть с себя того позора, что смертную казнь восстановили виднейшие члены их партии. Никогда эсерам не смыть с себя того пятна, что их министерство поощрило гнусную клевету против вождей рабочей партии, что их министерство пыталось создать новое дело Дрейфуса...

*«Пролетарий» № 9,
23 авг. (5 сент.) 1917 г.,
без подписи.*

СОЮЗ ЖЕЛТЫХ.

Русская революция не есть нечто обособленное. Она кровно связана с революционным движением на Западе. Более того, она есть часть того великого движения проле-

тариев всех стран, которое призвано сокрушить самые основы мирового капитализма. Вполне понятно, что каждый шаг нашей революции неминуемо вызывает ответную волну на Западе, каждая ее победа—оживление и рост мирового революционного движения, спланивая рабочих всех стран к борьбе с капиталом.

Этого не могут не знать акулы западно-европейского империализма. Поэтому они решили объявить русской революции смертельную войну.

Еще в начале нашей революции открыли против нее поход англо-французские капиталисты. Их органы «Times» и «Matin» уже тогда носили революционные Советы и комитеты, призывая к их разгону.

Спустя два месяца после этого на тайной конференции в Швейцарии империалисты всех стран еще раз поставили вопрос о мерах борьбы с «разрастающейся революцией», направляя свои удары прежде всего против русской революции.

Теперь они переходят в открытую атаку. Поводом для этого берут поражение под Ригой. При чем, взваливая все на солдат, призывают к дальнейшему усилению контр-революции в России.

Послушайте телеграммы «Бирж. Ведомостей».

Телеграмма из Парижа:

«Отход, или верное бегство без боя второй армии и падение Риги вызывает здесь судорогу боли, негодования и отвращения.

«Matin» утверждает, что русские пацифисты, виновники этой катастрофы, оказались столь же бесталанными, как плохие советчики бывшего императора, и еще более вредными, чем они.

Газета заявляет, что не понимает упрямства Совета Р. и С. Д., вопреки столь трагическим предметным урокам продолжающего отстаивать столь нелепые учреждения, как армейские комитеты».

Так пишет орган французских капиталистов.

А вот и телеграмма из Лондона:

«Daily Chronicle» говорит: «Прежде всего необходимо восстановление дисциплины в армии. Своей быстрой

и столь важной победой германцы обязаны тем же самым причинам, которые позволяли им занять Галицию и Буковину, а именно — неподчинению приказам, изменничеству, наблюдающимся в русских войсках».

Так говорят империалисты Англии.

«...Бегство без боя...» «Нелепые армейские комитеты...» «Восстановление дисциплины» (мало им смертной казни!)...» «Изменничество в русских войсках...»

Вот какими комплиментами встречают эти денежные мешки истекающих кровью русских солдат!

И это после всеобщего признания очевидцев, что «армия, отступая, все время честно бьется с врагами», что «войска в районе прорыва беспрекословно и честно выполняют порученные им задачи!!!»

Но дело тут, конечно, не только в травле и низкой клевете на солдат.

Дело в том, что, клеветая на солдат, англо-французские капиталисты хотят использовать неудачу на фронте для окончательной ликвидации революционных организаций России, для окончательного торжества диктатуры империализма.

В этом вся суть.

Когда Пуришкевич и Милюков, проливая крокодиловые слезы по случаю падения Риги и клеветая на солдат, хулят в то же время Советы и комитеты, — то это значит, что они рады случаю требовать дальнейших репрессий для окончательного торжества помещиков и капиталистов.

Когда империалисты Запада, разглагольствуя о «судорогах боли» по случаю падения Риги и взваливая все на солдат, в то же время поносят «нелепые армейские комитеты», — то это значит, что они рады случаю добить последние остатки революционных организаций в России.

В этом и только в этом политический смысл объединенного похода лжи и клеветы против умирающих на северном фронте русских солдат.

Союз отечественных и европейских империалистов для использования военных неудач под Ригой путем клеветы

над солдатами против истекающей кровью русской революции,— вот каково теперь положение.

Пусть запомнят это рабочие и солдаты!

Пусть знают они, что только в союзе с рабочими Запада, только расшатав основы капитализма на Западе, можно будет рассчитывать на торжество революции в России!

Пусть знают они это и пусть приложат все усилия к тому, чтобы желтому союзу империалистов был противопоставлен красный союз революционных рабочих и солдат всех стран.

*«Рабочий» № 1,
25 авг. (7 сент.) 1917 г.,
передовая, без подписи.*

МЫ ТРЕБУЕМ.

События бегут. После Московского совещания — сдача Риги и требования о репрессиях. После неудавшейся травли солдат на фронте — провокаторские слухи «о заговоре большевиков» и новые требования о репрессиях. После разоблачения провокаторских слухов — открытое выступление Корнилова, требующего смещения Временного Правительства и провозглашения военной диктатуры. При чем партия Милюкова, партия народной свободы, уходит, как в июльские дни, из министерства, открыто поддерживая тем самым контр-революционный заговор Корнилова.

В результате — поход корниловских полков на Петроград с целью утверждения военной диктатуры, смещение Корнилова Временным Правительством, объявление Керенского о кризисе, уход Кишкина из партии к.-д., замешанной в заговоре, образование так называемой революционной Директории.

Итак:

Факт, что контр-революции нужен был «большевистский заговор» для того, чтобы расчистить дорогу Корнилову, идущему на Петроград якобы для «усмирения большевиков».

Факт, что вся буржуазная печать от «Русской Воли» и «Биржевки» до «Нового Времени» и «Речи» помогали

Корнилову, усиленно распространяя в эти дни слухи о «заговоре большевиков».

Факт, что нынешнее выступление Корнилова есть лишь продолжение известных происков контр-революционных, командных верхов, сдавших в июле Тарнополь, а в августе Ригу для того, чтобы использовать «неудачи» на фронте в целях «окончательного» торжества контр-революции.

Факт, что партия кадетов теперь, как и в июле, оказалась в одном лагере с предателями на фронте и злейшими контр-революционерами в тылу.

Наша партия была права, выставляя кадетов, как вдохновителей буржуазной контр-революции.

Наша партия была права, требуя решительной борьбы с контр-революцией и ареста «замешанных» лиц (Каледина и пр.) еще в первых числах июня.

Контр-революция началась не со вчерашнего дня и не в связи с заговором Корнилова. Она началась по крайней мере в июне, когда правительство, перейдя в наступление на фронте, стало проводить политику репрессий; когда контр-революционные генералы, сдав Тарнополь и взвалив всю вину на солдат, добились смертной казни на фронте; когда кадеты, саботируя министерство еще в июле и опираясь на поддержку союзного капитала, добились своей гегемонии внутри Временного Правительства; когда, наконец, вожди Ц.И.К. меньшевики и эсеры, вместо того, чтобы порвать с кадетами и объединиться с июльскими демонстрантами, обратили свое оружие против рабочих и солдат.

Это факт, отрицать который было бы смешно.

В происходящей теперь борьбе между коалиционным правительством и партией Корнилова выступают не революция и контр-революция, а два различных метода контр-революционной, политики, при чем партия Корнилова, злейший враг революции, не останавливается перед тем, чтобы, сдав Ригу, открыть поход против Петрограда для того, чтобы, подготовить условия для восстановления старого режима.

Рабочие и солдаты примут все меры к тому, чтобы дать решительный отпор контр-революционным бандам Корнилова, если они появятся в революционном Петрограде.

Рабочие и солдаты не допустят осквернения столицы России грязными руками врагов революции.

Они грудью будут отстаивать боевое знамя революции.

Но они будут отстаивать ее не для того, чтобы одну диктатуру, чуждую им по духу, заменить другой диктатурой, не менее чуждой им, но для того, чтобы проложить дорогу для полного торжества русской революции.

Теперь, когда страна задыхается в тисках разрухи и войны, а контр-революционное воронье готовит ей верную гибель, революция должна найти в себе силы и средства, необходимые для того, чтобы спасти ее от развала и разложения.

Не смена одних «правлящих» групп другими, и не игра в диктатуру нужна теперь, а полная ликвидация буржуазной контр-революции и решительные меры в интересах большинства народов России.

В этих видах партия требует:

1) Немедленного удаления контр-революционных генералов в тылу и на фронте, замены их выборными от солдат и офицеров и проведения, вообще, снизу доверху полной демократизации армии.

2) Восстановления революционных солдатских организаций, единственно способных установить демократическую дисциплину в армии.

3) Отмены всех и всяких репрессий, и в первую голову смертной казни.

4) Немедленной передачи всех помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.

5) Законодательного установления 8-часового рабочего дня и организации демократического контроля над фабриками, заводами, банками с преобладанием представителей от рабочих.

6) Полной демократизации финансового хозяйства, в первую голову — беспощадного обложения капиталов и имущества и конфискации скандальных военных барышей.

7) Организации правильного обмена между городом и деревней с тем, чтобы город получал нужные припасы, а деревня необходимые товары.

8) Немедленного провозглашения права народов России на самоопределение.

9) Восстановления свобод, декретирования демократической республики и немедленного созыва Учредительного Собрания.

10) Отмены тайных договоров с союзниками и предложения условий всеобщего демократического мира.

Партия заявляет, что без осуществления этих требований невозможно спасение революции, полгода задыхающейся в тисках войны и общей разрухи.

Партия заявляет, что единственным путем, необходимым для осуществления этих требований, является разрыв с капиталистами, полная ликвидация буржуазной контр-революции и переход власти в стране в руки революционных рабочих, крестьян и солдат.

Таков единственный выход, могущий спасти страну и революцию от краха.

*«Рабочий» № 4,
28 авг. (10 сент.) 1917 г.,
без подписи.*

ЗАГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Кто они? Вчера писали мы, что вдохновителями контр-революции являются кадеты. Мы опирались не только на «слухи», но и на общеизвестные факты выхода кадетов из министерства в критические минуты «сдачи» Тарнополя в июле и заговора Корнилова в августе. Ибо не могло быть случайностью, что в июле, как и в августе, кадеты оказались в одном лагере предателей на фронте и злейших контр-революционеров в тылу против русского народа.

Сегодня «Известия» и оборонцы, эти присяжные соглашатели с кадетами, без оговорок подтверждают наши вчерашние заявления о кадетях:

«Львов не скрыл, пишут оборонцы, что этого (т.-е. военной диктатуры) желает не только генерал Корни-

лов, но и известная группа общественных деятелей, находящихся в настоящий момент в Ставке» («Известия»).

Итак:

Факт, что Ставка есть штаб-квартира контр-революции.

Факт, что генеральный штаб контр-революции состоит из «известных общественных деятелей».

Кто же такие эти «общественные деятели»?

Слушайте дальше:

«С несомненностью установлена причастность к заговору целого ряда общественных деятелей, находящихся весьма близко в идейной и персональной связи с «представителями кадетской партии» («Известия»).

Итак:

Факт, что г.г. оборонцы, вчера еще лобызавшиеся с «живыми силами» страны в лице «представителей кадетской партии», сегодня вынуждены разжаловать их в заговорщиков против революции.

Факт, что заговор организован и направляется «представителями кадетской партии».

Наша партия была права, утверждая, что первым условием победы революции является разрыв с кадетами.

* * *

На что рассчитывают? Вчера мы писали, что партия Корнилова—злейший враг русской революции, что он, сдав Ригу, не остановится перед тем, чтобы сдать Петроград, лишь бы обеспечить победу контр-революции.

Сегодня «Известия» без оговорок подтверждают это наше заявление:

Начальник главного штаба генерал Лукомский, фактически являющийся душой мятежа, извещает о том, что междуусобная борьба на фронте, в случае несогласия Временного Правительства на требование генерала Корнилова, может вызвать прорыв фронта и появлению противника в тех местах, где мы меньше всего его ожидаем».

Неправда ли: это очень похоже на угрозу сдачи, скажем, Петрограда?

А вот еще более определенное заявление:

«Генерал Лукомский, очевидно, не остановится перед прямой изменой родине, добиваясь успеха заговора. Его угроза, что отказ исполнить требование генерала Корнилова повлечет за собой гражданскую войну на фронте, открытие фронта и позор сепаратного мира, не может быть рассматриваема иначе, как твердая решимость войти в соглашение с немцами для обеспечения успеха заговора».

Вы слышите: «соглашение с немцами», «открытие фронта», «сепаратный мир»...

«Причастные к заговору» кадеты, покрывающие своим пребыванием в Ставке «открытие фронта», «соглашение с немцами»,— вот где настоящие «предатели» и «изменники»!

Целыми месяцами обливали нашу партию грязью эти герои «открытия фронта», обвиняя в «измене», говоря о «немецких деньгах». Целые месяцы размазывали эту сказку желтые наймиты банков из «Нового Времени» и «Биржевки», из «Речи» и «Русской Воли». И что же? Тесперь даже оборонцы принуждены признать, что измена— на фронте— дело рук командного состава и его идейных вдохновителей.

Пусть помнят это рабочие и солдаты!

Пусть знают они, что провокаторские крики буржуазной печати об «измене» солдат и большевиков лишь прикрывали действительную измену генералов и «общественных деятелей» кадетской партии.

Пусть знают они, что когда буржуазная печать подымает вой об «измене» солдат, это верный признак того, что вдохновители этой печати уже подготовили измену, стараясь взвалить вину на солдат.

Пусть знают это рабочие и солдаты и делают из него соответствующие выводы.

Вы хотите знать, на что они рассчитывают?

Они рассчитывают на «открытие фронта» и «соглашение с немцами», думая идеей сепаратного мира увлечь за собой измученных войной солдат и потом двинуть их против революции.

Рабочие и солдаты поймут, что этим предателям из Ставки не должно быть пощады.

* * *

Заговор продолжается... События бегут. Новые факты и слухи с быстротой проносятся перед нами. Носятся слухи, еще не проверенные, о переговорах Корнилова с немцами. Определенно говорят о перестрелке корниловских полков с революционными солдатами под Питером. Появился «манифест» Корнилова, где он объявляет себя диктатором, врагом и могильщиком завоеваний русской революции.

А Временное Правительство, вместо того, чтобы встретить врагов по-вражески, предпочитает совещаться с ген. Алексеевым, еще и еще переговаривает с Корниловым, еще и еще уговаривает заговорщиков, открыто предающих Россию.

А так называемая «революционная демократия» готовится к новому «особому совещанию по образцу московского, на котором были бы представлены все живые силы страны» (см. «Известия»).

Вместе с тем кадеты, вчера еще кричавшие о «заговоре большевиков», сегодня, подбитые раскрытием заговора, призывают к «благоразумию» и «соглашению» (см. «Речь»).

Очевидно, хотят «наладить» новое соглашение с теми самыми «живыми силами», которые, крича о заговоре большевиков, сами организуют заговор против революции и русского народа.

Но они, эти соглашатели, сводят счет без хозяина. Ибо настоящий хозяин страны, рабочие и солдаты, не хотят иметь никаких совещаний с врагами революции. Сведения из районов и полков в один голос говорят о том, что рабочие мобилизуют силы, солдаты стоят под ружьем. Очевидно, рабочие предпочитают говорить с врагами по-вражески.

Иначе и не может быть: с врагами бьются, а не совещаются.

Заговор продолжается, — готовьтесь к отпору!

*«Рабочий» № 5,
28 авг. (10 сент.) 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ПРОТИВ СОГЛАШЕНИЙ.

Контр-революция помещиков и капиталистов сломлена, но она еще не добита.

Корниловские генералы разбиты, но торжество революции еще не обеспечено.

Почему?

Потому, что вместо беспощадной борьбы с врагами соглашатели ведут с ними переговоры.

Потому, что вместо разрыва с помещиками и капиталистами оборонцы устраивают с ними соглашения.

Потому, что вместо объявления их вне закона, правительство приглашает их в министерство.

На юге России генерал Каледин подымает восстание против революции, — а друга его, генерала Алексева, назначают начальником главного штаба.

В столице России партия Милюкова открыто поддерживает контр-революцию, — а представители ее, Маклаковы и Кишкины приглашаются в министерство.

Пора положить конец этому преступлению против революции!

Пора сказать решительно и бесповоротно, что с врагами нужно биться, а не соглашаться!

Против помещиков и капиталистов, против генералов и банкиров, за интересы народов России, за мир, за свободу, за землю!

Разрыв с буржуазией и помещиками — такова первая задача.

Создание правительства рабочих и крестьян — такова вторая задача.

*«Рабочий» № 9,
31 авг. (13 сент.) 1917 г.,
передана без подписи.*

КРИЗИС И ДИРЕКТОРИЯ.

После корниловского заговора и распада власти, после крушения заговора и создания министерства Керенского-Кишкина, после «нового» кризиса и «новых» переговоров

Церетели-Гоца все с тем же Керенским, — мы имеем накопец «новое» (совсем новое!) правительство из 5-ти.

Керенский, Терещенко, Верховский, Вердеревский и Никитин, «директория» из 5-ти — такова «новая» власть. «избранная» Керенским, утвержденная Керенским, ответственная перед Керенским и независимая от рабочих, крестьян и солдат.

Говорят о такой же независимости этой власти от кадетов, но это сущий пустяк. Ибо отсутствие официальных представителей кадетов в правительстве лишь прикрывает полную его зависимость от кадетов.

Для виду — эсер Керенский, верховный главнокомандующий. На деле — ставленник кадетов, генерал Алексеев, получивший в свои руки штаб, т.-е. все нити фронта.

Для виду — «левая» директория, независимая (не шутите!) от кадетов. На деле — ставленники кадетов, управляющие министерствами и фактически ведающие всеми делами государства.

На словах — разрыв с кадетами. На деле — соглашение с ставленниками кадетов в тылу и на фронте.

Директория, как ширма, прикрывающая союз с кадетами; диктатура Керенского, как маска, заслоняющая от народного возмущения диктатуру помещиков и капиталистов — вот какова теперь картина.

А впереди — новое совещание из представителей «живых сил», где г.г. Церетели и Авксентьевы, эти присяжные соглашатели, постараются налаженное вчера скрытое соглашение с кадетами превратить в явное и определенное на радость врагам рабочих и крестьян.

За последние шесть месяцев три раза переживала наша страна острый кризис власти. Каждый раз кризис разрешался соглашением с буржуазией, при чем каждый раз рабочие и крестьяне оказывались одуроченными.

Почему?

Потому, что мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, вмешиваясь в борьбу за власть, каждый раз становились на сторону помещиков и капиталистов, решая тяжбу в пользу кадетов.

Заговор Корнилова вскрыл всю контр-революционность кадетов. Три дня кричали оборонцы об измене кадетов, три дня кричали они о нежизненности коалиции, распавшейся при первом же столкновении с контр-революцией. И что же? После всего этого они не нашли ничего лучшего, как принять замаскированную коалицию с теми же оплеванными кадетами.

Не далее как вчера оборонческое большинство Ц. И. К. своим голосованием решило «поддерживать» директорию из 5-ти, возникшую в результате закулисных соглашений с кадетами в ущерб основным интересам рабочих и крестьян.

В этот день, в день обостренного кризиса власти, в день усиленной борьбы за власть пред лицом поверженного в прах Корнилова, меньшевики и эсеры еще раз помогли помещикам и капиталистам удержать власть в своих руках, еще раз помогли контр-революционным кадетам одурачить рабочих и крестьян.

Таков и только таков политический смысл вчерашнего голосования в Ц. И. К.

Пусть знают это рабочие, пусть знают это крестьяне и пусть делают они из этого соответствующие выводы.

Скрытая коалиция сегодняшнего дня не прочна, так же, как непрочны были открытые коалиции вчерашнего дня: нельзя устроить прочного соглашения между помещиком и крестьянином, капиталистом и рабочим. В виду этого, борьба за власть не только не кончена, но, наоборот, — все более усиливается и обостряется.

Пусть знают рабочие, что в этой борьбе они неминуемо будут терпеть поражение до тех пор, пока эсеры и меньшевики пользуются влиянием в массах.

Пусть помнят рабочие, что для взятия власти необходимо оторвать массы крестьян и солдат от соглашателей эсеров и меньшевиков, сплачивая их вокруг революционного пролетариата.

Пусть помнят они это и пусть открывают глаза крестьянам и рабочим, разоблачая перед ними предательство эсеров и меньшевиков.

Беспощадная борьба с эсеровско-меньшевистским влиянием в массах, неустанная работа по сплочению крестьян и солдат вокруг знамени партии пролетариата—таков урок только что пережитого кризиса.

*«Рабочий Путь» № 1,
3 (16) сентября 1917 г.
передовая, без подписи.*

СВОИМ ПУТЕМ.

Слабость революции 48-го года в Германии Маркс объяснял, между прочим, тем, что там не было сильной контр-революции, которая бы подстегивала революцию и укрепляла ее в огне борьбы.

Мы, русские, не вправе жаловаться в этом отношении на судьбу, ибо у нас есть контр-революция и притом довольно основательная. А последние выступления генеральско-буржуазной контр-революции и ответная волна революционного движения с особенной ясностью показали, что революция растет и крепнет именно в схватках с контр-революцией.

В огне этих схваток ожили и развернулись умершие было Советы и комитеты, разбитые происками буржуазии в июле — августе.

На плечах этих организаций поднялась революция до торжества над контр-революцией.

Теперь, когда корниловщина отступает в беспорядке, а Керенский бесцеремонно присваивает чужие лавры, — теперь особенно ясно, что без этих организаций, железнодорожных, солдатских, матросских, крестьянских, рабочих, почтово-телеграфных и прочих «самочинных» комитетов, без их революционного почина и боевой самодеятельности революция была бы сметена.

Тем с большим уважением следовало бы относиться к этим организациям. Тем энергичнее должна быть наша работа по укреплению и расширению этих организаций. Пусть живут и развиваются, пусть крепнут и побеждают «самочинные» комитеты — вот каков должен быть лозунг друзей революции.

Только враги, только заклятые враги русского народа могли бы посягнуть на целостность этих организаций.

Между тем правительство Керенского с первых же дней выступления контр-революции взяло под подозрение «самочинные» комитеты. Неспособное и нежелавшее бороться с корниловщиной, боящееся массы и массового движения больше чем контр-революции, оно с первых же дней корниловских выступлений чинило препятствия питерскому комитету народной борьбы с контр-революцией. И этот саботаж дела борьбы с корниловщиной оно продолжало все время.

Но этого мало. Четвертого сентября правительство Керенского издало специальный приказ, где оно объявляет революционным комитетам открытую войну, ставя их вне закона. Третируя деятельность этих комитетов, как «самоуправление действия», оно заявляет, что:

«самочинных действий в дальнейшем допускаемо быть не должно и Вр. Пр-во будет с ними бороться, как с действиями самоуправными и вредными республике».

Керенский, очевидно, забыл, что «директория» еще не заменена «консулатом», а он не первый консул республики российской.

Керенский, очевидно, не знает, что между «директорией» и «консулатом» был государственный переворот, который нужно было бы произвести раньше, чем издавать такие приказы.

Керенский не знает, что в борьбе с «самоуправными» комитетами в тылу и на фронте ему пришлось бы опереться на Калединых и Корниловых, и только на них, причем о судьбе этих последних следовало бы ему во всяком случае помнить...

Мы убеждены, что революционные комитеты дадут достойный отпор этому удару в спину со стороны Керенского.

Мы выражаем твердую уверенность, что революционные комитеты не сойдут со своего пути на благо и победу революции.

И если пути «директории» и революционных комитетов окончательно разошлись, тем хуже для «директории».

Контр-революционная опасность еще не миновала. — да здравствуют революционные комитеты!

*«Рабочий Путь» № 3,
6 (19) сентября 1917 г.,
предваряя, без подписи.*

О РАЗРЫВЕ С КАДЕТАМИ.

Корниловщина имеет не только отрицательную сторону. Она, как и всякое явление в жизни, имеет и свою положительную сторону. Корниловщина покушалась на самую жизнь революции. Это несомненно. Но, посягая на революцию и приведя в движение все силы общества, она тем самым, с одной стороны, подстегнув революцию, толкнула ее к большей активности и организованности, с другой стороны — раскрыла истинную природу классов и партий, сорвала с них маску, помогла разглядеть их подлинную физиономию.

Корниловщине обязаны тем, что Советы в тылу и комитеты на фронте, переставшие было существовать, мигом ожили и развернули свою деятельность.

Корниловщине обязаны тем, что о контр-революционности кадетов заговорили теперь все, не исключая и тех, которые вчера еще «судорожно» добивались соглашения с ними.

Это факт, что «после всего случившегося» даже эсеры и меньшевики не считают больше допустимым коалицию с кадетами.

Это факт, что даже «директория» из пяти, составленная Керенским, должна была обойтись без официальных представителей кадетов.

Можно подумать, что разрыв с кадетами стал заповедью «демократических» партий.

В этом положительная сторона корниловщины.

Но что значит порвать с кадетами?

Допустим, что эсеры и меньшевики «окончательно» порвали с кадетами, как с членами известной партии. Зна-

чит ли это, что они порвали тем самым с политикой кадетов, как представителей империалистской буржуазии?

Нет, не значит.

Допустим, что на предстоящем 12 августа совещании оборонцы создадут новую власть без кадетов, а Керенский подчинится такому решению. Значит ли это, что они порвали тем самым с политикой кадетов, как представителей империалистской буржуазии?

Нет, не значит.

Французская империалистская республика дает массу примеров того, как представители капитала, сами не входя в министерство, «пускают» туда мелкобуржуазных «социалистов» для того, чтобы, спрятавшись за кулисами и действуя чужими руками, беспрепятственно грабить страну. Мы знаем из истории, как финансовые тузы Франции, выдвигая во главе министерства «социалистов» (Бриан! Вивiani!), а сами стоя за их спиной, с успехом проводили политику своего класса.

Вполне возможно существование такого не кадетского министерства и в России, которое сочтет нужным проводить кадетскую политику, как единственно возможную, в силу, скажем, давления союзного капитала, данницей которой становится Россия, или в силу других обстоятельств.

Нечего и говорить, что на худой конец кадеты ничего не будут иметь против такого министерства, ибо не все ли равно, в конце концов, кто проводит кадетскую политику: лишь бы она проводилась!

Очевидно, центр тяжести вопроса не в личном составе правительства, а в его политике.

Поэтому кто хочет действительно, а не для виду только, порвать с кадетами, тот должен прежде всего порвать с политикой кадетов.

Но порвать с политикой кадетов — это значит порвать с помещиками и передать их землю крестьянским комитетам, не останавливаясь перед тем, что такая мера нанесет тяжкий удар некоторым всесильным банкам.

Порвать с политикой кадетов — это значит порвать с капиталистами и поставить рабочий контроль над про-

изводством и распределением, не останавливаясь перед тем, что для этого придется посягнуть на прибыли капиталистов.

Порвать с политикой кадетов — это значит порвать с грабительской войной и тайными договорами, не останавливаясь перед тем, что такая мера нанесет тяжкий удар империалистским кликам союзников.

Могут ли пойти меньшевики и эсеры на такой коренной разрыв с кадетами?

Нет, не могут. Ибо они перестали бы тогда быть оборонцами, т.е. сторонниками войны на фронте и классового мира в тылу.

К чему же сводится в таком случае непрекращающаяся шумиха меньшевиков и эсеров о разрыве с кадетами?

К словесному разрыву с кадетами, и — только!

Дело в том, что после провала корниловского заговора, после разоблачения контр-революционной природы партии Милюкова, открытое соглашение с этой партией стало крайне непопулярным среди рабочих и солдат: стоит меньшевикам и эсерам пойти на такое соглашение, и они мигом растеряют последние остатки былой армии. Поэтому вместо открытого соглашения им приходится идти на соглашение замаскированное. Отсюда шумиха о разрыве с кадетами, прикрывающая закулисное соглашение с кадетами. Для виду — долой кадетов! На деле — союз с кадетами! Для виду — министерство без кадетов! На деле — министерство для кадетов, отечественных и союзных, диктующих свою волю «власть имущим».

Но из этого следует, что Россия вступила в ту полосу политического развития, когда открытое соглашение с империалистской буржуазией становится рискованным. Мы переживаем период социал-оборонческих, не-кадетских по составу, министерств, призванных тем не менее творить волю империалистской буржуазии.

Появившаяся на-днях «директория» представляет первую попытку создания такого министерства.

Надо думать, что назначенное на 12-е сентября совещание, если оно не кончится фарсом, попытается создать такое же, должно быть, «более левое» министерство.

Обязанность передовых рабочих — сорвать маску с таких не-кадетских министров и показать массам их действительную кадетскую сущность.

*«Рабочий Путь» № 3,
6 (19) сентября 1919 г.,
за подписью К. Ст.*

ВТОРАЯ ВОЛНА.

Первая волна русской революции началась под флагом борьбы с царизмом. Основными силами революции выступали тогда рабочие и солдаты. Но они не были единственными силами. Наряду с ними «выступали» еще либеральные буржуа (кадеты) и англо-французские капиталисты, из коих первые отошли от царизма из-за его неспособности проложить дорогу к Константинополю, а вторые изменили царизму из-за его стремления к сепаратному миру с Германией.

Таким образом сложилась некая скрытая коалиция, под напором которой царизм должен был сойти со сцены. Причем на другой же день после падения царизма эта скрытая коалиция стала открытой, приняв форму определенного договора между Временным Правительством и Петроградским Советом, между кадетами и «революционной демократией».

Но силы эти преследовали совершенно различные цели. В то время, как кадеты и англо-французские капиталисты хотели проделать лишь малую революцию для того, чтобы использовать революционное воодушевление масс в целях большой империалистской войны, — рабочие и солдаты добивались, наоборот, коренной ломки старого режима и полной победы великой революции с тем, чтобы, опрокинув помещиков и обуздав империалистскую буржуазию, добиться окончания войны, обеспечить справедливый мир.

Это коренное противоречие легло в основу дальнейшего развития революции. Оно же предопределило непрочность коалиции с кадетами.

Выражением этого противоречия являются все так называемые кризисы власти, вплоть до последнего, августовского.

И если в ходе этих кризисов успех каждый раз оказывается на стороне империалистской буржуазии, если после каждого «разрешения» кризиса рабочие и солдаты оказывались обманутыми, а коалиция в той или иной форме — все же сохранившейся, то это объясняется не только высокой организованностью и финансовой мощью империалистской буржуазии, но и тем, что колеблющиеся верхи мелкой буржуазии и их партии эсеров и меньшевиков, пока еще ведущие за собой широкие массы мелкой буржуазии нашей вообще мелкобуржуазной страны, каждый раз становились «по ту сторону баррикады», решая борьбу за власть в пользу кадетов.

Наибольшей силы достигла коалиция с кадетами в июльские дни, когда члены коалиции выступили единым боевым фронтом, обратив свое оружие против «большевистских» рабочих и солдат.

Московское совещание явилось в этом отношении лишь эхом июльских дней, при чем недопущение большевиков на совещание призвано было служить залогом, необходимым для скрепления «честной коалиции» с «живыми силами» страны.

Изоляция большевиков рассматривалась, как необходимое условие прочности коалиции с кадетами.

Так обстояло дело до корниловского восстания.

С выступлением Корнилова картина меняется.

Уже на Московском совещании стало ясно, что союз с кадетами грозит превратиться в союз с Корниловыми и Каледиными против... не большевиков только, но и всей русской революции, против самого существования завоеваний революции. Бойкот Московского совещания и забастовка-протест московских рабочих, сорвавшие маску с контрреволюционного сборища и расстроившие планы заговорщиков, послужили тогда не только предупреждением в этом смысле, но призывом — быть готовым. Известно, что призыв не остался гласом вопиющего в пустыне: целый ряд городов отозвался тогда же забастовкой-протестом...

Это было грозным предзнаменованием.

Корниловское восстание лишь открыло клапан для накопившегося революционного возмущения, оно только раз-

вязало связанную было революцию, подстегнув и толкнув ее вперед.

И здесь, в огне схваток с контр-революционными силами, где слова и посулы проверяются на живом деле прямой борьбы, — здесь сказались настоящие друзья и враги революции, настоящие союзники и изменники рабочих, крестьян, солдат.

Временное Правительство, так старательно сшитое из разнородных материалов, при первом же дуновении корниловского восстания расплывается по швам.

«Печально», но факт: коалиция выглядит силой, когда нужно болтать о «спасении революции», — коалиция оказывается пустышкой, когда нужно действительно спасти революцию от смертельной опасности.

Кадеты уходят из министерства, открыто солидаризуясь с корниловцами. Все империалисты всех цветов и степеней, банкиры и фабриканты, заводчики и спекулянты, помещики и генералы, разбойники пера из «Нового Времени» и трусливые провокаторы из «Биржевки», — все они во главе с партией кадетов и в союзе с англо-французскими империалистскими кликами оказываются в одном лагере с контр-революционерами, против революции и ее завоеваний.

Становится ясным, что союз с кадетами есть союз с помещиками против крестьян, с капиталистами против рабочих, с генералами против солдат.

Становится ясным, что кто соглашается с Милюковым, тот соглашается тем самым с Корниловым, тот должен выступить против революции, ибо Милюков и Корнилов — «едины суть».

Смутное сознание этой истины и ложится в основу нового массового революционного движения, в основу второй волны русской революции.

И если первая волна оканчивается триумфом коалиции с кадетами (Московское совещание!), то вторая начинается крахом этой коалиции, открытой войной против кадетов.

В этом вся суть.

В борьбе с генеральско-кадетской контр-революцией оживают и крепнут умершие было Советы и комитеты в тылу и на фронте.

В борьбе с генеральско-кадетской контр-революцией возникают новые революционные комитеты рабочих и солдат, матросов и крестьян, железнодорожников и почтово-телеграфных служащих.

В огне этой борьбы формируются новые органы власти на местах, в Москве и на Кавказе, в Питере и на Урале, в Одессе и Харькове.

Дело тут не в новых резолюциях эсеров и меньшевиков, несомненно полевевших за эти дни, что само по себе имеет, конечно, не малое значение.

Дело также не в «победе большевизма», призраком которого шантажирует буржуазная печать перепуганных филистеров из «Дни» и «Воля Народа».

Дело в том, что в борьбе с кадетами и вопреки им вырастает новая власть, в открытой схватке победившая отряды контр-революции.

Дело в том, что эта власть, переходя от обороны к нападению, неминуемо задевает насущные интересы помещиков и капиталистов, сплачивая тем самым вокруг себя широкие массы рабочих крестьян.

Дело в том, что, действуя таким образом, эта «непризнанная» власть вынуждена силой вещей поставить вопрос о своей «легализации», при чем «официальная» власть, обнаружившая явное родство с контр-революционными заговорщиками, оказывается без твердой почвы под ногами.

Дело в том, наконец, что перед лицом новой волны революции, стремительно охватывающей новые города и области, правительство Керенского, вчера еще боявшееся решительной борьбы с контр-революцией, сегодня уже объединяется с Корниловым и корниловцами в тылу и на фронте, «приказывая» в то же время распустить очаги революции, «самочинные» комитеты рабочих, солдат и крестьян.

И чем основательнее спевается Керенский с Корниловыми и Камединными, тем шире становится трещина между

массами и правительством, тем вероятнее разрыв между Советами и ставленниками кадетов.

В этих фактах, а не в резолюциях отдельных партий — смертный приговор старым соглашательским лозунгам.

Мы далеки от того, чтобы переоценивать степень разрыва с кадетами. Мы знаем, что разрыв этот пока еще лишь формальный. Но и такой разрыв, как начало, — крупнейший шаг вперед. Остальное, надо думать, доделают сами кадеты. Они уже бойкотируют Демократическое совещание. Представители торговли и промышленности, которых хотели «завлечь в свои сети» хитрые стратеги Ц. Исп. К-га, пошли по стопам кадетов. Надо думать, что они пойдут дальше, продолжая закрывать заводы и фабрики, отказывая в кредите органам «демократии», намеренно обостряя разруху и голод. При чем «демократия», борясь с разрухой и голодом, неминуемо будет втягиваться в решительную борьбу с буржуазией, углубляя свой разрыв с кадетами...

В этой перспективе и в такой связи созываемое на 12 сентября Демократическое совещание приобретает особо симптоматическое значение. Чем кончится совещание, «возьмет» ли оно власть, «уступит» ли Керенский. — все это вопросы, отвечать на которые нет пока возможности. Возможно, что инициаторы совещания постараются найти какую-либо хитрую формулу «соглашения». Но дело не в этом, конечно. Коренные вопросы революции, особенно же вопрос о власти, решаются не на совещаниях. Но одно несомненно, — это то, что совещание подведет итог событиям последних дней, оно даст подсчет сил, оно вскрыет разницу между первой, отошедшей и второй, назревающей волной русской революции.

И мы узнаем, что:

Там, при первой волне, — борьба с царизмом и его остатками. Здесь, при второй волне, — борьба с помещиками и капиталистами.

Там — союз с кадетами. Здесь — разрыв с ними.

Там — изоляция большевиков. Здесь — изоляция кадетов.

Там — союз с англо-французским капиталом и война. Здесь — назревающий разрыв с ним и мир, мир справедливый и всеобщий.

Таким, и только таким, путем пойдет вторая волна революции, что бы там ни решало совещание.

*«Рабочий Путь» № 6,
9 (22) сентября 1917 г.,
на подписью К. Сталина.*

ДВЕ ЛИНИИ.

Основной вопрос революции есть вопрос о власти. Характер революции, ход и исход ее, целиком определяется тем, в чьих руках власть, какой класс стоит у власти. Так называемый кризис власти есть не что иное, как внешнее выражение борьбы классов за власть. Революционная эпоха тем, собственно, и замечательна, что борьба за власть принимает здесь наиболее острый и обнаженный характер. Отсюда «хронический» кризис власти у нас, обостряемый к тому же войной, разрухой, голодом. Отсюда тот «поразительный» факт, что ни одно «совещание», ни один «съезд» не обходится в наши дни без вопроса о власти.

Не могло обойтись без этого вопроса и заседающее в Александринском театре совещание.

Две линии наметились по вопросу о власти на этом совещании.

Первая линия — это линия открытой коалиции с партией кадетов. Ее проповедуют оборонцы из меньшевиков и эсеров. Ее защищал на совещании присяжный соглашатель Церетели.

Вторая линия — это линия коренного разрыва с партией кадетов. Ее проповедуют наша партия и интернационалисты из эсеров и меньшевиков. Ее защищал на совещании тов. Каменев.

Первая линия ведет к утверждению власти империалистской буржуазии над народом. Ибо опыт коалиционного министерства показал, что коалиция с кадетами есть господство помещика над крестьянином, которому не дают землю,

господство капиталиста над рабочим, которого обрекают на безработицу, господство меньшинства над большинством, которое отдают на съедение войне и разрухе, голоду и разорению.

Вторая линия ведет к утверждению власти народа над помещиками и капиталистами. Ибо порвать с партией кадетов — это именно и значит обеспечить землю крестьянам, контроль — рабочим, справедливый мир трудящемуся большинству.

Первая линия выражает доверие существующему правительству, оставляя в его руках всю полноту власти.

Вторая — выражает ему недоверие, ратуя за переход власти в руки прямых представителей рабочих, крестьянских и солдатских Советов.

Есть люди, мечтающие о примирении этих двух непримиримых линий. Таков, например, Чернов, выступивший на совещании против кадетов, но за коалицию с капиталистами, если (!) капиталисты откажутся (!) от своих интересов. Внутренняя фальшь черновской «позиции» ясна сама собой, но дело здесь не в противоречивости позиции, а в том, что она контрабандою протаскивает черетелевский хлам о коалиции с партией кадетов.

Ибо она открывает путь Керенскому, «исходя из платформы совещания», «пополнять» министерство разными Бурьшкиными и Кишкиными, которые готовы подписать любую платформу для того, чтобы не проводить ее в жизнь.

Ибо она, эта самая фальшивая «позиция» облегчает Керенскому борьбу с Советами и комитетами, давая ему в руки оружие в виде совещательного «предпарламента».

«Линия» Чернова есть та же самая линия Черетели, но «хитро» замаскированная для того, чтобы уловить в сети «коалиции» кое-кого из простаков.

Есть основание предположить, что совещание пойдет по стопам Чернова.

Но совещание не есть последняя инстанция.

Обрисованные выше две линии выражают лишь то, что есть в жизни. А в жизни мы имеем не одну, а две власти.

власть официальную. Директорию. и власть неофициальную. власть Советов.

Борьба между этими двумя властями, пока еще глухая и неосознанная, — вот характерная черта момента.

Совещание призвано, повидимому, послужить той лишней гирей, которая решает вопрос о власти в пользу Директории.

На пусть знают г. г. скрытые и явные соглашатели, что кто выступает за Директорию, тот утверждает власть буржуазии, тот неминуемо вступает в конфликт с рабочими и солдатскими массами, тот должен выступить против Советов и комитетов.

Г. г. соглашатели не могут не знать, что последнее слово принадлежит революционным комитетам и Советам.

*«Рабочий Путь» № 12,
16 (29) сентября 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ.

Революция идет. Обстрелянная в июльские дни и «похороненная» на Московском совещании, она вновь подымает голову, ломая старые преграды, творя новую власть. Первая линия окопов контр-революции взята. Вслед за Корниловым отступает Каледин. В огне борьбы оживают умершие было Советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы.

Вся власть Советам — таков лозунг нового движения.

На борьбу с новым движением выступает правительство Керенского. Уже в первые дни корниловского восстания пригрозило оно роспуском революционных комитетов, третируя борьбу с корниловщиной «самоуправством». С тех пор борьба с комитетами все усиливалась, переходя в последнее время в открытую войну.

Симферопольский Совет арестовывает соучастника корниловского заговора, небезызвестного Рябушинского. А правительство Керенского, в ответ на это, делает распоряжение о «принятии мер к освобождению Рябушинского и о при-

влечении лиц, подвергших его незаконному аресту, к ответственности» («Речь»).

В Ташкенте вся власть переходит в руки Совета, при чем старые власти смещаются. А правительство Керенского, в ответ на это, «принимает ряд мер, которые держатся пока в секрете, но которые должны будут самым отрезвляющим образом подействовать на зарвавшихся деятелей Ташкентского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» («Русские Ведомости»).

Советы требуют строгого и всестороннего расследования дела Корнилова и его сподвижников. А правительство Керенского, в ответ на это, «суживает следствие незначительным кругом лиц, не используя некоторых очень важных источников, которые дали бы возможность квалифицировать преступление Корнилова, как измену родине, а не только как мятеж» (Доклад Шубникова, «Новая Жизнь»).

Советы требуют разрыва с буржуазией и в первую голову с кадетами. А правительство Керенского, в ответ на это, ведет переговоры с Кишкиными и Коноваловыми, приглашая их в министерство, провозглашая «независимость» правительства от Советов.

Вся власть империалистской буржуазии — таков лозунг правительства Керенского.

Сомнения невозможны. Перед нами две власти: власть Керенского и его правительства, и власть Советов и комитетов.

Борьба между этими двумя властями — вот характерная черта переживаемого момента.

Либо власть правительства Керенского, — и тогда господство помещиков и капиталистов, война и разруха.

Либо власть Советов, — и тогда господство рабочих и крестьян, мир и ликвидация разрухи.

Так и только так ставит вопрос сама жизнь.

При каждом кризисе власти ставился этот вопрос революцией. Каждый раз увиливали г.г. соглашатели от прямого ответа и, увильвая, отдавали власть врагам. Созывая совещание, вместо съезда Советов, соглашатели хотели еще раз увильнуть, уступая власть буржуазии. Но они ошиблись в расчете. Настало время, когда больше увильвать нельзя.

На прямой вопрос, поставленный жизнью, требуется ясный и определенный ответ.

За Советы или против них!

Пусть выбирают г.г. соглашатели.

*«Рабочий Путь» № 13,
17 (30) сентября 1917 г.,
передовая, без подписи.*

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ФРОНТЕ.

Большевиками недовольны эсеры из «Дела Народа». Большевиков ругают, большевиков поносят, большевикам, наконец, угрожают. «За что? За «безудержную демагогию», за «фракционное сектантство», за «раскольничество», за отсутствие «революционной дисциплины». Короче: за то, что большевики против единства с эсерами из «Дела Народа».

Единство с эсерами из «Дела Народа»... Но судите сами. Возможно ли теперь такое единство.

В то время, как совещание в Питере истекает в словопрениях, а инициаторы совещания спешно вырабатывают формулы «спасения» революции, между тем, как правительство Керенского, поощряемое Бьюкененом - Милюковым, продолжает идти «своим» путем, — в России происходит решающий процесс выростания новой власти, действительно народной, действительно революционной, ведущей отчаянную борьбу за существование. С одной стороны — Советы, стоящие во главе революции, во главе борьбы с контрреволюцией, которая еще не разбита, которая только отступила, благоразумно спрятавшись за спиной правительства. С другой стороны — правительство Керенского, которое покрывает контр-революционеров, которое сговаривается с корниловцами (кадеты!), которое объявило войну Советам, стараясь их разбить, чтобы самому не быть разбитым.

Кто победит в этой борьбе — в этом теперь вся суть.

Либо власть Советов и тогда — победа революции и справедливый мир.

Либо власть правительства Керенского и тогда — победа контр-революции и «война до полного»... истощения России.

Совещание, не решая вопроса, лишь отражает эту борьбу и отражает, конечно, с большим опозданием.

Поэтому основное теперь не в выработке общей формулы «спасения» революции, — а в прямой поддержке Советов в их борьбе с правительством Керенского.

Вы хотите единого революционного фронта? Поддержите Советы, порвите с правительством Керенского и единство придет само собой. Единство фронта складывается не в результате прений, а в ходе борьбы.

Советы требуют смещения кадетских комиссаров. А правительство Керенского навязывает им неугодных комиссаров, угрожая силой...

За кого вы стоите, граждане из «Дела Народа», за Советы или за комиссаров Керенского?

В Ташкенте Совет, состоящий в своем большинстве из эсеров, взял власть в свои руки, сместив старых чиновников. А правительство Керенского посылает туда карательную экспедицию, требуя восстановления старой власти, «наказания» Совета и пр...

За кого вы стоите, граждане из «Дела Народа», за Ташкентский Совет или за карательную экспедицию Керенского.

— Ответа нет. Ибо мы не знаем ни одного протеста, ни одного акта борьбы со стороны последователей «Дела Народа» против этих контр-революционных упражнений г. Керенского.

Невероятно, но факт. Сидящий в Директории питерский эсер Керенский, вооружившись «пулеметами», выступает походом против эсеров, сидящих в Ташкентском Совете, а центральный орган партии эсеров «Дело Народа» глубоко-мысленно молчит, как будто это его не касается! Эсер Керенский собирается резаться с эсерами из Ташкента, а «Дело Народа», печатая погромный «приказ» Керенского находит возможным обойти его молчанием, соблюдая, очевидно, «нейтралитет»!

Но что это за партия, члены которой доходят до взаимной резни при явном попустительстве со стороны ее центрального органа.

Нам говорят об единстве революционного фронта. Но единство с кем?

С партией эсеров, у которой нет мнения, ибо она молчит?

С группой Керенского, которая собирается громить Советы?

Или с группой ташкентских эсеров, которые творят новую власть во имя революции и ее завоеваний?

Мы готовы поддержать Ташкентский Совет, мы будем бороться в одних рядах с революционными эсерами, с ними у нас будет единый фронт.

Но поймут ли когда-либо граждане из «Дела Народа», что нельзя одновременно поддерживать и ташкентцев и Керенского, ибо кто поддерживает ташкентцев, тот рвет с Керенским?

Поймут ли они когда-либо, что, не порывая с правительством Керенского и соблюдая «нейтралитет», они тем самым изменяют делу своих ташкентских товарищей?

Поймут ли они когда-нибудь, что раньше, чем требовать единства фронта с большевиками, надо сначала у себя дома, в своей же партии, установить это единство, определенно порвав либо с Керенским, либо с левыми эсерами?

Вы хотите единства фронта с большевиками? Порвите с правительством Керенского, поддержите Советы в их борьбе за власть — и единство будет.

Почему сложилось единство так легко и просто в дни корниловского восстания?

Потому, что оно возникло тогда не в результате нескончаемых прений, а в ходе прямой борьбы с контр-революцией.

Контр-революция еще не разбита. Она только отступила, спрятавшись за спиной правительства Керенского. Революция должна взять и эту, вторую, линию окопов контр-революции, если она хочет победить. Успешная борьба Советов за власть — это именно и есть начало конца этой победы. Кто не хочет попасть «по ту сторону баррикады», кто не хочет попасть под обстрел Советов, кто хочет победы революции, тот должен порвать с правительством Керенского, тот должен поддержать борьбу Советов.

Вы хотите единства революционного фронта?

Поддержите Советы против Директории, поддержите борьбу с контр-революцией решительно и до конца, — и тогда единство сложится само собой, просто и естественно, как это имело место в дни корниловского восстания

С Советами или против них? — выбирайте, граждане из «Дела Народа»!

*«Рабочий Путь» № 14,
19 сентября (2 окт.) 1917 г.,
передовая, без подписи.*

КУЮТ ЦЕПИ.

Соглашательская машина заработала. Зимний дворец, этот политический дом свиданий, полон гостей. Кого только нет здесь? Московские корниловцы и питерские савинковцы, корниловский «министр» Набоков и герой разоружения Церетели, заклятый враг Советов Кишкин и знаменитый локаутчик Коновалов, представители партии политических дезертиров (кадеты!) и кооператорские зубры из породы Беркенгейма, представители партии карательных экспедиций (эсеры!) и правые земцы вроде Душечкина, политические сводники из Директории и известные толсто-сумы из «общественных деятелей», — вот они, достопочтенные гости.

С одной стороны — кадеты и промышленники.

С другой стороны — оборонцы и кооператоры.

Там промышленники, как опора и армия кадетов.

Здесь кооператоры, как опора и армия оборонцев, ибо после того, как оборонцы растеряли Советы, они должны были перейти на старые позиции, к кооператорам.

— «Отсеките от себя большевиков» и тогда «у буржуазии и демократии будет общий фронт», — говорит оборонцам Кишкин.

— Рады стараться, — отвечает Авксентьев, — но дайте сначала установить «государственную точку зрения».

— «Буржуазии следует считаться с ростом большевизма и заботиться о создании коалиционной власти не менее, чем демократии», — подсказывает Авксентьеву Беркенгейм

— Рады стараться, — отвечает Авксентьев.

Вы слышите: коалиционная власть нужна, оказывается, для борьбы с большевизмом, т.-е. с Советами, т.-е. с рабочими и солдатами.

— «Предпарламент должен быть «совещательным органом», а власть — «независимой» от него», — говорит Набоков.

— Рад стараться, — отвечает Церетели, ибо он согласен на то, «чтобы Временное Правительство не носило формальной... ответственности перед парламентом» («Речь»).

— «Не Предпарламент создает власть, а, наоборот, власть создает Предпарламент, «объявляя его состав, компетенцию и регламент», — говорит декларация кадетов.

— Согласен, — отвечает Церетели, — «власть должна санкционировать это учреждение» («Новая Жизнь») и определить «формы его конструкции» (Речь).

А честный маклер из Зимнего дворца, г. Керенский, авторитетно изрекает:

1) «Организация власти и пополнение состава принадлежит ныне только Временному Правительству».

2) «Совещание это (Предпарламент) не может иметь функций и прав парламента».

3) «Временное Правительство перед этим совещанием не может нести ответственности» («Речь»).

Словом, Керенский «вполне согласен» с кадетами, а обронцы рады стараться, — чего же еще?

Недаром Прокопович, покидая Зимний дворец, заявил: «соглашение можно считать достигнутым».

Правда, совещание вчера еще высказалось против коалиции с кадетами, но какое до этого дела присяжным соглашателям, если они решились подделывать волю революционной демократии, созвав вместо съезда Советов совещание, — отчего, им не подделывать волю и самого совещания? Труден только первый шаг.

Правда, совещание вчера еще вынесло решение о том, что Предпарламент «создает» власть, а последняя «ответственна» перед ним, но какое до этого дело присяжным соглашателям: здравствовала бы коалиция, а решения сове-

щания... какая им цена, если они подкапываются под коалицию?

Бедное «Демократическое совещание»!

Бедные наивно-доверчивые делегаты!

Могли ли они ожидать от своих вождей форменного предательства?

Наша партия была права, утверждая, что мелкобуржуазные эсеры и меньшевики, черпающие силу не в революционном движении масс, а в соглашательских комбинациях буржуазных политиканов, — неспособны на самостоятельную политику!

Наша партия была права, говоря, что политика соглашений ведет к измене интересам революции.

Теперь все видят, что политические банкроты оборончества собственноручно куют цепи народам России на радость врагам революции.

Недаром кадеты чувствуют себя удовлетворенными, потирая руки и предвещая победу.

Недаром слоняются г.г. соглашатели с виноватым видом, «словно побитые собаки».

Недаром слышатся победные ноты в заявлениях Керенского. Да, они торжествуют.

Но не прочна их «победа» и мимолетно их торжество, ибо они строят свои планы без хозяина, без народа.

Ибо близок час, когда обманутые рабочие и солдаты скажут, наконец, свое веское слово, обратив в шепки карточный домик их мишурной «победы».

И тогда пусть г.г. соглашатели пеняют на себя, если со всей рухлядью коалиции слетит и их собственный оборонческий хлам.

*„Рабочий Путь“ № 19.,
24 сент. (17 окт.) 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ПРАВИТЕЛЬСТВО БУРЖУАЗНОЙ ДИКТАТУРЫ.

После подлогов с совещанием и скандального развала правительства, после «собеседования» с московскими биржевиками и таинственных хождений к сэру Бьюкенену,

после любовных свиданий в Зимнем дворце и ряда предательств со стороны соглашателей, — сформировалось, наконец, «новое» (совсем новое!) правительство.

Шесть министров-капиталистов, как ядро «кабинета», и десять министров-«социалистов» в услужение им, в качестве проводников их воли. Декларация правительства еще не опубликована, но основы ее известны: «борьба с анархией» (читай: с Советами!), «борьба с разрухой» (читай: с забастовками!), «поднятие боеспособности армии» (читай: продолжение войны и дисциплина!).

Такова в общем «программа» правительства Керенского-Коновалова.

Это значит: крестьянам земли не видать, рабочим контроля не получить, России мира не завоевать.

Правительство Керенского-Коновалова есть правительство войны и буржуазной диктатуры.

Десять министров-«социалистов» — ширма, за которой империалистская буржуазия будет вести работу по укреплению своего господства над рабочими, крестьянами и солдатами.

То, что хотел провести Корнилов прямо и погенеральски просто, «новое» правительство постарается осуществить постепенно и без шума, руками самих же «социалистов».

Чем отличается диктатура буржуазии от диктатуры пролетариата и революционного крестьянства?

Тем, что диктатура буржуазии есть господство меньшинства над большинством, осуществимое лишь путем насилия над большинством, требующее гражданской войны против большинства. Между тем, как диктатура пролетариата и революционного крестьянства, как господство большинства над меньшинством, вполне может обойтись без гражданской войны. Но из этого следует, что политикой «нового» правительства станет политика спровоцирования неудачных частичных выступлений с тем, чтобы, натравив солдат на рабочих, или фронт на тыл, затопить в крови мощь революции.

Тем еще, что диктатура буржуазии есть диктатура тайная, скрытая, закулисная, нуждающаяся в том или ином

благовидном прикрытии для обмана масс. Между тем, как диктатура пролетариата и революционного крестьянства есть диктатура открытая, диктатура масс, не нуждающаяся в обмане во внутренних делах и в тайной дипломатии во внешних. Но из этого следует, что самые важные вопросы жизни страны, как, например, вопрос о войне и мире, постараются разрешить наши буржуазные диктаторы за спиной масс и без масс, путем заговора против масс.

Об этом ясно говорят первые же шаги правительства Керенского-Коновалова. Судите сами. Самые ответственные посты по внешней политике переданы в руки кадетско-корниловских столпов. Терещенко—министр иностранных дел, Набоков—посол в Лондоне, Маклаков—посол в Париже, Ефремов—посол в Берне, где собирается теперь международная конференция (предварительная!) мира. И эти люди, оторванные от масс, открытые враги масс, будут решать вопросы войны и мира, связанные с жизнью миллионов солдат!

Или еще: по сообщению газет «сегодня выезжают в Ставку Керенский, Терещенко, Верховский, Вердеревский», где, «кроме обсуждения общего положения на фронте с участием Терещенко, произойдет также совещание военных агентов иностранных держав, состоящих при Ставке» («Бирж:», веч)... Все это—в ожидании союзнической конференции, куда, в качестве Санчо-Панса господина Терещенко, берут и небезызвестного Церетели, в связи с толками о налаживающемся империалистском мире. О чем могут шушукаться эти преданные делу империализма люди, как не об интересах империалистов, отечественных и союзных, и к чему, собственно, могут свестись их закулисные переговоры о мире и войне, как не к заговору против интересов народа?

Сомнения невозможны. Правительство Керенского-Коновалова есть правительство диктатуры империалистской буржуазии. Провокация гражданской войны—такова его внутренняя политика. Заговорщицкое решение вопросов войны и мира—такова его внешняя политика. Утвержде-

ние господства меньшинства над большинством российского населения — такова его цель. Долг пролетариата, как вождя русской революции, сорвать маску с этого правительства и показать массам его настоящее контр-революционное лицо. Долг пролетариата сплотить вокруг себя широкие слои солдат и крестьянства и удержать их от преждевременных выступлений. Долг пролетариата сомкнуть ряды и неустанно готовиться к грядущим битвам.

Столичные рабочие и солдаты уже сделали первый шаг, выразив недоверие правительству Керенского-Коновалова и призвав массы «к сплочению своих рядов вокруг своих Советов, воздерживаясь от частичных выступлений» (см. резол. Петр. Совета).

Слово теперь за провинцией.

*«Рабочий Путь» № 21,
27 сент. (10 окт.) 1917 года,
передовая, без подписи.*

ЖДАТЬ ВАМ — НЕ ДОЖДАТЬСЯ...

Характерной чертой переживаемого момента является непроходимая пропасть между правительством и массами, — пропасть, которой не было в первые месяцы революции, и которая появилась в результате корниловского восстания.

После победы над царизмом, в первые же дни революции, власть попала в руки империалистской буржуазии. У власти стали не рабочие и солдаты, а кучка кадетских империалистов. Как могло это случиться, и на что собственно опиралось тогда господство кучки буржуазии? Дело в том, что рабочие и, главным образом, солдаты доверяли буржуазии, надеясь в союзе с ней добиться хлеба и земли, мира и «свободы». «Бессознательно-доверчивое» отношение масс к буржуазии — вот на что опиралось тогда господство буржуазии. Коалиция с буржуазией была лишь выражением этого доверия и этого господства.

Но шесть месяцев революции не прошли даром. Вместо хлеба — голод, вместо увеличения заработной платы —

безработица, вместо земли — пустые обещания, вместо свободы — борьба с Советами, вместо мира — война до истощения России и измена корниловцев у Тарнополя и под Ригой — вот что дала массам коалиция с буржуазией. Корниловское восстание лишь подвело итоги шестимесячному опыту коалиции, вскрыв предательство кадетов и пагубность соглашений с ними.

Все это, разумеется, не прошло даром. «Бессознательно-доверчивое» отношение масс к буржуазии исчезло. Коалиция с кадетами сменилась разрывом с ними. Доверие к буржуазии уступило место ненависти к ней. Господство буржуазии лишилось своей надежной опоры.

Правда, путем соглашательских ухищрений оборонцев, путем подлогов и фальсификации, с помощью Бьюкенена и кадетских корниловцев, при явном недоверии со стороны рабочих и солдат, — соглашатели все же склотили «новое» правительство старой буржуазной диктатуры, протасив обманным путем отжившую и истрепанную коалицию.

Но, во-первых, коалиция эта худосочная, ибо, заключенная в Зимнем дворце, она встречает в стране лишь отпор и возмущение.

Во-вторых, правительство это непрочно, ибо оно не имеет под ногами почвы в виде доверия и сочувствия масс, питающих к нему лишь ненависть.

Отсюда непроходимая пропасть между правительством и страной.

И если это правительство все же остается у власти, если оно, творя волю меньшинства, собирается господствовать над явно враждебным большинством, то ясно, что оно может рассчитывать лишь на одно: на насилие над массами. Никакой другой опоры у такого правительства нет и не может быть.

Поэтому не случайность тот факт, что первым шагом правительства Керенского-Коновалова послужил разгром Совета в Ташкенте.

Не случайность и то, что это правительство принялось уже за подавление рабочего движения в Донецком бассейне, посылая туда тайнственного «диктатора».

Не случайность и то, что на вчерашнем своем заседании провозгласило оно войну с крестьянскими «волнениями», решив:

«Образовать на местах комитеты Временного Правительства, прямое назначение которых составляло бы борьбу с анархией и подавление беспорядков» («Бирж.»).

Все это не случайность.

Правительство буржуазной диктатуры, лишенное доверия масс, и все же желающее удержаться у власти, не может жить без «анархии» и «беспорядков», борьбой с которыми оно пытается оправдать свое существование. Оно спит и видит во сне, что большевики «устроили восстание», или крестьяне «разгромили» помещиков, или железнодорожники «навязали пагубную забастовку», лишившую фронт хлеба... Все это «нужно» ему для того, чтобы поднять крестьян против рабочих, фронт против тыла и, создав, таким образом, необходимость вооруженного вмешательства, упрочить на время свое неустойчивое положение.

Ибо нужно же, наконец, понять, что лишенное доверия страны и осажденное ненавистью масс правительство не может быть не чем иным, как правительством спровоцирования «гражданской войны».

Недаром «Речь», официоз Временного Правительства, предостерегает правительство от «предоставления большевикам возможности выбрать момент для объявления гражданской войны», не советуя ему «терпеть и ждать, пока они (большевики) не выберут удобный момент для общего выступления» («Речь», среда).

Да, они жаждут народной крови...

Но тщетны их надежды и смешны их потуги.

Сознательно и организованно идет к победе революционный пролетариат. Дружно и уверенно сплываются вокруг него крестьяне и солдаты. Все громче и громче раздается возглас: вся власть Советам! Бумажная коалиция в Зимнем дворце... выдержит ли она напор?

Вы хотите разрозненных и преждевременных выступлений большевиков?

Ждать вам — не дожидаться г.г. корниловцы.

*«Рабочий Путь», № 23,
29 сент. (12 окт.) 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ЗАГОВОР ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ.

Бурцев писал недавно в газете «Общее Дело», что «никакого корниловского заговора не было», — «был только договор» между Корниловым и правительством Керенского об искоренении большевиков и Советов в целях установления военной диктатуры. В подтверждение своего взгляда Бурцев печатает в № 6 «Общего Дела» «объяснительную записку» Корнилова, состоящую из ряда документов, рисующих историю заговора. Ближайшая цель всего этого бурцевского предприятия — создать атмосферу, благоприятную для Корнилова, и сделать невозможным суд над ним. Мы далеки от того, чтобы признать материалы Корнилова исчерпывающими. Корнилов, кроме того, что он выгораживает себя от обвинений в измене, не упоминает, например, о некоторых лицах и организациях, замешанных в заговоре, и, прежде всего, о некоторых представителях посольств в Ставке, игравших, по показаниям свидетелей, далеко не второстепенную роль. Следует также заметить, что «объяснительная записка» Корнилова прошла под шпиковскую редакцию Бурцева, выкинувшего из «записки» некоторые, быть может, очень важные места. Тем не менее, «записка» все же представляет большую ценность, как документ. И пока этому документу не противопоставлены равновесные свидетельские показания, мы будем считаться с ним, именно как с документом. Мы считаем поэтому необходимым поговорить о нем с читателем.

* * *

Кто они? Кто они, советчики и вдохновители Корнилова, кому он прежде всего доверял свои заговорщицкие думы?

«К участию в обсуждении вопроса, — говорит Корнилов, — о состоянии страны и мер, необходимых для

спасения от окончательного развала ее и армии, я хотел привлечь М. Родзянко, князя Г. Львова и П. Милюкова, которым были посланы телеграммы с просьбой прибыть не позже 29 августа в Ставку».

Таковы главные советчики по признанию самого же Корнилова.

Но это не все. Кроме советчиков и вдохновителей были еще главные сотрудники, на которых надеялся Корнилов, на которых он рассчитывал и вместе с которыми собирался он осуществить свой заговор.

Слушайте:

«Был набросан проект «Совета Народной Обороны» с участием Верховного Главнокомандующего, в качестве председателя, Керенского — министра заместителя, Савинкова, генерала Алексева, адмирала Колчака и Филоненко. Этот Совет Обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным. На посты других министров намечались г.г. Тахтамышев, Третьяков, Покровский, Игнатъев, Аладьин, Плеханов, Львов и Завойко».

Такова теплая компания достопочтенных заговорщиков, вдохновлявшая Корнилова и вдохновлявшаяся им, секретничавшая с Корниловым за спиной народа и аплодировавшая ему на Московском совещании. Милюков, как глава партии народной свободы; Родзянко, как глава совета общественных деятелей; Третьяков, как глава промышленников; Керенский, как глава оборонцев из эсеров; Плеханов, как учитель оборонцев из меньшевиков; Аладьин, как агент неизвестной фирмы в Лондоне, — вот они, надежда и упование корниловщины, душа и нервы контр-революции.

Будем надеяться, что история их не забудет, а современники отдадут им должное.

* * *

Их цели. Их цели «просты и ясны»: «поднятие боеспособности армии» и «оздоровление тыла» для «спасения России».

Для поднятия боеспособности армии «я указал», — говорит Корнилов, —

«на необходимость немедленного восстановления закона о смертной казни на театре военных действий».

Для оздоровления же тыла «я указал», — продолжает Корнилов, —

«на необходимость распространения закона о смертной казни и военно-революционных судах на внутренние округа, исходя из мысли, что никакие меры по восстановлению боеспособности армии не дадут желаемого результата, пока армия будет получать из тыла укомплектования в виде банды распущенных, не обученных, распропагандированных солдат».

Но это не все. По мнению Корнилова, «для достижения целей войны»... необходимо иметь три армии: «в окопах, в тылу — рабочую и железнодорожную». Иначе говоря: «необходимо» распространить военную дисциплину со всеми ее последствиями на заводы, работающие на оборону, и на железные дороги, т.-е. «необходимо» их милитаризовать.

Итак, смертная казнь на фронте, смертная казнь в тылу, милитаризация заводов и железных дорог, превращение страны в военный лагерь и, как венец всего, военная диктатура под председательством Корнилова, — вот, оказывается, какие цели преследовала компания заговорщиков.

Цели эти изложены были в особом «докладе», создавшем себе славу еще до Московского совещания. Они встречаются в телеграммах и «записке» Корнилова, как «требования Корнилова».

Были ли известны эти «требования» правительству Керенского?

— Несомненно, да.

Согласно ли было правительство Керенского с Корниловым?

— Очевидно, да.

«Подписав общий доклад о мерах по оздоровлению армии и тыла, уже подписанный г. г. Савинковым и Филоненко, — говорит Корнилов, — доложил его частному совещанию Временного Правительства в составе

г. г. Керенского, Некрасова и Терещенко. По рассмотрении доклада мне было заявлено, что правительство соглашается на все предложенные мной меры, вопрос же об их осуществлении является вопросом темпа правительственных мероприятий».

То же самое говорит Савинков, заявляя 24 августа Корнилову, что «ваши требования будут удовлетворены Временным Правительством в ближайшие дни».

Были ли известны цели Корнилова партии народной свободы?

— Несомненно, да.

Согласна ли была она с Корниловым?

— Очевидно, да. Ибо центральный орган партии народной свободы, газета «Речь», открыто заявил, что он «вполне разделяет идеалы генерала Корнилова».

Наша партия была права, утверждая, что партия народной свободы есть партия буржуазной диктатуры.

Наша партия была права, утверждая, что правительство Керенского есть ширма для прикрытия такой диктатуры.

Теперь, когда корниловцы оправились от первого удара, стоящие у власти заговорщики снова заговорили о «поднятии боеспособности армии» и «оздоровлении тыла». Рабочие и солдаты должны помнить, что «поднятие боеспособности армии» и «оздоровление тыла» означает смертную казнь в тылу и на фронте.

* * *

Их путь. Их путь так же «прост и ясен», как цели. Это — искоренение большевизма, разгон Советов, выделение Петрограда в особое военное губернаторство, разоружение Кронштадта. Словом — разгром революции. Для этого понадобился третий конный корпус. Для этого понадобилась дикая дивизия.

Вот что говорит Савинков после обсуждения вместе с Корниловым вопроса об установлении границ Петроградского военного губернаторства, обращаясь к Корнилову:

— «Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены Временным Правительством

в ближайшие дни; но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что, примерно, 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через Временное Правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков. Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более, что еще неизвестно, как к новому закону отнесется С. Р. и С. Д. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение Временного Правительства. В случае, если, кроме большевиков, выступят и члены С. Р. и С. Д., то нам придется действовать и против них».

При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные. На это генерал Корнилов ответил, что он «иных действий и не понимает, раз будет выступление большевиков и С. Р. и С. Д., то таковое будет подавлено со всей энергией».

Для прямого выполнения этих мер начальнику третьего конного корпуса и туземной дивизии, генералу Крымову, были даны Корниловым «две задачи»:

1) В случае получения от меня (Корнилова) или непосредственно на месте известия о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы.

2) По окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и, по прибытии туда, потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк.

Согласие министра-председателя на разоружение крепости Кронштадта и вывод его гарнизона последовало 8 августа, и доклад об этом Морского Генерального Штаба с резолюцией министра-председателя был пред-

ставлен Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего при письме адмирала Максимова».

Таков путь теплой компании заговорщиков против революции и ее завоеваний.

Правительство Керенского не только знало весь этот адский план, но само принимало участие в его выработке и вместе с Корниловым собиралось провести его в жизнь.

Савинков, тогда еще управляющий военным министерством, открыто заявляет об этом, при чем это его заявление, известное всем, никем еще не опровергалось.

Вот оно:

«Я считаю долгом для восстановления исторической точности заявить, что я, по поручению министра председателя просил у вас (у Корнилова) конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущения против Временного Правительства, откуда бы они ни шли...»

Кажется, ясно.

Знала ли о плане Корнилова партия кадетов?

— Несомненно, да.

Ибо центральный орган этой партии, газета «Речь», накануне корниловского восстания усиленно распространяла провокаторские слухи о «большевистском восстании», расчищая тем самым дорогу корниловскому вторжению в Петроград и Кронштадт.

Ибо представитель партии кадетов, г. Маклаков, «самолично» участвовал, как это видно из «записки» Корнилова, во всех переговорах между Савинковым и Корниловым о планах вторжения в Петроград. Насколько нам известно, Маклаков не занимал тогда никакого официального поста при или во Временном Правительстве, — в качестве кого же мог он участвовать в этих переговорах, как не в качестве представителя своей партии?

Таковы факты.

Наша партия была права, утверждая, что правительство Керенского есть правительство буржуазной контр-револю-

ции, опирающейся на корниловщину и отличающейся от последней лишь некоторой «нерешительностью».

Наша партия была права, утверждая, что идейные и политические нити контр-революции сходятся в центральном комитете партии кадет.

Если контр-революционный план питерских и могилевских заговорщиков не удался, то в этом надо винить не Керенского и Корнилова, или Милюкова и Савинкова, а те самые Советы, «разогнать» которые собирались они, но устоять против которых оказались они не в силах.

Теперь, когда корниловцы оправились, прокравшись к власти при помощи соглашателей, вопрос о борьбе с Советами снова ставится на очередь. Рабочие и солдаты должны помнить, что если они не поддержат Советы в их борьбе против правительства корниловцев, они рискуют попасть под железную пяту военной диктатуры.

* * *

Диктатура империалистской буржуазии. Что такое «коллективная диктатура», установить которую сговорились заговорщики против революции, Корнилов и Милюков, Аладьин и Филоненко, Керенский и кн. Львов, Родзянко и Савинков? В какие политические формы хотели они облечь эту диктатуру?

Какие политические учреждения считали они необходимыми для того, чтобы поставить и наладить «коллективную диктатуру»?

Предоставим слово документам.

«Ген. Корнилов спросил Филоненко, не считает ли он, что единственным выходом из создавшегося тяжелого положения может быть только провозглашение военной диктатуры.

Филоненко ответил, что, мысля о диктатуре реально, при теперешней обстановке может себе представить его лишь в лице ген. Корнилова. Против единоличной диктатуры Филоненко выдвинул такое возражение: сам ген. Корнилов не обладает достаточным знанием политической обстановки, и потому при его диктатуре воцарилось бы то, что принято называть камарильей

Демократические и республиканские круги должны будут пойти против этого и, следовательно, против единоличной диктатуры.

Ген. Корнилов. Что же делать, когда правительство не принимает никаких мер?

Филоненко. Выход может быть найден в образовании директории. Из состава правительства необходимо выделить малый военный кабинет, в который должны войти люди исключительной силы воли, при обязательном участии в этом кабинете, который может быть назван «советом народной обороны» или как-либо иначе — дело не в названии, — Керенского, ген. Корнилова и Савинкова. Этот малый кабинет должен поставить своей первой задачей оборону страны. В таком виде проект директории должен быть принят правительством.

Корнилов. Вы правы. Необходима директория и как можно скорее... («Новое Время»).

И дальше:

«Был набросан проект «совета народной обороны», с участием Верховного Главнокомандующего, в качестве председателя, А. Ф. Керенского — министра заместителя, г. Савинкова, ген. Алексева, адмирала Колчака и г. Филоненко.

Этот совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным («Общее Дело»).

Итак, директория — вот та политическая форма, в которую должна была облечься «коллективная диктатура» Корнилова-Керенского.

Теперь ясно для всякого, что, создавая директорию после неудавшегося корниловского «мятежа», Керенский проводил иными средствами ту же самую корниловскую диктатуру.

Теперь ясно для всякого, что, высказываясь на известном ночном заседании за директорию Керенского, престарелый Ц. И. К. голосовал за контр-революционный план генерала Корнилова.

Теперь ясно для всякого, что, защищая с пеной у рта директорию Керенского, мудрецы из «Дела Народа», сами

того не замечая, предавали революцию, на радость явным и скрытым корниловцам.

Наша партия была права, утверждая, что директория есть замаскированная форма диктатуры контр-революции.

Но на одной директории «далеко не уедешь». Мастера контр-революции не могли не понимать, что «править» страной, вкусившей плоды демократизма, при помощи одной лишь директории, без какого-нибудь «демократического» прикрытия — нельзя. «Коллективная диктатура» в форме директории — да! Но зачем ее оголять? Не лучше ли прикрыть ее каким-нибудь «предпарламентом»? Пусть живет и болтает «демократический предпарламент», — лишь бы государственный аппарат находился на руках директории! Известно, что стряпчий Корнилова, г. Завойко, агент неизвестной фирмы в Лондоне, г. Аладьин и друг Милюкова «сам» Корнилов — первые выдвинули проект «предпарламента», как опоры и ширмы директории, «ответственной» (не шутите!) перед этим «предпарламентом».

Предоставим слово документу.

«Настаивая на создании директории, ген. Корнилов и его окружающие не мыслили ее вне ответственности перед страной.

М. М. Филоненко является одним из наиболее убежденных сторонников выдвинутого Аладьиным проекта о представительном органе, перед которым до созыва Учредительного Собрания правительство должно быть безусловно ответственным.

В этот представительный орган, по мысли Аладьиного, должны были войти 4-я Гос. Дума (без правого крыла и с исключением всех ее бездеятельных членов), левые элементы первых трех дум, делегация от Центрального Исполнительного Комитета С.Р. и С.Д. (без ограничения представительства от партий) и 10—20 наиболее видных революционных деятелей, как Брешко-Брешковская, Кропоткин, Фигнер и др., кооптированных в состав представительного органа самим органом. Таким образом идея «предпарламента» возникла впервые у А. Ф. Аладьиного («Новое Время»).

Итак, «предпарламент» — вот тот «представительный орган», который должен был составить «демократическую»

опору для «коллективной диктатуры» Корнилова-Керенского.

«Предпарламент», как орган, перед которым «ответственно» правительство «до созыва» Учредительного Собрания, «предпарламент», который будет заменять Учредительное Собрание до созыва последнего; «предпарламент», который заменяет Учредительное Собрание, если созыв последнего отсрочивается; «предпарламент», который дает «юридическое основание» (ликуйте, юристы!) отсрочить созыв Учред. Собрания; «предпарламент», как средство срыва Учред. Собрания,— в этом весь смысл контр-революционного «демократизма» заговорщиков против революции.

Теперь ясно для всякого, что, «санционируя» созываемый через два дня корниловский «предпарламент», Керенский лишь исполняет иными средствами тот же самый контр-революционный план заговорщиков революции.

Теперь ясно для всякого, что, организуя «предпарламент» и совершая для этого ряд подлогов, Авксентьевы и Даны работали на явных и скрытых корниловцев, против революции и ее завоеваний.

Теперь ясно для всякого, что, крича об Учредительном Собрании и укрепляя в то же время корниловский «предпарламент», мудрецы из «Дела Народа» работают на срыв Учредительного Собрания.

Ученики Корнилова — это все, на что оказались способными «ответственные» болтуны на «Демократическом совещании» Церетели и Черновы, Авксентьевы и Даны.

* * *

Первый вывод. Из рассмотренных выше документов видно, что «в деле Корнилова» мы имеем дело не с «мятежом» против Врем. Правительства, и не с простой «авантюрой» честолюбивого генерала, а с форменным заговором против революции, с заговором, организованным и строго продуманным.

Организаторы и вдохновители заговора: контр-революционная часть генералитета, представители партии кадет, представители московских «общественных деятелей», наиболее «посвященные» члены Временного Правительства и — не последние по значению! — некие представители неких посольств (о них «записка» Корнилова умалчивает). Все те, которые с «восторгом» встречали Корнилова на Московском совещании, как «признанного вождя России».

«Заговор Корнилова» есть заговор империалистской буржуазии против революционных классов России, против пролетариата и крестьянства.

Цель заговора: разгром революции и установление диктатуры империалистской буржуазии. Были разногласия между заговорщиками, но разногласия мелкие, количественные. Выражались они в «темпе правительственных мероприятий»: Керенский хотел действовать осторожно и с оглядкой, а Корнилов «пёр напрямик». Но в основном все они сходились: установление диктатуры империалистской буржуазии в виде «коллективной диктатуры» директории, прикрытой для обмана простаков «демократическим» предпарламентом.

В чем состоит характерная черта диктатуры империалистской буржуазии?

Прежде всего в том, что такая диктатура есть господство воинствующего и эксплуатирующего меньшинства над трудящимся и жаждущим мира большинством. Прочтите «записку» Корнилова, пересмотрите «переговоры» с членами правительства: там говорится о мерах для подавления революции, говорится о путях для укрепления буржуазного строя и продления империалистской войны, но нет там ни одного слова о крестьянах, требующих землю, о рабочих, требующих хлеба, о большинстве граждан, жаждущих мира. Более того, что «записка» построена на том предположении, что необходимо держать массы в железных тисках, а бразды правления должны быть в руках кучки диктаторов.

Во-вторых, в том, что диктатура империалистской буржуазии есть диктатура закулисная, тайная, прикрытая, рассчитанная на обман масс. Познакомьтесь с «запиской»

и поймете, с каким усердием старались г.г. заговорщики скрыть свои черные планы и закулисные махинации не только от масс, но и от своих сослуживцев и партийных «друзей». Для обмана масс был сострянпан план «демократического» предпарламента, ибо о каком демократизме может быть речь при смертной казни в тылу и на фронте? Для обмана масс была сохранена «российская республика», ибо о какой республике может быть речь при всевластии группки из пяти диктаторов!

Наконец, в том, что диктатура империалистской буржуазии есть диктатура, опирающаяся на насилие над массами. Никакой другой, «верной» опоры, кроме систематического насилия над массами, нет и не может быть у такой диктатуры. Смертная казнь в тылу и на фронте, милитаризация заводов и железных дорог, расстрелы—таков арсенал этой литературы. «Демократический» обман, подкрепляемый насилием; насилие, прикрываемое «демократическим» обманом,—таковы альфа и омега диктатуры империалистской буржуазии.

Заговорщики хотели установить в России такую именно диктатуру.

* * *

Второй вывод. Мы далеки от того, чтобы усматривать причину заговора в злой воле отдельных героев. Мы также далеки от того, чтобы объяснять заговор властолюбием его инициаторов. Причины контр-революционного заговора кроются глубже. Их нужно искать в условиях империалистской войны. Их нужно искать в потребностях этой войны. Политика наступления на фронте, усвоенная в июне месяце Временным Правительством,— вот где нужно искать основу, подготовившую заговор контр-революционеров. Везде, во всех воюющих государствах, политика наступления в атмосфере империалистской войны вызывала необходимость упразднения свобод, введения военного положения, установления «железной дисциплины», ибо при максимальных свободах немислимо безнаказанно гнать массы в бойню, затеянную хищниками мира. Россия не могла быть в этом отношении исключением.

Под давлением империалистских клик, отечественных и союзных, в июне провозглашается наступление на фронте. Солдаты отказываются молча идти в наступление. Начинается расформирование полков. Эта мера оказывается недействительной. Армия признается в виду этого «небоеспособной». В интересах «поднятия боееспособности» армии Корнилов (и не только Корнилов!) требует закона о смертной казни на фронте, запретив предварительно митинги и собрания солдат. Солдаты и рабочие в тылу протестуют против этого, поощряя возмущение солдат на фронте. В ответ на это фронтовые генералы при поддержке буржуазии требуют распространения смертной казни в тылу, милитаризации заводов и железных дорог. План диктатуры и заговор является лишь логическим развитием этих мер. Такова краткая история «восстановления железной дисциплины» и развития контр-революции, картинно изложенная в «записке» Корнилова. Контр-революция пришла с фронта, возникнув на почве потребностей наступления в условиях империалистской войны. Заговор имел целью организовать и оформить уже имевшуюся контр-революцию, распространив ее на всю Россию.

Третьеиюньские зу́ры царской Думы знали, что делали, когда требовали еще в начале июня «немедленного» наступления в тесном общении с союзниками. Они, испытанные дельцы контр-революции, знали, что политика наступления неизбежно повлечет за собой контр-революцию.

Наша партия была права, предупреждая тогда в своем заявлении на Съезде Советов, что наступление на фронте грозит революции смертельной опасностью.

Вожди оборончества, отклонившие заявление нашей партии, лишний раз доказали свою политическую незрелость и идейную зависимость от империалистской буржуазии.

Что же из этого следует?

Вывод один. Рассматриваемый заговор есть продолжение контр-революции, возникшей из потребностей империалистской войны и политики наступления. Пока есть эта война и такая политика — будет и опасность контр-революционных заговоров. Для того, чтобы оградить революцию от

такой опасности — нужно прекратить империалистскую войну, нужно уничтожить возможность политики наступления, нужно завоевать демократический мир.

* * *

Третий вывод. Корнилов и его «сообщники» арестованы. Организованная правительством следственная комиссия ведет дело «в спешном порядке». Врем. Правительство изображает собой верховного судью. Корнилову и его «сообщникам» предоставлена роль «мятежников». Публике из «Речи» и «Нового Времени» — роль защитников Корнилова. «Суд будет интересный» — говорят любители новостей. «Суд даст много важных разоблачений» — глубокомысленно замечает «Дело Народа». Против кого мятеж? Конечно, против революции! Где же она, революция? Конечно, во Временном Правительстве, ибо мятеж поднят против Временного Правительства. Из кого же состоит эта самая революция? Из «неизменного» Керенского, из представителей партии кадет, из представителей московских «общественных деятелей» и из одного сэра, стоящего за спиной этих джентльменов. Первый голос: Но там не хватает Корнилова? Второй голос: При чем же тут Корнилов: ему велено сидеть на скамье подсудимых...

Опустим, однако, занавес. Корнилов действительно организовал заговор против революции. Но он был не один. У него были вдохновители в лице Милюкова и Родзянко, в лице Львова и Маклакова, в лице Филоненко и Набокова. У него были сотрудники в лице Керепского и Савинкова, в лице Алексеева и Каледина. Разве это сказка, что эти и подобные им джентльмены спокойно гуляют теперь на свободе, и не только гуляют на свободе, но и «правят» страной по конституции «самого» Корнилова? У Корнилова была, наконец, поддержка со стороны русской и англо-французской империалистской буржуазии, во имя интересов которых «правят» теперь страной все эти корниловские сотрудники. Разве не ясно, что суд над одним Корниловым является жалкой и смешной комедией? С другой стороны, как привлечь к суду империалистскую буржуазию, эту глав-

ную виновницу заговора против революции? Мудрые ремесленники из министерства юстиции, — разрешите!

Дело, очевидно, не в комедийном суде. Дело в том, что после корниловского выступления, после громких арестов и «строгого» следствия, власть снова «оказалась» целиком и без остатка в руках корниловцев. То, чего добивался Корнилов силой оружия, постепенно, но неуклонно проводится в жизнь стоящими у власти корниловцами, хотя и иными средствами. Даже корниловский «предпарламент» ввели в жизнь.

Дело в том, что после благополучной «ликвидации» заговора против революции мы снова «оказались» во власти штаба заговорщиков, того же Керенского и Терещенко, тех же представителей партии кадет и «общественных деятелей», тех же сэров и сэроподобных генералов. Не хватает Корнилова, но чем хуже Корнилова сэр Алексеев, без которого не обходится ни одно важное государственное дело и который собирается, оказывается, представлять на конференции Согласия не то Россию, не то Англию?

Дело в том, что терпеть дальше это «правительство» заговорщиков нельзя.

Дело в том, что доверять этому «правительству» заговорщиков нельзя без риска подвергнуть революцию смертельной опасности новых заговоров.

Да, суд нужен над заговорщиками против революции. Но суд не комедийный и фальшивый, а действительный и народный. Суд этот состоит в том, чтобы лишить власти империалистскую буржуазию, во имя интересов которой подвизается нынешнее «правительство» заговорщиков. Суд этот состоит в том, чтобы произвести коренную чистку власти снизу доверху от корниловских элементов.

Выше мы говорили, что без окончания империалистской войны и завоевания демократического мира невозможно оградить революцию от заговоров контр-революции. Но пока у власти стоит нынешнее «правительство», нельзя и мечтать о демократическом мире. Для того, чтобы добиться такого мира, надо «снять» эту власть и «поставить» новую.

Для этого нужно передать власть в руки новых революционных классов, в руки пролетариата и революционного крестьянства. Для этого нужно сосредоточить власть внутри массовых революционных организаций, внутри Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Эти классы и эти организации, и только они, спасли революцию от заговора. Они же обеспечат ей победу.

В этом и будет состоять суд над империалистской буржуазией и ее агентами — заговорщиками.

* * *

Два вопроса. Первый вопрос. Несколько недель назад, когда скандальные разоблачения о заговоре власти (не Корнилова, а власти!) против революции стали впервые появляться в печати, наша фракция внесла запрос в Ц. И. К., обращенный к бывшим членам Временного Правительства периода «корниловской эпопеи», к Авксентьеву и Скобелеву. Запрос интересовался теми показаниями, которые по долгу чести и обязанностям перед демократией должны были дать Авксентьев и Скобелев по вопросу о разоблачениях, направленных против Временного Правительства. Запрос нашей фракции в тот же день был принят Бюро Ц. И. К., и, таким образом, он стал запросом «всей революционной демократии». С тех пор проходит месяц, а разоблачения сыплются за разоблачениями, одни других скандальней. Между тем Авксентьев и Скобелев, набрав в рот воды, продолжают молчать, как будто это их не касается. Не находят ли читатели, что пора этим ответственным гражданам вспомнить об элементарных правилах простой порядочности и отозваться, наконец, на запрос, обращенный к ним «всей революционной демократией»?

Второй вопрос. В самый разгар новых разоблачений правительства Керенского «Дело Народа» призвало читателей «претерпеть» это правительство, «ждать» до Учредительного Собрания. Конечно, забавно слышать теперь речи о «претерпении» из уст людей, собственными руками создавших это правительство для «спасения страны». Неужели они для того только и создавали правительство, чтобы

скрепя сердце «претерпеть» его «на короткое время»?.. Но что значит «претерпеть» правительство Керенского? Это значит отдать судьбы многомиллионного народа в руки заговорщиков против революции. Это значит отдать судьбы войны и мира в руки агентов империалистской буржуазии. Это значит отдать судьбы Учредительного Собрания в руки неусыпных контр-революционеров. Как назвать «социалистическую» партию, связавшую свою политическую судьбу с судьбой «правительства» заговорщиков против революции? Говорят о «наивности» вождей партии эсеров. Говорят о «близорукости» «Дела Народа». Нет сомнения, что «ответственные» вожди эсеров не страдают отсутствием этих добродетелей. Но... не находят ли читатели, что наивность в политике есть преступление, граничащее с предательством?

*«Рабочий Путь» № № 27, 28 и 30,
4 (17), 5 (18) и 7 (20) октября 1917 г.,
за подписью К. Сталкина.*

КТО СРЫВАЕТ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ?

В то время, как болтуны соглашательства истекают в речах о Предпарламенте, а их попутчики сражаются с большевиками, якобы срывающими Учредительное Собрание, дельцы контр-революции уже пробуют силы для действительного срыва Учредительного Собрания.

Всего неделю назад вожди «донского казачества» предложили отложить выборы в Учредительное Собрание в виду «неподготовленности населения».

Спустя два дня после того газета «День», близкая сотрудница кадетской «Речи», проговорила, что «волна аграрных беспорядков... может отложить решение Учредительного Собрания».

А вчера телеграф принес известие, что «общественные деятели» в Москве, те самые, которые направляют теперь Временное Правительство, тоже «находят невозможным» выборы в Учредительное Собрание.

«Член Государственной Думы Н. Н. Львов указал, что в настоящее время невозможно по техническим и полити-

ческим соображениям производить выборы в виду анархии в стране. А. Кузьмин-Караваев присовокупил, что к Учредительному Собранию власть не подготовлена, никаких законопроектов не выработано».

Очевидно, буржуазия намерена сорвать выборы в Учредительное Собрание.

Очевидно теперь, когда буржуазия укрепилась во Временном Правительстве, создав себе «демократическое» прикрытие в виде контр-революционного Предпарламента, — она считает себя достаточно сильной для того, чтобы еще раз «отсрочить» Учредительное Собрание.

Что могут противопоставить этой опасности г.г. соглашатели из «Известий» и «Дела Народа»?

Что могут они противопоставить Временному Правительству, если оно, «вняв голосу страны» и идя по стопам «общественных деятелей», отложит выборы в Учредительное Собрание?

Может быть, пресловутый Предпарламент? Но ведь, созданный по плану Корнилова и призванный прикрывать язвы правительства Керенского, Предпарламент для того и вызван к жизни, чтобы заменить Учредительное Собрание, если оно будет отложено. Что может дать этот корниловский выкидыш в борьбе за Учредительное Собрание?

Может быть, дряхлый Ц. И. К.? Но каким авторитетом может пользоваться это оторванное от масс учреждение, то и дело лягающее то на железнодорожников, то на Советы?

Может быть, «великая русская революция», о которой так неприятно-фальшиво разглагольствует «Дело Народа»? Но ведь сами мудрецы из «Дела Народа» говорят, что революция несовместима с Учредительным Собранием («либо революция, либо Учредительное Собрание!»). Какую силу могут иметь пустые фразы о «мощи революции» в борьбе за Учредительное Собрание?

Где же та сила, которую можно будет противопоставить контр-революционным попыткам буржуазии?

Сила эта — растущая русская революция. Соглашатели не верят в нее. Но это не мешает ей расти, захватывая деревню и сметая устои помещичьей власти.

Борясь против Съезда Советов и укрепляя корниловский Предпарламент, меньшевики и эсеры помогают буржуазии сорвать Учредительное Собрание. Но пусть знают они, что, идя этим путем, им придется иметь дело с растущей революцией.

*«Рабочий Путь» № 28,
5 (18) октября, 1917 г.,
переходя, без подписи.*

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ МОБИЛИЗУЕТСЯ, — ГОТОВЬТЕСЬ К ОТПОРУ.

Революция живет. Сорвав корниловскую попытку и раскачав фронт, облетев города и оживив фабричные районы, — она перекидывается теперь в деревню, сметая ненавистные устои помещицкой власти.

Падает последняя опора соглашательства. Борьба с корниловщиной смела соглашательские иллюзии рабочих и солдат, сплотив последних вокруг нашей партии. Борьба с помещиками сметет соглашательские иллюзии крестьян, собирая последних вокруг рабочих и солдат.

В борьбе с оборонцами и вопреки им складывается революционный фронт рабочих, солдат и крестьян. В борьбе с соглашателями и вопреки им растет и укрепляется этот фронт.

Революция мобилизует свои силы, выбрасывая из своей среды соглашателей из меньшевиков и эсеров.

Вместе с тем мобилизует свои силы и контр-революция.

Партия кадет, гнездо и рассадница контр-революции, первая открывает борьбу, ведя агитацию за Корнилова. Забрав власть в свои руки и спустив с цепи шавок суворинской подворотни, прикрываясь эсеро-меньшевистско-корниловским Предпарламентом и обеспечив себе поддержку со стороны контр-революционных генералов, — партия кадет готовит новую корниловщину, грозя разгромом революции.

«Союз общественных деятелей» в Москве, союз локаутчиков и «костлявой руки голода», тот самый, который помогал Корнилову задушить солдат и рабочих, разогнать Советы в тылу и комитеты на фронте, — этот союз созывает через два дня «второе Московское совещание», усиленно приглашая на это совещание представителей «союза казачьих войск».

На фронте, особенно на юге и западе, тайный союз корниловских генералов лихорадочно организует новый поход против революции, собирая вокруг себя все силы, годные на черную «работу»...

А правительство Керенского, то самое, которое вместе с Корниловым организовало заговор против революции, готовится к бегству в Москву для того, чтобы, сдав немцам Петроград, организовать вместе с Рябушинскими и Бурышкиными, вместе с Каледиными и Алексеевыми новый более грозный заговор против революции.

Сомнения невозможны. В противовес фронту революции складывается и крепнет фронт контр-революции, фронт капиталистов и помещиков, правительства Керенского и Предпарламента. Контр-революция готовит новую корниловщину.

Первый заговор корниловщины был сорван. Но контр-революция не была сломлена. Она только отступила, спрятавшись за спиной правительства Керенского и укрепившись на новых позициях.

Готовящийся ныне второй заговор корниловщины должен быть в корне раздавлен, чтобы надолго оградить от опасности революцию.

Первое выступление контр-революции было сорвано силами рабочих и солдат, силами Советов в тылу и комитетов на фронте.

Советы и комитеты должны принять все меры к тому, чтобы второе выступление контр-революции было сметено всей мощью великой революции.

Пусть знают рабочие и солдаты, пусть знают крестьяне и матросы, что борьба идет за мир и хлеб, за землю и свободу против капиталистов и помещиков, против

спекулянтов и мародеров, против изменников и предателей, против всех, кто не хочет раз навсегда покончить с организующейся корниловщиной.

Корниловщина мобилизуется, — готовьтесь к отпору!

*«Рабочий Путь», № 32,
10 (23) октября 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

В первые дни революции лозунг «вся власть Советам» был новинкой. В апреле «власть Советов» впервые противопоставляется власти Временного Правительства. Большинство в столице пока еще за Временное Правительство без Милюкова — Гучкова. В июне этот лозунг получает демонстративное признание громадного большинства рабочих и солдат. Временное Правительство уже изолировано в столице. В июле вокруг лозунга «вся власть Советам» вспыхивает борьба между революционным большинством столицы и правительством Львова — Керенского. Соглашательский Ц. И. К., опираясь на отсталость провинции, переходит на сторону правительства. Борьба решается в пользу правительства. Странники Советской власти объявляются вне закона. Наступает мертвая полоса «социалистических» репрессий и «республиканских» тюрем, бонапартистских подсиживаний и военных заговоров, расстрелов на фронте и «совещаний» в тылу. Это до августа. В конце августа картина резко меняется. Корниловское восстание вызывает напряжение всех сил революции. Советы в тылу и комитеты на фронте, умершие было в июле — августе, теперь «вдруг» оживают. И, ожив, берут власть в свои руки в Сибири и на Кавказе, в Финляндии и на Урале, в Одессе и Харькове. Без этого, без взятия власти, революция была бы разгромлена. Так «власть Советов», провозглашенная в апреле «маленькой группой» большевиков в Питере, в конце августа получает почти всеобщее признание революционных классов в России.

Теперь ясно для всех, что «власть Советов» не только популярный лозунг, но и единственно верное средство

в борьбе за победу революции, единственный выход из создавшегося положения.

Настал момент, когда лозунг «вся власть Советам» должен быть, наконец, претворен в жизнь.

Но что такое «власть Советов» и чем она отличается от всякой иной власти?

Говорят, что передать власть Советам, это значит составить «однородное» демократическое министерство, организовать новый «кабинет» из «социалистических» министров и, вообще, произвести «серьезное изменение» в личном составе Временного Правительства. Но это неверно. Дело здесь вовсе не в замене одних лиц Временного Правительства другими. Дело в том, чтобы хозяевами положения в стране стали новые, революционные классы. Дело в переходе власти в руки пролетариата и революционного крестьянства. Но для этого и перемена одного лишь правительства далеко еще недостаточна. Для этого необходимо прежде всего произвести коренную чистку во всех ведомствах и учреждениях правительства, изгнав отовсюду корниловцев, поставив везде преданных людей рабочего класса и крестьянства. Только тогда и только в таком случае можно будет говорить о переходе власти к Советам «в центре и на местах».

Чем объяснить известную всем беспомощность «социалистических» министров Временного Правительства? Чем объяснить тот факт, что эти министры оказались жалкими игрушками в руках людей, стоящих вне Временного Правительства (вспомните «доклады» Чернова и Скобелева, Зарудного и Пешехонова на «Демократическом совещании»!)? Прежде всего тем, что не они вели свои ведомства, а ведомства вели их. Тем, между прочим, что каждое ведомство составляет крепость, где до сих пор еще сидят бюрократы царского периода, обращающие благие пожелания министров в «звук пустой», готовые саботировать любое революционное мероприятие власти. Чтобы власть перешла к Советам не на словах только, но и на деле, необходимо взять эти крепости и, изгнав оттуда слуг кадетско-царского

режима, поставить на их место выборных и сменяемых, преданных делу революции работников.

Власть Советам — это значит коренная чистка всех и всяких правительственных учреждений в тылу и на фронте, снизу доверху.

Власть Советам — это значит выборность и сменяемость всех и всяких «начальников» в тылу и на фронте.

Власть Советам — это значит выборность и сменяемость «представителей власти» в городе и деревне, в армии и флоте, в «ведомствах» и «установлениях», на железных дорогах и в почтово-телеграфных учреждениях.

Власть Советам — это значит диктатура пролетариата и революционного крестьянства.

Диктатура эта в корне отличается от диктатуры империалистской буржуазии, той самой, которую не так давно старались установить Корнилов и Милюков при благосклонном участии Керенского и Терещенко.

Диктатура пролетариата и революционного крестьянства, т.-е. диктатура трудящегося большинства над эксплуатирующим меньшинством, над помещиками и капиталистами, над спекулянтами и банкирами, во имя демократического мира, во имя рабочего контроля над производством и распределением, во имя земли для крестьян, во имя хлеба для народа.

Диктатура пролетариата и революционного крестьянства, т.-е. диктатура открытая, массовая, осуществляемая на глазах у всех без заговора и закулисной работы. Ибо такой диктатуре нечего скрывать, что локаутчикам-капиталистам, обостряющим безработицу путем разных «разгрузок», и банкирам-спекулянтам, взвинчивающим цены на продукты и создающим голоды, — пощады не будет.

Диктатура пролетариата и крестьянства, т.-е. диктатура без насилий над массами, диктатура волею масс, диктатура для обуздания воли врагов этих масс.

Такова классовая сущность лозунга «вся власть Советам».

События внутренней и внешней политики, затяжная война и жажда мира, поражения на фронте и защита

столицы, гнилость Временного Правительства и «переезд» в Москву, разруха и голод, безработица и истощение,— все это неудержимо влечет революционные классы России к власти. Это значит: страна уже созрела для диктатуры пролетариата и революционного крестьянства.

Настал момент, когда революционный лозунг «вся власть Советам» должен быть, наконец, осуществлен.

*«Рабочий путь», № 35,
13 (26) октября 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ЭКЗАМЕН НАГЛОСТИ.

Припертое к стене натиском революции, правительство буржуазных временщиков пробует извернуться, швыряя лживыми уверениями о том, что оно не собиралось бежать из Петрограда и не хотело сдавать столицу.

Вчера еще сообщали во всеуслышание («Известия!»), что правительство «переезжает» в Москву, считая положение столицы «неблагополучным». Вчера еще говорили открыто («комиссия по обороне!») о «сдаче» Петрограда, при чем правительство требовало снятия пушек с подступов к столице. Вчера еще компаньон Керенского и Корнилова по заговору против революции, помещик Родзянко, приветствовал решение правительства о «сдаче», желая гибели Петрограду, флоту и Советам.

Вчера еще присоединялся к этому решению «Лондон», желая правительству скорого освобождения от Петрограда и флота. Вчера еще все это было... А сегодня перепуганные временщики из правительства, в беспорядке отступая перед флотом и гарнизоном, непоколебимо решившими защищать столицу, путаясь и противореча друг другу,— трусливо пытаются замазать факты, стараются оправдаться перед революцией, предать которую они собирались вчера столь неудачно и неловко.

При этом «категорическое» заявление Керенского об отсрочке «переезда» до весны опровергается столь же категорическим заявлением Кишкина о том, что некоторые правительственные учреждения «могут быть уже сейчас

перевезены» в Москву. А докладчик «комиссии по обороне» В. Богданов (отнюдь не большевик!), также категорически заявляет, что «со стороны правительства выяснилось желание оставить Петроград, а в факте отъезда правительства широкие слои демократии увидели возможность сдачи Петрограда» («Изв.»). Мы уже не говорим о том, что, по сообщению вечерних газет, «сторонники отъезда Временного Правительства в Москву имели... перевес голосов» («Русские Ведомости»).

Жалкие, маленькие люди из Временного Правительства! Они, все время обманывавшие народ, — могли ли они рассчитывать на что-либо другое, кроме нового обмана масс, прикрыть которым стараются они свое беспорядочное отступление?

Но временщики не были бы временщиками, если бы они ограничивались обманом. Отступая и прикрываясь обманом, Керенский бросает ряд обвинений, кивая на нашу партию и разглагольствуя о «возрождении погромов» и «опасных врагах революции», о «шантаже» и «развращении масс», о «запачканных кровью невинных жертв руках» и пр.

Керенский говорит против «врагов революции», тот самый Керенский, который вместе с Корниловым и Савинковым устраивал заговор против революции и Советов, обманном путем подтягивая к столице третий конный корпус!..

Керенский говорит против «возрождения погромов», тот самый Керенский, который, повысив цены на хлеб, толкнул деревню на погромы и поджоги! Прочтите оборонческо-эсеровскую газету «Власть Народа» и судите сами:

«Некоторые из наших корреспондентов пишут, что последние беспорядки следует поставить в связи с повышением твердых цен. Новые цены сразу вызвали общее вздорожание жизни. Отсюда появились недовольство, озлобленность, излишняя нервность, в результате чего толпа легче чем прежде идет на погром!..» (№ 1440).

Керенский говорит против «развращения масс», тот самый Керенский, который загрязнил революцию и извратил ее чистые нравы, воскресив институты охранников и сыщиков с грязными Вонлярлярскими и Щукиными во главе!..

Керенский говорит против «шантажа», тот самый Керенский, весь режим которого является сплошным шантажем по отношению к демократии, который открыто шантажировал «Демократическое совещание» несуществующим десантом на финляндских берегах, с успехом конкурируя с ген. Хабаловым!..

Керенский говорит против «забрызганных кровью невинных жертв рук», тот самый Керенский, руки которого действительно забрызганы невинной кровью десятков тысяч солдат, жертв авантюристского наступления на фронте в июне этого года!..

Говорят, что на свете все имеет свой предел. Но разве не ясно, что наглости буржуазных временщиков нет пределов?..

«Известия сообщают, что члены «Совета Республики» встретили Керенского «продолжительными и шумными аплодисментами на всех скамьях». Ничего другого и не ожидали мы от лакейского Предпарламента, выкинутого корниловщиной и крещеного Керенским.

Но пусть знают эти господа, пусть знают все, и те, которые втихомолку готовят репрессии против «левых», и те, которые авансом аплодируют этим репрессиям, — пусть знают они, что когда пробьет решительный час, все они одинаково ответят перед революцией, предать которую они хотят, но обмануть которую им не удастся.

*«Рабочий путь», № 37,
15 (28) октября 1917 г.,
передовая, без подписи.*

ШТРЕЙКБРЕХЕРЫ РЕВОЛЮЦИИ.

Нужно «упразднить Советы и комитеты», говорил корниловец Каледиц на Московском совещании при громе рукоплесканий кадетов.

Верно, отвечал ему соглашатель Церетели, но рано еще, ибо «нельзя еще убрать эти леса, когда здание свободной революции (т.-е. контр-революции?) еще не достроено».

Это было в начале августа, на Московском совещании, когда впервые стал складываться контр-революцион-

ный заговор Корнилова и Родзянко, Милюкова и Керенского.

Заговор тогда «не вышел»: его сорвала политическая забастовка московских рабочих. Но коалиция Церетели и Милюкова, Керенского и Каледина сложилась. Коалиция против большевистских рабочих и солдат. При этом оказалось, что коалиция была лишь ширмой, за которой складывался настоящий заговор против Советов и комитетов, против революции и ее завоеваний, заговор, разразившийся в конце августа.

Могли ли знать эсеры и меньшевики, что, расхваливая коалицию с «живыми силами» Московского совещания, они работали на заговорщиков-корниловцев? Могли ли знать либеральные мещане из «Дела Народа» и трубачи буржуазии из «Известий», что «изолируя» большевиков и подкапываясь под Советы и комитеты, они работали на контр-революцию, записывались в штрейкбрехеры революции?

Корниловское восстание открыло все карты. Оно открыло контр-революционность кадетов и коалиции с ними. Оно открыло всю ту опасность, которая угрожает революции со стороны генеральско-кадетского союза. Оно воочию показало, что если бы не Советы в тылу и комитеты на фронте, против которых сговаривались оборонцы с Калединым, революция была бы разгромлена.

Известно, что в тяжелые минуты корниловского восстания меньшевики и эсеры принуждены были отдать себя под защиту тех самых кронштадтцев и «большевистских» Советов, против которых устраивали они коалицию с Калединскими и прочими «живыми силами».

Урок был дан ценный и более чем внушительный.

Но... слаба память человеческая. Особенно же память перебежчиков из «Известий» и бесхарактерного «Дела Народа».

Всего месяц с лишним прошло со времени корниловского восстания. Казалось бы, с корниловщиной покончено навсегда. Между тем «волею судеб» и Керенского за это короткое время мы успели уже вступить в полосу

новой корниловщины. Корнилов «арестован». Но вожди корниловщины стоят у власти. Старая коалиция с «живыми силами» сорвана. Но зато налажена новая коалиция с корниловцами. Московское совещание не превратилось в «долгий парламент», как мечтал об этом казачий атаман Караулов. Но зато создан корниловский Предпарламент, призванный «заменить старую советскую организацию». Первое совещание черных в Москве сошло со сцены. Но зато на-днях открылось в Москве второе совещание черных, лидер которого, помещик Родзянко, открыто заявляет, что он «будет рад, если Советы и флот погибнут, а Петроград будет взят немцами». Правительство делает вид, что судит Корнилова. На самом же деле оно подготавливает «пришествие» Корнилова, сговариваясь с Корниловым и Калединым, стараясь вывести революционные войска из Петрограда, собираясь бежать в Москву, готовясь к сдаче Петрограда, лобызаясь с «нашими доблестными союзниками», которые ждут не дождутся разгрома Балтийского флота, взятия немцами Петрограда и... восшествия на престол сэра Корнилова...

Разве не ясно, что мы живем накануне новой корниловщины, еще более грозной, чем старая?

Разве не ясно, что от нас требуется теперь сугубая бдительность и полная боевая готовность?

Разве не ясно, что теперь более чем когда-либо нужны Советы и революционные комитеты?

Где спасение от корниловщины, в чем оплот революции, могущей подавить всей мощью массового движения грядущее наступление контр-революции?

Уж, конечно, не в лакейском Предпарламенте!

Разве не ясно, что единственное спасение — в Советах и стоящих за ними рабочих и солдатских массах?

Разве не ясно, что Советы и только Советы призваны спасти революцию от грядущей контр-революции?

Казалось бы, долг революционеров — беречь и укреплять эти организации, сплачивать вокруг них рабочие и крестьянские массы, связывать эти организации в областные и всероссийские съезды.

Между тем отреченцы из «Известий» и «Дела Народа», забыв «тяжелые испытания» корниловских дней, вот уже несколько дней занялись развенчиванием Советов, травлей Советов, срывом областных и всероссийского съездов Советов, дезорганизацией и разрушением Советов.

«Роль местных Советов падает, — говорят «Известия». Советы перестали быть обще-демократической организацией»...

Временную организацию Советов мы хотим заменить постоянной полной и всесторонней организацией государственного и местного строя жизни. Когда пало самодержавие и вместе с ним весь бюрократический порядок, мы построили Советы Депутатов, как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия. Теперь вместо бараков строится постоянное каменное здание нового строя и, естественно, люди постоянно уходят из бараков в более удобные помещения по мере того, как отстраивается этаж за этажом.

Так говорят потерявшие стыд «Известия», орган Центрального Исполнительного Комитета, влачащего свое жалкое существование волей долготерпения Советов.

А Ляпкины-Тяпкины из бесхарактерного «Дела Народа», ковыляя за «Известиями», глубокомысленно приговаривают: нужно сорвать Съезд Советов, ибо в этом срыве — «спасение» революции и Учредительного Собрания.

Вы слышите? «Временная организация» — это революционные Советы, свергнувшие царизм и его произвол. «Постоянная и всесторонняя организация» — это лакейский Предпарламент, служащий Алексею и Керенскому. «Временные бараки» — это революционные Советы, рассеявшие отряды Корнилова. А «постоянное каменное здание» — это корниловский выкидыш, Предпарламент, призванный прикрыть своей болтовней мобилизующуюся контр-революцию. Там шум и гам живой революционной жизни. Здесь чинность и «уют» контр-революционной канцелярии. Можно ли удивляться, что перебежчики из «Известий» и «Дела Народа» поспешили перебраться из «бараков» Смольного Института в «каменное здание» Зимнего дворца, разжаловав себя из «вождей революции» в денщиков сэра Алексева?

Надо упразднить Советы, говорит сэр Алексеев.

Рады стараться, — отвечают «Известия», — достраивайте только последний «этаж» в «каменном здании» Зимнего дворца, а «мы», мы к тому времени разберем «бараки» Смольного Института.

Надо заменить Советы Предпарламентом, говорит мистер Аджемов.

Рады стараться, — отвечают ему из «Дела Народа», — дайте сначала сорвать Съезд Советов.

И это делают они теперь, накануне новой корниловщины, когда контр-революция уже созвала свой съезд в Москве, когда корниловщина уже мобилизовала свои силы, организуя погромы в деревне, вызывая голод и безработицу в городе, подготавливая срыв Учредительного Собрания, открыто собирая силы в тылу и на фронте для нового выступления против революции.

Что это, как не прямая измена революции и ее завоеваниям?

Кто это, как не гнусные штрейкбрехеры революции и ее организаций?

Как должны после этого относиться к ним организованные в Советы рабочие и солдаты, если они, господа из «Известий» и «Дела Народа», в «тяжелые минуты» будущей корниловщины «по-старому» обратятся к ним «с рукой протянутой нищего», прося защиты от контр-революции?..

Рабочие обычно вывозят на тачке штрейкбрехеров забастовки.

Крестьяне обычно выставляют к позорному столбу штрейкбрехеров общего дела.

Мы не сомневаемся, что Советы найдут средством должным образом заклеят презренных штрейкбрехеров революции и ее организаций.

*«Рабочий Путь» № 37,
15 (28) октября 1917 г.,
без подписи.*

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ Ц.К. 16 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА.

(Протокольная записка.)

День восстания должен быть выбран целесообразно. Только так надо понимать резолюцию. Можно говорить, что нужно задержать нападение, но надо понимать, что такое нападение; повышение цен на хлеб, посылка казаков в Донской район и т. п., — все это уже нападение. До каких пор ждать, если не будет военного нападения? То, что предлагают Каменев и Зиновьев, объективно приводит к возможности для контр-революции организовать. Мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию. Почему бы нам не обеспечить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности организоваться контр-революции?

Переходит к анализу международных отношений, доказывает, что теперь больше веры должно быть. Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и озирается на Европу, вторая — не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский Совет уже встал на путь восстания, отказав санкционировать вывод войск. Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского.

Из Архива Ц.К.

«ОКРУЖИЛИ МЯ ТЕЛЬЦЫ МНОЗИ ТУЧНЫ».

Большевики дали клич — быть готовым! Вызван он обострением положения и мобилизацией сил контр-революции, которая хочет напасть на революцию, которая пытается обезглавить революцию, сдать столицу Вильгельму, которая намерена обескровить столицу, выводя из нее революционную армию.

Но революционный клич, данный нашей партией, понят не всеми одинаково.

Рабочие поняли его «по-своему» и стали вооружаться. Они, рабочие, много прозорливее очень многих «умных» и «просвещенных» интеллигентов.

Солдаты от рабочих не отстали. Вчера еще на собрании полковых и ротных комитетов столичного гарнизона громадным большинством постановили они грудью отстаивать революцию и ее вождя, Петроградский Совет, по первому зову которого обязуются они стать под ружье.

Так обстоит дело с рабочими и солдатами.

Не то с другими слоями.

Буржуазия знает, где раки зимуют. Она взяла да «без лишних слов» выставила пушки у Зимнего дворца, ибо у нее есть свои «прапорщики» и «юнкера», которых, надеемся, история не забудет.

Агенты буржуазии из «Дня» и «Воли Народа» открыли против нашей партии поход, «смешивая» большевиков с черными, усиленно допрашивая их о «сроке восстания».

Их подголоски, денщики Керенского, Бинасики и Даны, разразились воззванием, подписанным «П. И. К.», призывая не выступать, допрашивая, подобно «Дню» и «Воле Народа», о «сроке восстания», приглашая рабочих и солдат пасть ниц перед Кишкиным и Коноваловым.

А перепуганным неврастеникам из «Новой Жизни» невмоготу стало, ибо они «не могут больше молчать» и умоляют нас сказать наконец: когда же выступят большевики.

Словом, если не считать рабочих и солдат, то поистине: «окружили мя тельцы мнози тучны», клевета и доносы, угрожая и умоляя, вопрошая и допрашивая.

Наш ответ.

О буржуазии и ее «аппарате»: с ними у нас разговор будет особый.

Об агентах и наймитах буржуазии: мы их посылаем к контр-разведке, — там они могут «осведомиться», в свою очередь «осведомляя», кого следует, о «дне» и «чase» «выступления», маршрут которого составлен уже провокаторами из «Дня».

О Бинасиках, Данах и прочих денщиках Керенского, из П. И. Комитета: «героям», ставшим на сторону правительства Кишкина-Керенского против рабочих, солдат и крестьян, — мы отчета не даем. Но мы постараемся,

чтобы они, эти герои штрейкбрехерства, ответили перед съездом, который вчера еще пытались они сорвать, но который сегодня вынуждены они созвать, отступая перед напором Советов.

Что касается неврастеников из «Новой Жизни», то мы плохо разбираемся, чего, собственно, хотят они от нас.

Если они хотят узнать о «дне» восстания, для того, чтобы заранее мобилизовать силы перепуганных интеллигентов, для своевременного... бегства, скажем, в Финляндию, — то мы можем их только... похвалить, ибо мы «вообще» за мобилизацию сил.

Если они спрашивают о «дне» восстания для того, чтобы успокоить свои «стальные» нервы, то уверяем их, что если бы даже был назначен «день» восстания и если бы большевики сообщили им об этом «на ухо», то от этого ни на грань не стало бы «легче» нашим неврастеникам: пошли бы новые «вопросы», истерика и пр.

Если они хотят просто произвести демонстрацию против нас, желая отмежеваться от нашей партии, то мы их можем опять же только похвалить: ибо, во-первых, этот разумный шаг, несомненно, будет зачтен им, кем следует, после возможных «осложнений» и «неудач»; во-вторых, он внесет ясность в сознание рабочих и солдат, которые поймут, наконец, что «Новая Жизнь» второй раз (июльские дни!) дезертирует из рядов революции в черную рать Бурцевых-Сувориных. Ну, а всякому известно, что мы вообще за ясность.

Но, может быть, они не могут «молчать» потому, что теперь вообще все заготовали в отечественном болоте интеллигентской растерянности? Не этим ли объясняется «нельзя молчать» Горького? Невероятно, но факт. Они сидели и молчали, когда помещики и их прислужники доводили крестьян до отчаяния и голодных «бунтов». Они сидели и молчали, когда капиталисты и их прихвостни готовили рабочим всероссийский локаут и безработицу.

Они умели молчать, когда контр-революция пыталась сдать столицу и вывести оттуда армию. Но эти люди «не могут молчать», когда авангард революции, Петроградский

Совет, стал на защиту обманутых рабочих и крестьян! И первое слово, что сказали они, — слово упрека не по адресу контр-революции, — нет, а по адресу той самой революции, о которой они с увлечением говорят за чашкой чая, но от которой они бегут, как от чумы, в самые ответственные минуты! Разве это не «странно»?

Русская революция ниспровергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед «громкими именами», она их брала на службу, либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее. Их, этих «громких имен», отвергнутых потом революцией, — целая вереница. Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые тем только и замечательны, что они старые. Мы боимся, что лавры этих «столпов» не дают спать Горькому. Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним, в архив.

Что ж, вольному воля... Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов...

*«Рабочий Пульс» № 41,
26 октября (2 ноября) 1917 г.,
без подписи.*

ЧТО НАМ НУЖНО?

В феврале месяце свергли царя солдаты и рабочие. Но, победив царя, они не захотели взять власть в свои руки. Руководимые дурными пастырями, — эсерами и меньшевиками, рабочие и солдаты добровольно передали власть ставленникам помещиков и капиталистов: Милюковым и Львовым, Гучковым и Коноваловым.

Это была роковая ошибка победителей. За эту ошибку расплачиваются теперь солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу.

Свергая царя, рабочие думали получить хлеб и работу. Но вместо этого они «получили» дороговизну и голод, локауты и безработицу. Почему?

— Потому, что в правительстве сидят ставленники капиталистов и спекулянтов, которые хотят взять рабочих измором.

Свергая царя, крестьяне думали получить землю. Но вместо этого они «получили» аресты своих депутатов и карательные экспедиции. Почему?

— Потому, что в правительстве сидят ставленники помещиков, которые ни за что не уступят крестьянам.

Свергая царя, солдаты думали получить мир. Но вместо этого они «получили» затяжную войну, которую хотят к тому же оттянуть еще до будущей осени. Почему?

— Потому, что в правительстве сидят ставленники англо-французских банкиров, которым невыгодно «скорое» окончание войны, которые грабительски наживаются на войне.

Свергая царя, народ думал, что месяца через два-три созовут Учредительное Собрание. Между тем созыв Учредительного Собрания раз уже был отложен, и теперь явно готовятся враги к его окончательному срыву. Почему?

— Потому, что в правительстве сидят враги народа, которым невыгоден своевременный созыв Учредительного Собрания.

После победы революции власть осталась в руках помещиков и капиталистов, банкиров и спекулянтов, скупщиков и мародеров, — вот в чем роковая ошибка рабочих и солдат, вот где причина нынешних бедствий в тылу и на фронте.

Эту ошибку нужно исправить теперь же. Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.

Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...

Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить народом признанным правительством, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями.

Нужно правительство Кишкина-Коновалова заменить правительством Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь.

Таким и только таким путем могут быть завоеваны мир, хлеб, земля, свобода.

— Рабочие, солдаты, крестьяне, казаки, все трудящиеся!

Хотите ли вы, чтобы вместо нынешнего правительства помещиков и капиталистов стало у власти новое правительство рабочих и крестьян?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России объявило, согласно требованию крестьян, отмену помещичьих прав на землю и передало все помещичьи земли без выкупа крестьянским комитетам?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обнародовало тайные договоры царя, признало их необязательными и предложило всем воюющим народам справедливый мир?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обуздало в конец локаутчиков и спекулянтов, намеренно обостряющих голод и безработицу, разруху и дороговизну.

Если вы хотите этого, соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них Съезду Советов, который открывается завтра в Смольном.

Если вы все будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место новому тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы. И вся страна пойдет тогда смело и твердо к завоеванию мира народам, земли крестьянам, хлеба и работы голодающим.

Власть должна перейти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

У власти должно быть новое правительство, избранное Советами, сменяемое Советами, ответственное перед Советами.

Только такое правительство может обеспечить своевременный созыв Учредительного Собрания.

Л Е Т О П И С Ь С О Б Ы Т И Й.

(Февраль — октябрь 1917 г.)

- 23 — 27 февраля. Рабочие забастовки и уличные демонстрации в Петрограде. Переход войск на сторону народа.
- 27 февраля. Образование Петроградского Совета Рабочих Депутатов. Роспуск Государственной Думы. Возникновение Комитета Гос. Думы.
- 28 февраля — 1 марта. Движение в Москве. Образование Революционного Комитета. Образование солдатской секции Петроградского Совета. № 1-й «Известий Петроградского Совета Раб. Депутатов». Образование Московского Совета Раб. и Солд. Депутатов.
- 1 марта. Приказ № 1 Петроградского Совета Раб. и Солд. Депутатов о гражданских и политических правах солдат.
- 2 марта. Отречение от престола Николая II в пользу Михаила Романова. Образование первого Временного Правительства под председательством кн. Г. Львова, Керенский — министр юстиции.
- 3 марта. Отречение Михаила Романова.
- 5 марта. № 1-й «Правды».
- 7 марта. «Контактная комиссия» Совета в составе Скобелева, Стеклова, Суханова, Филипповского и Чхеидзе для сношений с Вр. Правительством. № 1-й «Социал-Демократа» (орган большевиков) в Москве.
- 10 марта. Резолюция Бюро Ц. К. Р. С. - Д. Р. П. (большевиков) о войне.
- 14 марта. Воззвание Петроградского Совета о мире.
- 21 марта. Первое «Письмо из далека» Н. Ленина в «Правде».
- 29 марта. Всероссийское Совещание делегатов Советов Раб. и Солд. Депутатов.
- 3 апреля. Возвращение Н. Ленина и группы эмигрантов интернационалистов в Петроград из Швейцарии через Германию.

ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ

- 4 апреля. Доклад Н. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» («тезисы») на собрании большевиков-делегатов Всероссийского Совещания Сов. Раб. и Солд. Деп. Повторение доклада на собрании большевиков и меньшевиков в Петрограде.
- 15 апреля. № 1-й «Солдатской Правды».
- 18 апреля. Нота Милюкова с подтверждением верности Временного Правительства союзным договорам.
- 14 — 22 апреля. Петроградская общегородская конференция Р. С.-Д. Р. П. (б.).
- 20 — 22 апреля. Демонстрация рабочих против Милюкова и Временного Правительства в Петрограде и Москве в связи с нотой Временного Правительства и первый кризис власти.
- 23 апреля. Предварительное совещание участников Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).
- 27 апреля. Заседание Государственной Думы четырех созывов. Речь Церетели.
- 24 — 29 апреля. Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). За основу резолюций приняты «тезисы» Н. Ленина. Выбран новый Ц. К.
- 30 апреля. Отставка Гучкова.
- 1 мая. Рабочие демонстрации по всей России с лозунгами «демократического мира».
- 2 мая. Отставка Милюкова.
- 5 мая. Образование коалиции. Второе Временное Правительство кн. Львова с участием социалистов-соглашателей.
- 11 — 26 мая. Первый Крестьянский съезд под председательством эсера Авксентьева.
- 13 мая. Съезд фронтовых делегатов в Пскове.
- 15 мая. № 1-й «Окопной Правды».
- 22 мая. Речь Н. Ленина на Крестьянском съезде.
- 30 мая. Выборы в районные думы в Петрограде.
- 31 мая. Резолюция Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) по поводу нот Англии и Франции от 11 и 13 мая — о необходимости Совету Раб. и Солд. Депутатов взять власть в свои руки в целях скорейшего окончания империалистской войны.
- Конференция фаб.-зав. комитетов приняла резолюцию большевиков об установлении действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов.
- июль. Открытие совещания с.-д. членов Всероссийского Съезда Советов.

ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ

- 3 июня. Открытие 1-го Съезда Советов под руководством меньшевиков и эсеров. Оборонческий Ц.И.К.
- 4 июня. Выступление Ленина на Съезде Советов.
- 8 июня. Совещание Ц. К. и П. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) с представителями районов и войсковых частей высказалось за устройство демонстрации 10 июня против контр-революции.
- 9 июня. Запрещение оборонческим Съездом Советов рабочей демонстрации в Петрограде. Выступление Ленина на Съезде по вопросу о войне. Постановление Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) об отмене демонстрации 10 июня.
- 11 июня. Заседание Исп. Ком. Советов, Президиума Съезда и Бюро фракции по вопросу о демонстрации 10 июня. Уход большевиков в знак протеста. Универсал Центральной Украинской Рады и всеукраинского фронтового съезда.
- 12 июня. Постановление Съезда Советов об устройстве 18 июня мирной демонстрации.
- 14 июня. Воззвание П. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) к рабочим и солдатам по поводу организующейся контр-революции и с призывом быть готовым к активному выступлению.
- 16 июня. Приказ Керенского о наступлении на фронте.
- 18 июня. Массовые демонстрации в Петрограде и других городах под лозунгом «долой министров-капиталистов».
- 19 июня. Начало наступления на фронте и неудача русской армии.
- 21 июня. Открытие Всероссийской конференции профсоюзов.
- 25 июня. Выборы в Московскую городскую думу. Победа эсеров.
- 1 июля. Общегородская конференция Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) в Петрограде.
- 2 июля. Отставка министров-кадетов и кн. Ливова.
- 3 июля. Вооруженные демонстрации рабочих, солдат и матросов в Петрограде и второй кризис власти.
- 5 июля. Привод с фронта контр-революционных войск Керенским. Клевета Алексинского и контр-разведки против Ленина. Разгром «Правды».
- 6 июля. Юнкерские псгромы в Петрограде. Закрытие «Правды». Занятие особняка Кшесинской. Начало арестов большевиков. Переход В. И. Ленина и Г. Зиновьева на нелегальное положение. Вышел «Листок Правды»; при продаже его убит рабочий Ив. Воинов.

ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ

- 8 июля. Третье Временное Правительство (коалиционное) под председательством Керенского. Назначение созыва Учр. Собрания на 30 сентября.
- 10 июля. № 1 «Рабочий и Солдат», орган большевиков, вместо закрытой «Правды».
- 12 июля. Восстановление смертной казни на фронте.
- 16—17 июля. Экстренная общегородская конференция Петроградской организации Р. С.-Д. Р. П. (б.), принявшая позицию вооруженного восстания.
- 26 июля—3 августа. VI съезд Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) в Петрограде, провозгласивший необходимость вооруженного восстания. Выбран новый Ц.К.
- 12 и 14 августа. Государственное Совещание в Москве и всеобщая забастовка московских рабочих.
- 13 августа. № 1 «Пролетария» вместо закрытого «Рабочий и солдат».
- 20 августа. Сдача Риги. Выборы в Петроградскую городскую думу.
- 25—30 августа. Наступление Корнилова на Петроград.
- 25 августа. № 1 «Рабочий» вместо закрытого «Пролетария». Принятие большевистской резолюции Петроградским Советом.
- Август—сентябрь. Земско-городские выборы в России.
- 1 сентября. Поражение корниловцев и третий кризис власти. Образование Директории во главе с Керенским.
- 3 сентября. Фронтовое совещание Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) в Минске. № 1 «Рабочего Пути» вместо закрытого «Рабочего».
- 6 сентября. Первая большевистская резолюция в Московском Совете.
- 12 сентября. Ташкентский Совет взял власть в свои руки. Его конфликт с Временным Правительством.
- 14—22 сентября. Демократическое Совещание в Петрограде.
- 23 сентября. Избрание Л. Троцкого председателем Петроградского Совета.
- 24 сентября. Заседание Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) с участием большевистских делегатов на Демократическое Совещание.
- 25 сентября. Четвертое Временное Правительство (коалиционное) под председательством Керенского.
- 30 сентября. Победа большевиков на выборах в районные думы в Москве.
- Сентябрь—октябрь. Аграрное движение, усмирение и аресты крестьян.
- 7 октября. Открытие Совета Республики (Предпарламента). Уход большевистской фракции из Предпарламента.
- 8 октября. «Советы постороннего» Ленина.

ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ

- 10 октября. Заседание Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) Ц. К. принимает резолюцию Ленина о вооруженном восстании большинством 10 против двух. Избрано Политическое бюро Ц. К. по руководству восстанием, в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольников, Бубнова.
- 11 октября. Съезд Советов Северной области под руководством большевиков.
- 16 октября. Заседание Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков) с представителями П. К., военной организации, фабзавкомов, профсоюзов, железнодорожников, принявшее резолюцию Ленина о восстании большинством 19 против двух. Избирается практический центр по организационному руководству восстанием в составе: Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. Образование Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете.
- 24 октября. Приказ о закрытии «Рабочего Пути» и «Солдата» в Петрограде. Отмена этого приказа Военно-Революционным Комитетом Петросвета.
- 25 октября. Победа Пролетарской Революции. 2-й Съезд Советов. Избрание Совета Народных Комиссаров.
-

